

Я. Гримм



В. Гримм



Я. Гримм, В. Гримм

СКАЗКИ
Эленбергская
рукопись
1810
с комментариями

*Перевод
Александра Науменко*



МОСКВА «КНИГА» 1988

Рецензенты:
С. К. Апт,
А. В. Карельский
Вступительная статья,
комментарий, библиография
А. Науменко
Художник
В. Иванюк

Г — 4703000000-056 — Без объявл.
002(01)-88

ISBN 5-212-00041-6

© Издательство «Книга», 1988

Содержание *

<i>Второе открытие гриммовских сказок.</i>		
<i>Вступительная статья А. Науменко</i>	9	
<i>Обоснование текста</i>	96	
<i>Сказки</i>	101	
<1>. <i>О короле, портном, великанах, единороге и дикой свинье</i>	111	256
2. <i>О кошке и мышке</i>	119	259
3. <i>О вошке и блошке</i>	121	261
4. <i>Верный кум воробей</i>	124	262
5. <i>О соломинке, угольке и фасолинке</i>	126	263
6. <i>Волк</i>	128	267
7. <i>Зверушка</i>	130	270
8. <i>Бедная девушка</i>	131	274
9. <i>Кровяная колбаса</i>	132	276
10. <i>Двенадцать братьев и сестрица</i>	133	277
11. <i>Братец и сестрица</i>	137	278
12. <i>Мальчик с пальчик</i>	142	283
13. <i>Дурень</i>	143	284
14. <i>О портняжке мальчике с пальчик</i>	144	285
15. <i>Дурак</i>	147	290

* Номера заглавий сказок, тексты которых в Эленбергской рукописи отсутствуют, даны в острых скобках.

16.	<i>Белый голубь</i>	149	290
17.	<i>Три королевича</i>	151	294
18.	<i>Дурачок</i>	154	297
19.	<i>Терновая розочка</i>	157	299
20.	<i>Дракон</i>	159	306
21.	<i>Король Дроздобород</i>	162	310
22.	<i>Золотая утка</i>	165	315
23.	<i>Сказка о голове Фанфрелюша</i>	170	319
<24>.	<i>О рыбаке и его ненасытной жене</i>	—	325
25.	<i>Королевская дочь и заколдованный принц. Король-лягушка</i>	173	329
26.	<i>Сказка. Найденыш</i>	176	337
27.	<i>Золотой гусь</i>	180	339
<28>.	<i>История о воробье</i>	—	342
29.	<i>Господин-На-все-руки</i>	182	347
<30>.	<i>Об украденном геллере</i>	—	352
31.	<i>Старая ведьма</i>	184	354
32.	<i>Золотой олень</i>	191	355
<33>.	<i>О мышке, птичке и жареной колбасе</i>		357
34.	<i>Дитя Марши</i>	193	358
35.	<i>Принцесса Мышиная шкурка</i>	198	361
36.	<i>Месяц и его мать</i>	200	362
37.	<i>Сурок. Liron</i>	201	366
<38>.	<i>О соловьяхе и веретенице</i>	—	368
39.	<i>Добрый пластырь</i>	212	370
40.	<i>Три ворона</i>	213	371
41.	<i>Жених-разбойник</i>	215	375
42.	<i>Громыхтишунчик</i>	217	377

43.	<i>Белоснежка. Несчастное дитя</i>	219	382
44.	<i>Два трубочиста-подмастерья</i>	226	388
45.	<i>Принц-лебедь</i>	229	391
46.	<i>Сказка. Немая девочка</i>	234	394
	<i>Другая <сказка></i>	237	394
47.	<i>Русалка</i>	238	395
	<i>О короле английском</i>	239	396
48.	<i>Об Йоханнесе-Водяном и Каспаре-Водяном</i>	241	398
49.	<i>О плотнике и столяре</i>	244	400
<50>.	<i>Золушка</i>	—	402
<51?>.	<i>О золотой птице</i>	—	406
	<i>Господин Корбес</i>	245	407
	<i>Граф Изанг</i>	247	409
<i>Комментарии</i>			253
<i>Информанты</i> <i>Гриммов</i>			413
<i>Библиография</i>			424

*Оригинальнейшее произведение —
есть все-таки лишь продолжение чего-то,
что, возможно, и недоступно непосредственному
наблюдению.*

*Ахим фон Арним
Якобу Гримму
из Берлина в Кассель
24 декабря 1812 года*

Второе открытие гриммовских сказок

Оригинальнейшее и популярнейшее произведение мировой литературы, «Детские и домашние сказки», великих немецких филологов и писателей братьев Якоба и Вильгельма Гримм впервые было опубликовано 175 лет назад на рождество 1812 года в берлинском издательстве «Книготорговля для реальных школ», арендованном Георгом Андреасом Раймером. В книге были 86 текстов и примечания к ним. В 1815 году последовал второй том с дальнейшими 70 текстами и примечаниями. Из письма Вильгельма Гримма к Ахиму фон Арниму от 25 января 1815 года известно, что готовился и третий том [19, 3], но под давлением общественного вкуса, рыночной конъюнктуры и в результате развития собственных представлений о литературной форме сказки Гриммы продолжили работу над первыми двумя томами — в 1819 году оба тома вышли вторым изданием (170 текстов). Третье, вновь значительно отредактированное издание 1837 года содержало уже 177 текстов; с новыми изменениями вышло при жизни Гриммов еще четыре: 1840 (187 текстов), 1843 (203 текста), 1850 и 1857 (по 210 текстов). Именно последнее завоевало всемирную славу. Но первая известность пришла к гриммовским сказкам значительно раньше. Первый перевод — на датский А. Г. Эленслегером — датирован 1816 годом, в 1821 году И. Ф. Лилиенкроп переводит сказки Грим-

мов на голландский; в 1823 году братья Эдгар и Джон Тэйлор переводят их на английский; в 1830-м выходит первый французский перевод; в 1857-м — полный английский перевод Эдварда Генри Венерта, ставший основой для перевода гриммовских сказок на языки Азии и Латинской Америки. Первый полный русский перевод вышел в Петербурге в 1863—1864 гг.* Количесство переводов в настоящее время точно определить уже невозможно; известно лишь, что сказки Гриммов существуют более чем на 100 языках мира, а общий тираж их может быть измерен лишь восьмизначной цифрой. По популярности гриммовские сказки превосходят сказки всех прочих обработчиков и авторов. От мала до велика все их знают и любят вот уже более ста лет.

Что тому причина? Писательский талант авторов, их беспримерное прилежание, работоспособность? Да, конечно. Но и многие другие не уступали им в этих качествах. Есть две разгадки этой непреходящей славы и популярности. Первая станет очевидной, если сравнить гриммовские сказки с повествовательным наследием Европы.

«<...> хотя мы были не в состоянии особенно заниматься поисками сюжетов, наше собрание росло год от года, и теперь оно кажется богатым, <...> и мы тешим себя мыслью о том, что владеем *большой и лучшей* частью *», — писал к предисловию первого издания «Сказок» Вильгельм Гримм. Заявление не совсем уверенное, но безошибочное. Став в свое время

* См. Афанасьев А. Н. Народ-художник. М., 1986. С. 136—141.

** Везде, кроме оговоренных случаев, курсив мой. — А. Н.



Якоб Гримм.
Рисунок Л. Э. Гримма. 1815



Вильгельм Гримм.
Рисунок Л. Э. Гримма. 1815

лучшими знатоками европейской фольклорной традиции, они собрали, обработали и издали наиболее распространенные и типичные сюжеты, составляющие мифопоэтический фундамент культуры и литературы Европы. И вторая разгадка: Гриммы создали первый литературно достоверный стилистический образец книжной народной сказки, более того — *они создали книжную народную сказку* как таковую, которая вызвала массу подражателей как в Германии, так и за рубежом, определила пути и судьбы книжных форм фольклора, их влияние на устные, первичные, формы и на литературу и на предметно-бытовые формы европейской культуры. Гриммы заложили основы издательских принципов сказки: подход к вариантам, выбор, способ записи и критерии обработки. При всей непоследовательности этих принципов с современной научной точки зрения (которая сложилась, однако, на их же основе) они оказались плодотворны для сохранения фольклора, эстафеты сказки в ее вторичной, книжной, форме и еще более широкого распространения ее в широчайших слоях читающей публики. *Само понятие сказки сложилось на основе гриммовского книжно-литературного образца.* «Сказка — это рассказ или история в том виде, в каком она преподнесена в детских и домашних сказках братьями Гримм», — писал Андре Жолле [42, 219]. В попытках разгадать структуру и жанровую тайну сказки, в метаниях между ее словесно-текстовой и книжно-обработанной, «гриммовской», формой почти сразу же



Клеменс Brentано.
Рисунок К. Шульца

после кончины Гриммов (а исподволь и при их жизни) сложилась целая отрасль филологии — гриммоведение, в СССР, к сожалению, практически отсутствующая. Ученые изучали метод работы Гриммов, сравнивая между собой семь прижизненных изданий «Сказок», и их, в свою очередь, с догриммовскими сказочными сборниками, исследовали литературное и идейное кредо гейдельбергской школы немецкого романтизма. Результатов накопилось много, но... Гриммы уничтожили все черновики, а издательские рукописи бесследно исчезли, и сложилось ощущение, будто сказки возникли сразу готовыми. Правда, в переписке Гриммов и великого немецкого поэта и писателя-сказочника Клеменса Брентано, изданной в 1914 году Р. Штайгом, говорилось о каком-то комплекте рукописей сказок, который Гриммы послали Брентано в 1810 году, но где эта рукопись, было неизвестно. Обнаружилась она в конце XIX века в архиве Брентано в библиотеке траппистского монастыря Эленберг в Верхнем Эльзасе. Это и была первоначальная рукопись гриммовских сказок, которая зовется теперь Эленбергской. В руках у ученых, а вскоре и читателей оказался неоценимый историко-литературный памятник. Нет нужды объяснять, почему интересно читать рукописи великих произведений. Но чтение Эленбергской рукописи с комментариями, создающими объемность и глубину резкости предшествующих времен, — непохоже ни на какое другое. Мы не просто попадаем в мастерскую книжной сказки, а познаем исходные формы сказки

как таковой, главные несущие элементы ее конструкции и способы соединения этих элементов, которые, вычлененные Гриммами при записи, способствовали распространению и передаче сказки через века и географические пространства. В чистом виде мы переживаем то эстетическое впечатление, которое в нашем культурном сознании мы соединяем с понятием сказка: лаконичное и емкое выражение; насыщенность многозначными именами, связанными лишь глаголами; отсутствие описательности и психологических мотивировок реального мира; абсолютное господство, а значит, и обыкновенность чуда, отсутствие морали, а лишь указание на нее. Читая Эленбергскую рукопись, мы во второй раз открываем не только гриммовские сказки, но и сказки всех народов мира и, что нам крайне немаловажно, русскую сказку, эстетический, т. е. книжно-литературный, архетип которой создан по гриммовскому образцу А. Н. Афанасьевым. Этой преамбулой можно было бы и ограничиться и сказать вместе с Вильгельмом Гриммом в отношении Эленбергской рукописи то, что он сказал о сказках первого издания; «Мы не хотим здесь превозносить эти сказки, ни спорить с противоположным мнением; их простого *здесь-бытия* (курсив В. Гримма) достаточно, чтобы их защитить» [18, VIII]. Но всякому библиофилу, любящему и знающему сказки Гриммов, и, конечно же, историкам литературы и фольклористам, а книговедам тем более, захочется, как когда-то и мне, когда я впервые прочел эту рукопись, узнать обстоятельства

ее возникновения, путь ее к книге и странствие самой рукописи вплоть до наших дней.

*

На смертном одре Клеменс Brentано завещал аббату Эфрему ван дер Мойлену свой архив, в котором и был посланный Гриммами в 1810 году комплект рукописей сказок. После кончины аббата в 1884 году наследие Brentано перешло в библиотеку Эленбергского монастыря и было каталогизировано. В 1893-м библиотекарь отец Юлий сообщил немецкому литературоведу, профессору филологии Отто Хеллингхаузу, что он «несколько лет назад открыл рукопись Клеменса Brentано (то была «Хроника странствующего школяра») вместе с оригинальными гриммовскими рукописями, содержащими сказки» [2, 150]. Хеллингхауз известил об этом писателя Карла Русса, автора книги «Монастырь траппистов Эленберг и реформированный орден цизленцинсов» (1898), который, загоревшись идеей издания этих рукописей, заполучил их на длительное время к себе в Страсбург. Смерть помешала его плану, и рукопись перекочевала к преподавателю Страсбургского университета доктору Карлу Хёберу, известному лингвисту, литературоведу, историку и библиофилу, который около 1900 года интенсивно занимался литературой немецкого романтизма и выступал с публичными лекциями о ней. Но и Хёбер не издал рукописи; а она между тем вернулась в Эленбергский монастырь. Переехав из Страсбурга в Кёльн

и став редактором «Кёльнише Фольксцайтунг», Хёбер послал в Эленбергское аббатство филолога Альфонса Марию фон Штайнле, который, видимо со слов Хёбера, опубликовал в апреле 1912 года в «Журнале для библиофилов» статью об эленбергской находке, сделал акцент лишь на необходимости опубликовать рукопись Брентано *. Но вскоре Штайнле скончался, и публикация опять не состоялась.

Во время первой мировой войны Карл Хёбер известил о существовании Эленбергских рукописей страсбургского библиотекаря, известного в своих краях писателя, искусствоведа и литературоведа Йозефа Леффца. Леффца увлекла идея издания, но через Луттербах проходила линия германо-французского фронта, а летом 1915 года поступило известие, что Эленбергский монастырь подожжен французами... После окончания войны Леффц узнал, что библиотека монастыря спасена, и при посредничестве мурбахского священника А. Кесслера получил от аббатства рукописи с полномочиями издать их.

В 1923 году Леффц издал «Хронику странствующего школяра» Брентано; летом 1924-го подготовил к печати гриммовские рукописи. И тут возникло неожиданное препятствие. Авторитетный литературовед, профессор Кёльнского университета, автор фундаментальных трудов по истории немецкого Просвещения и романтизма Франц Шульц издал гриммовские рукописи в Оффенбахе-на-Майне. И хотя издание оказалось позором для Франкфуртского общества библиофилов,

* Zeitschrift für Bucherfreunde. 1912.
№ 4. S. 331.

протезировавшего это предприятие, ибо сделано было не по оригиналу, а по небрежной копии 1910—1911 годов, Шульцем к тому же не сверенной, сам факт публикации и авторитет кельнского профессора воспрепятствовали выходу в свет издания Леффца в том же году. В предисловии Шульц, не видевший оригинала, выдвинул утверждение, что вся рукопись, за исключением 6 листов, написанных неизвестно кем, является копией, сделанной Вильгельмом Гриммом специально для Brentano. Шульц допустил и ряд других грубых фактологических ошибок, которые вручили Леффцу важный козырь для повторного издания Эленбергской рукописи и толкнули его на тщательное изучение графологической стороны рукописи.

Рукопись состоит из 66 листов, часть которых сложена вдвое, всего — 113 исписанных страниц. 27 текстов записаны ровным, крупным и округленным почерком Якоба, строки которого движутся стремительно, беспокойно при равномерном нажатии пера; 14 текстов принадлежат руке Вильгельма, который обычно держал перо вертикально, писал значительно медленнее брата, но с таким же каллиграфическим прилежанием. В текстах Якоба практически отсутствуют пометки; он обычно никогда не перечитывал написанного, а если и делал это, то не в интересах стиля, а лишь для контроля за ходом мысли. Известно, что все его книги напечатаны так, как были написаны. В результате почти лихорадочной погони за временем

под рукой Якоба ломался и нормативный немецкий синтаксис, складываясь в особый стиль, который в истории германистики (у истоков ее стояли Гриммы) стал понятием и даже вызвал подражателей. На текстах Вильгельма, напротив, много помарок; Вильгельм постоянно возвращается к написанному, исправляет, улучшает стиль, вычеркивает, вставляет. К многим текстам Вильгельма сделаны пометы, дополнения и примечания рукой брата; в текстах же Якоба нет ни одной поправки Вильгельма, из этого уже можно сделать частное заключение, не говоря уже о количественном преобладании, о том, что приоритет в работе над сказками принадлежал Якобу. Почерки соответствуют и внешнему облику и характеру братьев: Якоб был небольшого роста, худой, при общей малоподвижности жесты его были быстрыми, отчетливыми, лицо жестким и подвижным. Вильгельм отличался медлительностью в движениях, склонностью к мягкой меланхолии и созерцательности. Следствием характеров и манер писать является и творческая продуктивность обоих братьев: Якоб опубликовал 21 работу, Вильгельм — 14 (не считая многочисленных статей); вместе же ими создано всего 8 произведений.

Семь текстов рукописи записаны четырьмя информантами Гриммов.

Обращаясь к читателям, которые «смогут увидеть возникновение бессмертного сборника, вступят в духовную, сокровенную мастерскую братьев, и их великие тени встанут перед ними, освещенные утренними



Иоганн Готфрид Гердер

лучами долгого и трудного дня начинающейся германистики» (2, 157), Леффц в своем издании ратовал за сохранение очарования и ритма старого слова, стилистических и орфографических особенностей языка Гриммов, синтаксических небрежностей и непоследовательностей и даже очевидных ошибок, искажающих смысл, вплоть до описок. Но в трудном деле печатного издания рукописи он, желая угодить и филологам и «простым» читателям, пошел на компромисс и модернизировал орфографию и пунктуацию, исправил ошибки по правке Якоба Гримма, а все пометы и маргиналии вынес в комментарий, разрушив тем самым объемность восприятия и закрыв дорогу прежде всего самому себе, а затем и другим исследователям к разгадке карандашной нумерации сказок рукой Якоба *. Не решив эту задачу, Леффц расположил сказки в три группы: «Сказки Вильгельма», «Сказки Якоба», «Сказки поручителей». Крохотный тираж издания Леффца сделал его библиографической редкостью (в СССР — только один экземпляр — в университетской библиотеке г. Тарту).

В 1963 году в Лейпциге Эленбергская рукопись была переиздана, опять-таки по Леффцу, но уже совершенно некритично, с ошибками и пропусками, Манфредом Леммером. Когда я начал работать над переводом Эленбергской рукописи, в моем распоряжении было много изданий, из которых разными можно считать только три: Шульца, Леффца и Леммера. После долгих и безрезультатных поисков дальнейших

* См. Обоснование текста.

следов гриммовской рукописи я наткнулся на упоминание, что «рукопись находится сегодня <1959> во владении женеvского коллекционера Мартина Бодмера» (57; 242). Фигура известная. Мартин Бодмер (1899—1971) — доктор филологии, вице-президент Международного библиографического общества (с 1963) и канцлер Швейцарского института библиофилов, банкир и один из крупнейших книжных коллекционеров Европы, собравший ценнейшую частную библиотеку (140 000 книг, 300 рукописей и 300 инкунабул), меценат и писатель, автор книг «Библиотека всемирной литературы» (1947), «Гёте и дух Запада» (1955), «Вариации на тему мировой литературы» (1956), «О моей библиотеке» (1957). Бодмер приобрел Эленбергскую рукопись на аукционе в Нью-Йорке в 1953 году за 75 000 долларов, перекупив ее у представителей культурной общественности земли Гессен (ныне в ФРГ) — родины Гриммов. В те времена гессенское правительство оказалось не в состоянии уплатить столь крупную сумму за рукопись великих соотечественников. На аукцион же ее представил Эленбергский монастырь, нуждавшийся в средствах для восстановления разрушенного во второй мировой войне здания аббатства. Все это мне стало известно отчасти из прессы 1953 года, отчасти из ответа библиотеки Мартина Бодмера, которая была им завещана родному женеvскому кантону вместе с круглой суммой для ее поддержания и стала публичной библиотекой, именуемой теперь официально «Bibliotheca Bodmeriana, фонд Мартина Бод-

мера». Директор Бодмерианы доктор Ганс Браун выслал мне и публикацию номер 1 из фонда рукописей — осуществленное в 1975 году первое достоверное и критическое издание Эленбергской рукописи профессором германистики Вуппертальского университета (ФРГ) доктором филологии Хайнцом Рёллеке (р. 1936), ныне ведущим гриммоведом мира и лучшим специалистом по литературе гейдельбергского кружка немецких романтиков [4]. Книга вышла крошечным тиражом из типографии «Журналь де Женёв». Рёллеке издал Эленбергскую рукопись с параллельными текстами из первого издания гриммовских сказок по авторскому экземпляру Гриммов, факсимиле которого выпущено в Гёттингене издательством «Ванденхёкк унд Рупрехт» [18]. С опорой на это издание и осуществлена наша публикация.

В порожденных изданием Леффца сравнительно-стилистических, идейно-аналитических и биографических разысканиях, как узкоспециальных, так и популярных (сейчас трудно встретить критическое издание «Сказок» или работу о творчестве Гриммов, где хотя бы не упоминалась Эленбергская рукопись), произошло, а в издании Рёллеке окончательно воплотилось — феноменологически интересным образом вновь в книжной форме — *развеществление книжной народной сказки «гриммовского типа»*, т. е. свершился процесс предельного выделения, обнажения всех основных свойств этого жанра, его структуры, которой и является Эленбергская рукопись; и после рассказа о самом

предмете, знакомства с путями его второго рождения, а на русском языке — третьего, совершив путешествие в исходную точку возникновения идейно-политических, историко-литературных, биографических и бытовых факторов первоначальной гриммовской рукописи.

*

В Германии эпохи Просвещения, на исходе которого родились Гриммы, немецкая сказка была не в почете, неясным было и само понятие сказки. Она определялась как нечто среднее между напичканным небылицами простонародным рассказом, басней и литературной новеллой. Эрнст Людвиг Даниель Хух в своем «Эзопе, или Опыте о различии между басней и сказкой» писал, что сказки на самом деле не более чем притчи, басни, выдумки и давно сосланы в комнаты няnek и прях; о сказках можно говорить лишь в шутку или в сатирической беседе; в Германии в литературном смысле нет сказок *. Другое дело — французские! Изысканный продукт рококо, сплав европейской новеллы и восточных чудес. Ну и, конечно, восточные сказки во французских переводах и в немецких переводах французских переводов! Немецкие писатели, подражая французским или иронически перепевая их, в большом количестве пишут свои собственные сказки, демонстрируя мощь и отточенность своей фантазии на потребу просвещенного и требовательного высшего света. Другие же обрабатывают французские и восточ-

* Aesopus, oder Versuch über den Unterschied zwischen Fabel und Märchen / Von E. D. Huch der Vernunftlehre und

Beredsamkeit Professor zu Zerbst... Wittenberg; Zerbst, 1769.

ные сказки для детей, как, например, Иоханн Георг Шуммель, издавший в 1776 году «Детские игры и беседы», а в 1780-м «Сказки о феях для детей» [обработка «1001 ночи»], где ему удалось ухватить детский тон. Возник и новый жанр, мастером которого стал Кристоф Мартин Виланд (1733—1813).

Между тем существовала печатная литература, о которой изящная цеховая словесность почти ничего не знала, что, впрочем, было взаимно. На ярмарках и церковных праздниках предлагались дешевые, неприятительно напечатанные издания, т. н. народные книги, как позднее назвал их Йозеф Гёррес, которые рассказывали о прекрасной Мелузине, о детях Хаймона, святой Геновеве. Их раскупали и зачитывали до дыр. К этой испробованной еще от Гутенберга традиции прибавлялись новые материалы, собственно сказки, которые передавались из уст в уста, входили в собрания шуточных историй — шванков, в различные смеховые сборники, как, например, «Смеющаяся школа» К. Руккарда [к ней восходит № 61 «Мужичок» и № 98 «Доктор Всезнайка» гриммовского сборника]. К низшим сословиям обращались и сказочные продолжения народных книг [27, 35]. На пути признания подобной литературы стояли не только господствующие представления о форме, стиле и вкусе; против ее защитников, поэтов-штюрмеров, выступали такие мэтры формальных экспериментов со сказочным материалом, как Виланд — для него «нянькин тон» был воплощением «не-поэзии». «Пусть нянькины сказки,



Фридрих Карл фон Савиньи.
Рисунок Л. Э. Гримма. 1814

рассказанные в нянькином тоне, передаются из уст в уста; в книге им не место», — писал он в 1786 году в предисловии к своему трехтомному «Джиннистану», сборнику фантастических новелл, в которых смешались сказки о феях, мистерии друидов и египетский герметизм *. «Нянькины сказки» осудил и такой ученый и писательский авторитет, как Иоганн Кристоф Готтшед (1700—1766), в своем «Опыте о критическом искусстве поэзии, обращенном к немцам» (1730).

Но набирало силу «третье сословие», росли демократические тенденции в немецком обществе, а вместе с ними росло и национальное сознание, принимавшее в раздробленной Германии особо конфликтные формы. На смену просветительскому «всеобщему гражданскому обществу» и «народу» как «гражданскому целому», противопоставленному «черни» **, стало приходиться понятие этнически единой общности с единой культурной традицией, понятие народа как одной нации. Шел процесс освоения собственно немецкого культурного наследия. В области собирания и возрождения народных традиций, в первую очередь мифопоэтических, инициатором выступил ведущий теоретик «Бури и натиска» и всего немецкого классицизма, философ, поэт и переводчик Иоганн Готфрид Гердер (1744—1803).

В 1760 году в Англии был опубликован аноним «Фрагменты древней поэзии, собранные в городах Шотландии»; книга повествовала о героических деяниях легендарного шотландского короля Фингала (III в. н. э.), а в предисловии говорилось, что это будто

* Wieland Ch. M. Dschinnistan oder auserlesene Feen- und Geistermärchen. 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 562.
Berlin. 1968. S. 9—10.

** Кант И. Антропология // Соч.: В

перевод произведения слепого барда Оссиана, сына Фингала. Эта мистификация выдающегося английского поэта Джеймса Макферсона обрела чрезвычайную популярность и в переводах широко распространилась по всей Европе *. На немецком эта книга вышла впервые в Вене в 1768 году в переложении Михаэля Дениса. Гердер, как, впрочем, и Гёте, был восхищен «Оссианом» и в своем знаменитом «Отрывке из писем об Оссиане и песнях старых народов» горячо вступился за его подлинность: «<...> чем более диким, т. е. чем более живым, чем более свободным является какой-либо народ, <...> тем более дикими, т. е. тем более живыми, тем более свободными, чувственными, лирически активными должны быть его песни, если он таковые имеет! Чем отдаленнее народ от искусственного, научного мышления и языка и книжности, тем менее должны быть его песни приспособлены для бумаги, а стихи для мертвых букв...» **.

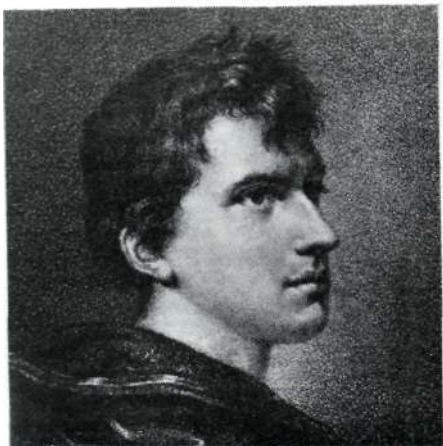
Вместе с Гердером считали подлинным «Оссиана» и братья Grimm. В следующей работе «О сходстве среднеанглийского и немецкого поэтического искусства» *** Гердер заговорил о сказке, о ее существовании, происхождении, странствии, о разнице между сказками различных областей Германии. Обращаясь как бы ко всей просвещенной Германии, Гердер вопрошал: где тот человек, который будет собирать немецкие песни и сказки? Но тогда это был глас вопиющего в

* См. рус. пер.: Макферсон Дж. Поэмы Оссиана / Пер. Ю. Д. Левина. Л.: Наука, 1983.

** Herder J. G. Von deutscher Art und Kunst. Einige Fliegende Blätter. Ham-

burg, 1773. S. 11—12.

*** Von Ähnlichkeit der mittleren englischen und deutschen Dichtkunst // Deutsches Museum, 1777.



Ахим фон Арним.
Гравюра по акварели Штрёлинга, ок. 1804

пустыне. И в 1778—1779 годах Гердер сам публикует два тома «Народных песен» — плод своих восторгов «естественной» поэзией «дикого» [простого] народа *; книга была переиздана в 1807-м Иоханнесом фон Мюллером в Тюбингене под заглавием «Голоса народов в песнях», что было, видимо, скрытой полемикой с неологизмом Гердера *народная песня*, созданным им по образцу понятия *popular song* в книге английского поэта Томаса Перси **. Неологизм Гердера утвердился.

Но вернемся к «народным песням» Гердера. Это были не записи, а сборник анонимных, взятых из разных *литературных источников* песен и стихов народов мира, а также стихи и отрывки из Оссиана, Шекспира, Гомера, Катулла, Сапфо, Опица, Гёте и Клаудиуса — т. е. из художественной литературы. В предисловии была развита сформулированная в «Письмах об Оссиане» концепция противоположности между «естественной» и «художественной» поэзией, послужившая затем центром идейных споров между Ахимом фон Арнимом и братьями Гримм и основанием издательского критерия романтиков — «подлинности». «Не следует, видимо, сомневаться, что поэзия, и особенно песня, была поначалу народной, т. е. *легкой, простой* <...> она жила на слуху и устах народа и в лирах живых певцов; она пела историю, события, таинства, чудеса и знамения; она была цветком народа, его языка, страны, занятий и предрассудков, его страстей, <...> мысли и души», — утверждал Гердер***.

* Volkslieder. Erster /u./ Zweiter Theil / Bd. 2 mit dem Untertitel: Nebst untermischten andern Stücken /. Leipzig: Weygandschen Buchhandlung, 1778—1779.

** Percy Th. Reliques of Ancient English Poetry. London, 1765.

*** Op. cit. S. 3—4.

Постепенно «народная поэзия» стала пробивать себе дорогу. Один за другим вышли сборники «Народных сказок» Музеуса и Науберг. В 1777-м увидела свет автобиографическая повесть И. Г. Юнг-Штиллинга «Юность Генриха Штиллинга», куда под влиянием Гердера автор включил сказки, песни, сказания. В дальнейшем Гриммы, опираясь на книжно-сказочный репертуар XVIII века, отделили сказку от сказаний и определили жанровые особенности тех и других. Сказки, перемешанные со сказаниями, как, например, у Музеуса и Науберт, начали публиковаться и другими авторами. Они вызывали интерес прежде всего как источники сведений об историческом прошлом немецкого народа.

Сборники XVIII века были, конечно, псевдофольклорными, источниками их были книги, а сам материал подвергался вольной обработке. Они были продуктом книжной учености, идеала Просвещения — «воплощения всех сведений или знаний о взаимосвязанных истинах <...>, самой величайшей начитанностью, знанием старых и новых писателей, неисчерпаемой кладовой истин», приобретаемых «только чтением и учебой, <...> усилием наших духовных сил самим выискивать истины из прочитанного и изученного» — как говорилось в анонимном «Трактате об учености» *. Но сложилась идеологическая почва, произошло открытие «народной традиции», правда, в форме литературной актуализации ее, совершенно некритически почерпнутой из самого ближайшего прошлого и

* Betrachtung der Gelehrsamkeit. o.O. 1763, S. 9.

сильно контаминированной литературными влияниями французской и итальянской традиции. Эта ситуация наложила отпечаток и на характер возрождения народной традиции в эпоху романтизма.

Мода на сказку и обращение к «народу» (пока это слово мы должны писать в кавычках, ибо до открытия реального народа было еще далеко) нашли свое теоретическое и литературно-практическое выражение в самом конце XVIII века и первых годах XIX в йенской школе немецкого романтизма. «Сказка — канон поэзии. Все поэтическое должно быть сказочным», — писал глава йенцев Новалис *. Йенцы — Вильгельм Вакенродер, Людвиг Тик и другие — писали собственные сказки, чтобы воплотить свои доктрины о творчестве, об отношении к прошлому, о функции литературы. «Кто несчастлив в сегодняшнем мире, пусть уходит в мир книг и искусства», — так определил Новалис позицию просвещенного гуманиста в неблагоприятном мире Германии и тем обозначил идейно-психологическую функцию литературы вообще и книжной сказки в частности в этот период. «Мир книг» означал также и «историю», но историю не как точное представление о развитии, а как *понятие, соотнесенное с фактологией и признанием объективно заданного в противовес философским спекуляциям*. Для многих литераторов того времени — Фридриха Шлегеля, Тика, Гёрреса, Арнима и Brentano — *занятия историей и филологией были средством для художественного творчества*; для Вильгельма и Якоба Гриммов оно стало специаль-

* Наст. имя — Фридрих фон Харденберг, 1772—1801.

ностью, а романтический дух творчества — движущей силой.

*

Биографические корни гриммовских сказок уходят в 1802—1803 годы, когда сначала Якоб, а на следующий год Вильгельм по настоянию матери поступили на юридический факультет Марбургского университета, где стали лучшими учениками двадцатилетнего профессора *iuris extraordinarius*, сооснователя исторической школы права Фридриха Карла фон Савиньи (1779—1861), видевшего задачу юриспруденции прежде всего в выявлении «сознания народа», из обычаев и верований которого должна была произойти кодификация. Позднее в духе Савиньи и в развитие собственной мифологической теории Якоб Grimm напишет фундаментальный труд «Германские правовые древности» [1828, Библиогр. 8]. Пока же Гриммы усваивают методический критерий учения Савиньи: «Настоящее может быть понято только из прошлого». На практике это означало отодвинуть все теории и обратиться к *источникам*, к их тщательному изучению и проверке на подлинность. В 1809 году, когда собирание и запись сказок будет идти полным ходом, Якоб в письме к Брентано изложит свое главное требование — сохранить в неприкосновенности ценности прошлого без оглядки на потребности и притязания нынешнего дня [61, 38—39]. А критерий работы с источниками сформулирован в конспекте Якоба одной из лекций Савиньи: «Едиичное, которое в философской обработке познано как едиичное (Я. Г.), в систематиче-

ской [обработке] должно быть познано как целое <...> Чтобы познать [содержание системы] <...>, мы нуждаемся в логическом посредстве, в форме, т. е. в логической трактовке познания всего содержания» [16, 1, 37]. Речь идет о том, чтобы в хаотическое нагромождение материалов разных эпох проникнуть такими путями, на которых материал сам покажет присущий ему порядок и свои *первичные, минимальные* формы. Так на лекциях Савиньи у Якоба складывалось в единое целое представление о подлинности как непосредственной производной некоего предельного архетипа массы схожих источников. Это стало краеугольным камнем и издательских принципов Гриммов.

Для любимого ученика открылись двери и дома Савиньи, где восемнадцатилетний Якоб впервые увидел богатейшую частную библиотеку. «Я помню, как, войдя, я увидел по правую руку на полке том ин-квартио — собрание Бодмера песен миннезингеров * [ныне этот экземпляр хранится в университетской библиотеке Марбурга: XVI В 136^{1#}, который я взял и впервые открыл <...> там были стихи на странном, полупонятном немецком языке, <...> Кто бы мог подумать, что я прочитаю эту книгу раз двадцать <...>» [16,1,115—116]. Эту книгу Якоб приводит как символ пробудившегося у него интереса к древне немецкой филологии, под которой в начале XIX века понимали

* Sammlung von Minnesingern aus dem schwaebischen Zeitpuncte CXL Dichter enthaltend; durch Ruedger Manessen, weiland des Rathes der Uralten Zürich / Aus den Handschrift der Koeniglich-Franzoesischen Bibliothek herausgegeben [v. Johann Jacob Bodmer u. Johann Jacob Breitinger]. Erster Zweiter Theil. Durch Vorschub einer ansehnlichen Zahl von Freunden des Minnesanges. Zürich: Verlegt von Conrad Orell und Comp., 1758—1759.

все немецкое средневековье, первое десятилетие нового времени и народную поэзию вплоть до 1800-х годов. Считается, что именно в марбургский период у Гриммов проснулся интерес к сказкам, прежде всего в результате знакомства с Клеменсом Brentано в 1804 году в доме Савиньи, женившемся на сестре Brentано — Кунигунде, а также в результате романтического истолкования средневековья, которое Гриммы вычитали из предисловия Людвиг Тика к обработанным им песням миннезингеров по изданию Бодмера и Брайтингера (1803). Но настоящее увлечение древне-немецкой литературой началось в 1805 году, когда Якоб Гримм едет вместе с Савиньи в Париж, чтобы помогать своему учителю в сборе материалов по истории римского права в средневековье *. Еще раньше, во время учебы, Гриммы обходили «всех старьевщиков и букинистов», «не пропускали ни одного книжного аукциона», «все свои карманные деньги тратили на книги и гравюры», — как писал друг их юности Пауль Виганд [58, 39]. И в Париже Якоб ищет старые рукописи, делает из них выписки, обнаруживает старофранцузский кодекс «Роман о Ренаре», который позднее вместе с немецкими эпосами о хитром лисе ** окажет мощное влияние на гриммовскую концепцию подлинности мифопоэтической традиции, поставит во главу этой традиции сказки о животных как наиболее древние.

Вернувшись на родину, Якоб Гримм окончательно решает стать филологом. Эта специальность под влия-

* Книга вышла в 1815 г.

** См. Библиографию.

янием романтиков определилась для него как писательская деятельность, в которой он сможет прославиться как индивидуальность в романтическом смысле этого слова.

Нужно было место, которое давало бы средства к существованию и возможность заниматься «историей поэзии». Сначала он работает в военной коллегии, а с июля 1808-го получает место библиотекаря при короле-наместнике Жероме Бонапарте в Касселе, где несколько лет спустя станет библиотекарем и Вильгельм. Библиотекарями Гриммы проработали более 30 лет.

Начало интенсивного изучения древнегерманской литературы датируется октябрём 1805 — январём 1806 года [16, 4; 7, 1; 9]. В невероятно короткое время Гриммы овладевают источниками и критической литературой. Документы свидетельствуют, как они вчитывались в «романтическую и национальную поэзию». В одной из первых работ, в рецензии на модернизацию преуспевающим филологом-романтиком Фридрихом фон дер Хагеном (1780—1856) «Песни о Нибелунгах» (1807) Вильгельм печатает обширную библиографию всех известных тогда средневерхнегерманских сочинений [17, 1, 61—91]. До 1812 года напечатана масса работ, так или иначе посвященных взаимоотношению «естественной» и «художественной поэзии» (Natur- und Kunstpoesie) как двух видах средневековой поэзии. Первая часто обозначается Гриммами как «народная» (Volkspoesie), противопоставляется «художественной» как подлинная и включает в себя и сказки. Эти категории, определяющие

для гриммовской концепции сказки, оттачивались в эпистолярной полемике с Ахимом фон Арнимом. Их познакомили осенью 1807 года Brentano и его сестра Беттина. При чтении письма Якоба к Арниму невольно приходит на память конспект лекции Савиньи: «Поэзия—это то, что в чистом виде переходит из души в слово, проистекает всегда из естественного побуждения и прирожденного умения постичь ее, — народная поэзия происходит из души целого, а то, что я подразумеваю под художественной поэзией, — из души единичного. Поэтому новая поэзия называет своих творцов, а старая не может назвать ни одного; она вообще создана не одним, не двумя и не тремя, а суммой целого <...> *Старая поэзия, как и старый язык, проста и богата лишь в себе.* В старом языке сплошь простые слова, но они способны на такие смысловые вариации, что творят чудеса. Новый язык утратил невинность и стал внешне богаче, но — лишь нагромождениями форм и флексий, и потому нуждается порою в большей оснащенности, чтобы выразить простые предложения... В художественной поэзии я усматриваю сделанность, в естественной — делание-себя-самое» [60, 116—118]. Эти мысли во многом и обосновывают ту форму записи, назовем ее условно свернутой, с которой мы сталкиваемся в первоначальной рукописи. Но обратимся пока к событию, которое в сознании Гриммов объединило понятие о первоисточниках и их подлинности с идеей собирательства образцов «естественной» поэзии, которая, зародив-

шись у Гердера, обрела своих первых исполнителей в лице выдающихся немецких писателей и поэтов гейдельбергского кружка Ахима фон Арнима (1781—1831) и Клеменса Брентано (1778—1842).

*

Во время совместного путешествия Арнима и Брентано по Рейну в 1802 году возник план ставшего впоследствии всемирно известным издания «Волшебный рог мальчика». Его идеей было «собрание в единое целое своего разделенного на части народа, разобщенного по языку, государственным предрассудкам, религиозным заблуждениям». «Мы ищем нечто высшее — золотое руно, которое принадлежит всем, что является богатством всего нашего народа <...> песни, сказания, речения, рассказы, пророчества и мелодии, мы хотим вернуть все, что в поступательном движении времени сохраняет свою алмазную прочность <...>», — писали в предисловии издатели. Сборник был призван стать «всеобщим памятником великого нового народа, немец, могильным холмом правремен, радостным пиром настоящего, будущего, путевым знаком на дороге жизни» [24, 1, 463]. Сборник стал своего рода символом формирования немецкого национального сознания и отразил подъем патриотических чувств в период захватнических войн Наполеона. Народное творчество мыслилось авторами сборника как *творение всего народа, незатронутое историческим развитием.*

Во время учебы в Марбурге Якоб и Вильгельм

Гриммы вместе со своими младшими братьями Людвигом Эмилем (1790—1863) и Фердинандом (1788—1844), увлеченные Брентано, активно включились в подготовку «Волшебного рога», и уже тогда выявились неприемлимые противоречия между ними и инициаторами в текстологической трактовке того, что удавалось найти в старых книгах и записать со слов.

Брентано, замечательный знаток повествовательного репертуара немецкой литературы от средневековья до позднего барокко, постоянно пользовавшийся в своем творчестве и притоками из устной народной традиции, мастер импровизации народной песни и устного сказочного рассказа, несмотря на то, что именно он теоретически и практически раскрыл братьям понятие «народной сказки» и определил их эстетический вкус в собирании, оказался в оппозиции к Гриммам в вопросе *обработки*. Он считал, что народная форма слишком проста и даже груба, для печати не годится и нуждается в *актуализации* и «олитературивании». Той же точки зрения придерживался и Арним (хотя, замечу, это несколько противоречило их программному утверждению о неизменности традиционных форм). Разногласия и породили в дальнейшем дискуссию между Гриммами и Арнимом о «естественной» и «художественной» поэзии, которая обострялась еще и тем, что Арним и Брентано в собственном творчестве обходились со сказочными сюжетами очень вольно. Гриммы же защищали первоисточники от каких бы то ни было изменений. Они были против и слияния несколь-

ких вариантов в один, как и против реставрации не полностью сохранившихся вещей. Следы этих разногласий отчетливо видны на страницах Эленбергской рукописи.

Тенденция трактовки собранного материала Арнимом и Брентано отразилась и на титульном листе второго тома «Волшебного рога» — в гравюре Адама Вайзе по рисунку Клеменса Брентано и Вильгельма Гримма. На ней изображены Ольденбургский рог [см. в «Немецких сказаниях» Гриммов: 12, № 547] — символ сохранения и единства Германии — на фоне *реставрированной* Гейдельбергской крепости, на самом деле давно разрушенной. Подобной «реставрации», вплоть до включения собственных сочинений, были подвергнуты все вещи сборника, которая, выражаясь современным языком, была *поэтической*, т. е. расширяющей и улучшающей оригинал обработкой, а не филологической (основанной на достоверности, точнее попытки приблизиться к ней), которой требовали Гриммы, тогда еще, впрочем, не располагавшие ни достаточным опытом, ни критериями достоверности.

Гриммы стали важнейшими информантами «Волшебного рога». По новейшим исследованиям Рёллеке, их вклад составляет по меньшей мере 28 песен из 700: от Якоба — 13, от Вильгельма — 15 *. Несколько их песен, обработанных издателями, стали популярными; среди них, например, переложенная позднее на музыку известным немецким композитором Энгельбертом Хумпердинком (1854—1921) «Вечерняя молитва» в

* Brüder Grimm Gedenken. Marburg, 1985. Bd. 2. S. 28—42.

записи Вильгельма *. Участие братьев, хотя и анонимное, в издании «Волшебного рога» (с 1806 г., т. е. со 2-го т.) стало для них первой практикой собирания и опубликования литературных и словесных текстов.

Арним и Brentano призывали и к собиранию «старых, устно передаваемых сказаний и сказок», причем Арним лелеял мечту «основать типографию для народа», «составить отборную библиотеку из всех стран», «вновь издать все истинно поэтическое», «народные книги и песни, старые романы и стихи». Гейдельбержцы планировали охватить все немецкие земли своего рода собирательской сетью, избрав в посредники прежде всего учителей и проповедников. С песнями вышло удачно, их собралось так много, что даже не все удалось напечатать. А со сказками дело не шло, не было образца. В «Баденском еженедельнике» ** и в «Газете для отшельников», трибуне гейдельбергского романтизма ***, Brentano и Арним опубликовали то, что они считали народной сказкой — брентановские обработки литературных источников: «Бреттенская собачка» и «История о мышке, птичке и колбаске» из романа Г. М. Мошероша, и в той же «Газете для отшельников» вышла записанная великим немецким художником-романтиком Филиппом Отто Рунге «Сказка о можжевельнике», а также два сказания о колоколах, сказание о големе и выписка-обработка Якоба Гримма из барочного романа «Фронталло» [созд. 1607; опубл. 7.5.1808] ****.

Однако эти образцы остались программой деятель-

* «Мы оба слышали ее от нашей служанки, а она — от своей бабушки» — помета Вильгельма (см.: архив универ-

ситетской б-ки Марбурга, HS 2110, 19, N 37, fol. 140^r—140^v).

** Выходил в 1806—1807 гг.

ности самих инициаторов возрождения фольклора и их ближайшего окружения. Они иллюстрировали те представления о письменной форме фольклора, которую Брентано прививал Гриммам.

Брентано поручил Гриммам собирать постоянно и по письменным и по устным источникам. Возможно, что именно он внушил им представление об идеальном информанте: из простонародья, пожилой и неграмотный; за это представление братья держались всю жизнь, хотя на практике обращались, как, впрочем, и Брентано с Арнимом, совсем к другим людям. Из образцов решающее влияние на Гриммов оказали сказки Рунге «О можжевельнике» и «О рыбаке и его ненасытной жене». Никто тогда не знал, как далека сказка Рунге от народного текста. Она была написана в соответствии с цветовой теорией замечательного художника, и в нее были включены записи из дневника Рунге 1800 года [71, 106]. В замечательно написанных сказках Рунге Гриммы усмотрели не только идеальную запись достоверного, подлинного (анонимного) источника, но и осколки некоего, по убеждению романтиков, существовавшего прамифа. «Рыбака» они связывали с мифом о грехопадении, а «Можжевельник» — с Эддой и мифами об Озирисе, Орфее и о Тантале. Найденные сюжеты при непосредственной подготовке к изданию, т. е. после первоначальной рукописи, подгонялись под структуру Рунге главным образом контаминацией вариантами или аналогичными литературными образцами: из книг брались сюжеты,

*** Выходила в 1808 г. всего несколько месяцев. Brüder Grimm Gedenken. Marburg, 1985. Bd. 5.

**** Rölleke H. Frontabla redivivus //



Людвиг Эмиль Гримм.
Рисунок его учителя
в Мюнхенской академии художеств
Непомука Мукселя. 1811

соответствовавшие этому идеалу, а запись со слов — только начитанных и красноречивых рассказчиков. В результате сказки начали обретать ту особенную стилистическую форму, которая была одним из решающих факторов в образовании нового литературного жанра: народной книжной сказки.

*

19 октября 1807 года по пути из Кёнигсберга в Халле Brentano писал Арниму, приглашая его в Кассель для завершения «Волшебного рога»: «Мы можем сделать это здесь чрезвычайно хорошо, и даже лучше, чем тогда в Гейдельберге. Так как у меня здесь есть двое милых, очень милых близких друга, занимающихся древнегерманскими исследованиями, по фамилии Гримм, которых я когда-то увлек старой поэзией и которых спустя два года их продолжительных, прилежных и очень последовательных занятий застал в столь богатом владении записками, опытом и многосторонними взглядами на всю романтическую поэзию, что при всей их скромности я напуган сокровищем, приобретенным ими. Кроме того, обо всех этих вещах они знают больше, чем Тик, и как трогательна их набожность, с которой они в высшей степени красиво переписали для себя все печатные старые стихи, кои из бедности не могли купить <...> Их младший брат (Фердинанд), который очень красиво пишет, будет переписывать для нас песни. Сами же они поделятся с нами всем, чем владеют, а этого много! Ты очень

полюбишь этих замечательных людей, которые спойно работают, чтобы однажды написать недюжинную историю немецкой поэзии» [61, 8].

Сокровище, о котором пишет Брентано, — это не только песни *, этим сокровищем были многочисленные тексты сказочного характера, выписанные из книг и рукописей. Результатом их осмысления и анализа стали статьи Якоба: «О взаимосоответствиях в старых сказаниях» [1807; 16, 4, 9—12], «Мысли о том, как сказания относятся к поэзии и истории» [1808; 16, 1, 399—403], заметки о соотношении миннезанга и мейстерзанга [1807; 16, 4, 7—9], из которых вырастает первая книга Якоба — «О древнегерманском мейстерзанге» (1811). Там были и материалы для издания «Райнхарда Лиса» [1834; 91], «Песни о Хильдебранде» (1812), «Вессобрунской молитвы» (1812), «Песен Эдды» (1815), «Бедного Генриха» (1815), тексты для альманаха «Древнегерманские леса», издававшегося Гриммами на собственные средства в 1813, 1815—1816 годах [7].

В духе романтической филологии, зародившейся в конце XVIII века как возрождение немецкой старины и одной из выдающихся вех которой в «догриммовский» период стал «Волшебный рог мальчика», Гриммы мыслили свою деятельность прежде всего как издательскую. Характер этой деятельности был субъективистский, романтический по существу: «Издавать мне хочется лишь тогда, когда мне в руки попадает что-либо важное или редкое или текст непосредствен-

* Немецкие песни они передали Арниму в 1885—1886 гг. [22]) оставили у себя; из них Якоб издал в 1815 г. (колоссальное собрание, изданное только в 1985—1986 гг. [22]) оставили у себя; из них Якоб издал в 1815 г. «Букет старых [испанских] романсов»

но относится к главной цели моих исследований», — писал Якоб [16, 1, 174]. А в первый период гриммовской деятельности такой целью было исследование сказаний, под которыми понимались все тексты, унаследованные от традиции. Формулируются издательские принципы. Защищая неприкосновенность источников в духе методологии Савиньи, Якоб Grimm выступал *против всяческих обработок* старинных рукописей — обработок языковых и содержательных, коим подвергали свои издания и Людвиг Тик и Фридрих фон дер Хаген, а также против переводов на современный язык средневерхненемецких литературных памятников (а все романтики были одержимы переводческим зудом ради обновления немецкой поэзии). Якоб тем не менее отстаивает дилетантские с современной точки зрения позиции, плодотворные лишь в смысле максимума информации. Он требует не издания, а лучшего, критически выправленного оттиска лучше всего сохранившейся рукописи одного и того же текста [16, 1, 82], лучшим же кодекс считается по его усмотрению. Но такая защита традиции вела Якоба и Вильгельма к исследованию истории текста и к реконструкции первоначального, к отысканию ядра («старой основы», как говорили Гриммы) и очищению его от контаминаций.

Так в период пребывания в Касселе поздней осенью 1807 года Арнима, Brentano и Беттины Brentano (ставшей в 1811 г. фон Арним) Якоб делает выписку из романа Иоханна Карла Нерлиха, инфор-

(Silva de romances viejos: на исп. языке), а Вильгельм в 1811 г. — «Датские героические песни, сказания и сказки» [5] в своем переводе. Работа над этой

книгой сослужила большую службу для издания сказок, что хорошо видно по гриммовским примечаниям.

манта «Волшебного рога», писателя-романтика, примыкавшего к гейдельбержцам, для сказки «Зверушка». В этом же духе с многословных рассказов Гретхен и Доротеи Вильд тогда же записываются «Дитя Марии» и «Принц-лебедь». Очень важно понять, что *от принципа верности по отношению к источнику братья не отступали и в сказках**. А если и отступали, то только ввиду избыточной вариантности сказки **. Вопрос о верности источнику мог ставиться лишь в отношении *первоосновы*, которая, по убеждению братьев, зародилась задолго до информантов, в некоем праревмени и прамифе, и ее надо было лишь вычленить, т. е. отыскать, *реконструировать лучший вариант*.

*

«Определенно также, что в ходе времен сказка постоянно воспроизводится, и потому ее основа должна быть очень стара, <...> хотя недостаток сведений и делает невозможным прямое доказательство» [18, XIII—XIV]. В поисках старых основ немецкой традиции Гриммы обращаются к мифу, к романтической мифологии, представленной такими влиятельными фигурами, как Георг Фридрих Кройцер (1771—1858), Йозеф фон Гёррес (1776—1848) и Иоханн Арнольд Канне (1773—1824), решающим образом определившим не только культурно-историческое мировоззрение Гриммов, но и содержание их мифологической теории,

* Ср. утверждение Г. Гиншель и других исследователей, что для сказок братья делали исключение [38, 212].

** См. переписку с Арнимом [60, 255—256] и в предисловии к изданию 1812 г.:

«нигде не закрепляясь, в каждой местности, в каждых устах преобразуясь, они, сказки, верно сохраняют одну и ту же основу» [18, XIII].



Титульный лист второго тома
«Волшебного рога мальчика».
Гравюра Адама Вайзе
по рисункам Брентано и В. Гримма

без которой не может быть понято — чем была для Гриммов сказка, в чем состоял смысл ее реконструкции, обработки и опубликования, чем в конечном счете питался их критерий подлинности сказки.

В своем фундаментальном труде «Символика и мифология древних народов, в особенности греков» [31] Кройцер, опираясь на материал «Истории» Геродота, стремился показать, что древняя традиция определялась двусоставностью символа и мифа, причем символ являлся у него как бы продуктом мифа, будучи «ограниченным сосудом для неограниченного» (§ 29), «избытком содержания в сравнении с выражением» (§ 30), т. е. своего рода образным элементом, лежащим в основе самовыражения своей материи — мифологии, отождествленной с историей и деяниями личностей. Сказания, сотканые из символов, играли роль ненаписанных тогда анналов (§ 30). Кройцер исходил из того, что «предмир» и был самой мифологией — «значимой, говорящей природой» (§ 38). Миф как фрагмент мифологии, отождествленной с историей, «проникал через слух человека к его внутреннему чувству» (§ 41), чтобы материализоваться в форме *рассказа, где слово и образ неотделимы.*

Гёррес же определял миф как то, что дает человеку знание о боге и связывает воедино религии и истории народов. Миф погружен в природу, а человек погружен в миф как символическое существо *. Гёррес, обосновывая универсальность и всеобщность религии, утверждал, что некогда «существовал один

* «Вера и знание», 1805.

миф, <...> была одна служба, одна церковь, одно государство и один язык» * Если задача Кройцера — извлечь из мифов их исходное значение, то задача Гёрреса более литературна: открыть «первородную плоть народного духа» ** «Они (народные книги) образуют *наиболее изначальную* часть всей литературы, *ядро* ее своеобразной жизни, интимнейший фундамент всей плоти ее». И «*поэзия становится народной поэзией лишь посредством воплощения себя по формам народа*»***

Но наибольшее влияние на Гриммов, наряду с Гёрресом и Кройцером, оказал Канне, который вовлек в свои толкования обрывки скандинавской и германской мифологии. Канне, первым поставивший знак тождества между мифологией и историей, представлял природу как «плоть божественного» и доказывал, что теократическое господство «правремени» — единственная форма, которая была бы адекватна сущности мира. Ввиду вторичности письменности по отношению к звучащему слову, *истинности в письменной традиции нет и быть не может*. Но если письменная традиция не отчуждена от божеством наполненной природы, т. е. если слово и образ неотделимы, как у Кройцера, то у историка (в романтическом смысле) есть все шансы *пробиться к ядру истины, производя филологическую реконструкцию архаического текста*. Таким образом Канне стремился показать *систематическое единство всех содержаний*, сохранившихся в мифической традиции. Таковы

* «Мифоистория азиатского мира», idelberg: Mohr und Zimmer, 1807. S. 2.
1810.

*** Там же. С. 22—23.

** Die teutschen Volksbücher ... He-

основные идеи его скандальной, одно время даже запрещенной книги — «Первые свидетельства истории, или Всеобщая мифология», опубликованной впервые в 1808 году и снабженной предисловием Жан Поля [43].

Отмежевываясь от пантеизма романтических мифологов тезисом о том, что христианство полностью впитало в себя языческие верования и тем сохранило их в виде сказок, сказаний и легенд, из которых и можно реконструировать немецкую мифологию, Гриммы развили положение о единстве мифа и истории. В работе «Мысли о мифе. Эпос и история» [1813] Якоб Гримм пишет, что сказания не только результат самовыражения мифа; они формируются под воздействием истории в вечном взаимодействии с реальными событиями *истории, которая «возникает из лона сказки»*. Эта связь необходима, потому что разделение мифа и истории «лишило бы нас утешения историей», ибо *«всякое утешение, которое мы черпаем из истории, покоится на нашей общности и тождестве с людьми минувших времен»* [16, 4, 74]. Миф заполняет пробелы в немецкой национальной истории. А сказки — обломки мифа («В этих народных сказках заключен настоящий немецкий прамиф, который считался утерянным», — писали Гриммы в предисловии к изданию 1815 г.) и рассеяны преимущественно в литературе средневековья, которое не только Гриммам, но и всем немецким романтикам представлялось последним гармоническим выражением золотого «правремени», эпохи теократии.



Филипп Отто Рунге.
Автопортрет в голубом камзоле.
1805. Дерево, масло.

Из этих воззрений хорошо видно, что сказка для них — не развлечение простонародья, не средство воспитания национального самосознания (как у просветителей), не просто воплощение поэтического, как у йенских романтиков, и не самовыражение народного духа, *а само национальное сознание в своей первоизданной плоти, дошедшее из начала мира*, и современная Гриммам функция сказки — утешение. А в этой функции сказка действительна лишь тогда, когда она подлинна, т. е. имеет древние символически многозначные языковые и структурные формы, когда «исторически точно» реконструирована в виде простого, как начало мира, как божественная истина, текста, где простота слова соответствует простоте образа, где то и другое как бы совпадают. Попыткой этой реконструкции и предстают тексты первоначальной рукописи.

Лозунг, который можно поставить во главу гриммовских сказок: превратить историю в современность через понятие о первичности природных, растительных и животных символов и сюжетов (недаром Якоб Гримм, отводя им главенствующую роль в сказках, а в дальнейшем и в «Немецкой мифологии» (1835) и по присутствию таких мотивов выверяя подлинность соседних, поставил в начало рукописи именно их), вылился у Гриммов в побочную концепцию книги как опредмеченных тождеств «слово — вещь» и «история — современность».

«Растения и животные, возможно, участвовали в

чудесном возникновении письменности <...> Разве язык, с помощью которого мы говорим, и по сказанию и по форме своей не лист? а слова разве не корни и растения? Рот в иных языках — рука (manus), palma: пальцы и члены — ветви, губы — labium (листа). Язык — разъединяющий и связующий орган речи. (Band, Binde) vitta, Weide (германские витты, которые вяжут пучки песен). Lingua, lingula, ligula слово, — которое как и язык и **γλωσσα** означает «ремень», «полоса» <...> Далее речь о radix'e [корне]; руны значат «корни» [альрауны]; песня, стихотворение становятся ветвями, стеблями, стилиями, ручками для перьев, но также и способом речи. Сук (ramus) — это рифма, звучание... Древние скандинавские песни складываются из стеблей, прутьев, брусков, а из последних еще и песни мейстерзингеров (Stollen) <...> Книга [Buch] — идентична буку, буковому дереву, как **βιβλος** или codex относится к cortex, коре; книги, таким образом, состоят из листьев, листов <...> Руна означает и слово и знак, которым оно записано; писать — то же, что вырезать палочки для рун: rita, rista, ritzen — вырезать <...> Так между письмом, таинством, песнью и волшебством, чудом была необходимая, неизбежная связь» *. В развитие предметно-растительного образа книги уже в 1835 году Якоб Гримм, отнюдь не остро словя, пишет в «Немецкой мифологии»: «Народное сказание должно быть выбрано (gelesen — также: прочитано. — А. Н.) и снято (gebroschen — также: рассказано, рецитировано) целомуд-

* «Древнегерманские леса» [6, 1, 141—143]

ренной рукой. Перед тем, кто схватит его грубо, оно свернет свои листы и спрячет свойственный ему аромат» [7, XII].

Научная теория сказки была у Гриммов неотделима и от поэтического видения мира и от политических взглядов.

*

Сказочного продолжения «Волшебного рога мальчика» так и не получилось; образцы, опубликованные гейдельбержцами, не вдохновили общественность Германии. Идея собирания анонимных произведений народного творчества воедино в обстановке раздробленного на множество «родин» отечества опережала время. К тому же сильна была инерция вкуса к «синтезированной» из переводов, народных традиций и персонального художественного творчества сказке. Играл свою роль и книжно-издательский бум, начавшийся в Германии в 1770-х годах и питавшийся прежде всего идеалами книжной учености: во всей книжной продукции Германии 20% занимали книги по истории, 40% — по медицине, юриспруденции, естествознанию, философии и математике и 40% приходилось на теологию и художественную литературу; причем публика требовала «остроумного чтения», «для поучения и развлечения» *. В такой обстановке на призыв Арнима и Брентано откликнулись лишь немногие писатели, например, Альберт Людвиг Гримм (1786—1872), однофамилец братьев, член гейдельбергского кружка, учи-

* См.: Raabe P. Buchproduktion und Leseublikum. 1770—1780 // Bücherlust und LeseFreuden. Stuttgart 1984. S. 51.



Георг Фридрих Кройцер

тель, выпустивший свои «Детские сказки» (1808) с чисто просветительно-педагогическими целями [90], филолог-обработчик Иоханн Густав Бюшинг (1783—1829), также гейдельбержец, восторженный почитатель просветительской сказки Музеуса и Науберт, идейный противник Гриммов, выпустивший в 1812 году сборник «Народные сказания, сказки и легенды» [81] — обработанные исторические сказания. Да и сами авторы призыва в смысле патриотизма были не безупречны: в художественной практике исповедуя вольную трактовку фольклорного материала и приспособление его к злобе дня, по своему политическому сознанию они занимали промежуточное место между всеобщим и национальным гражданством.

Брентано еще в 1805 году, занимаясь национально-программным сборником, был увлечен более сокровенной идеей — издать по образу «Пентамерона» Базиле (см. Библиогр. и 78), т. е. в форме рамочного повествования, сказки разных народов. Наставляя Гриммов во время работы над «Волшебным рогом», часть их находок предназначал для себя, а позднее, после неудачи с продолжением «Волшебного рога», — и всю их продукцию, в обмен распахивая перед братьями двери своей богатейшей библиотеки. Гриммы же, разделявшие просветительский пыл Брентано, его национально окрашенный космополитизм (исходивший из идеи католической всеобщности), сами протестанты, а следовательно, «более немцы», в своей филологической практике куда как ближе были к идее

национального возрождения. Но и им было трудно возвыситься до всенемецкого единения фольклорных традиций. Гегелевская всенациональная концепция «народного духа», свобода которого «существует как природа» и «имеющего историю в пределах самого себя» *, хотя и исповедовалась Гриммами, но психологически в тот начальный период сводилась ими к «семейно-местническому» понятию родины. Поэтому «все сказки, за небольшими исключениями, собраны почти только в Гессене, в окрестностях Майна и Кинцига в графстве Ханау, откуда мы родом, по устной традиции; и поэтому с каждой отдельной вещью у нас связано и приятное воспоминание» [18, VII].

И тем не менее собирательская деятельность братьев определялась не столько принципами [71, 101—110], сколько практикой гейдельбергской школы. Принципы у них складывались свои: идейные — из мифологии Кройцера-Гёрреса-Канне, издательские и эвристические — из школы Савиньи и полемики с романтическими филологами-издателями. Из них-то и стали складываться представления о материально-литературной форме подачи сюжетов.

У Гриммов главным принципом собирания была запись со слов, что берет свое начало в тезисах Канне, а то, что Гриммы под воздействием практики гейдельбержцев и идеала книжной учености XVIII века черпали сюжеты преимущественно все же из книг, было следствием идейной «упаковки» этой практики —

* Гегель. Энциклопедия философских наук: В 3 т. М., 1974—1977. Т. 3. С. 365.

убеждения в том, что все письменные источники так или иначе восходят к устной традиции: «Многочисленные письменные памятники сохранили кости и суставы старой мифологии, <...> сказания и обычаи, которые на протяжении долгих времен передавались от отца к сыну. С какою верностью, <...> как точно они [письменные источники] ухватывают существенные черты традиции, <...> стало понятно, когда начали заключать эти черты в простые и обширные собрания [сказок]» [7, 1854, XII]. Только этим обстоятельством можно объяснить их категорическое и огульное заявление, что все собрано ими по устным рассказам.

Изустные сюжеты, представленные в Эленбергской рукописи, собраны Гриммами преимущественно в двух семьях, соседях по Марктгассе в Касселе, где жили тогда братья. У Хассенпфлюгов в доме вообще говорили только по-французски, и французское происхождение их сюжетов Гриммы вскоре обнаружили, как обнаружили в результате исследований зарубежное происхождение и многих других сюжетов. Но открытого признания — видимо, по программным сообщениям — братья никогда не сделали. Есть признание лишь косвенное: на титуле «Сказок» Гриммы отказались от эпитета «немецкие», в то время как он присутствует в заглавиях всех других книг Гриммов [71, 107].

На первом этапе собирания руководящей фигурой является Якоб. Он — автор идеи реконструкции немец-



Йозеф фон Гёррес.
Рисунок Л. Э. Гримма. 1815

кого прамифа и мифологической теории происхождения сказок, он инициатор издательских идей, он разрабатывает форму записи, методику вычленения «старой основы», «ядра», он выступает за архаизацию. Он же делает дополнения, располагает тексты по алфавиту, руководит исследовательской и редакционной работой. Мы это знаем не только по фактуре рукописи, но и по издательским и мифологическим идеям, с которыми мы уже познакомили читателей. Все это опровергает ходячее мнение, будто «Сказки» — произведение скорее Вильгельма. В 1810 году Якоб отделяет сказки от сказаний, о чем свидетельствуют его вычеркивания в Эленбергской рукописи («Немецкие сказания» были опубликованы позднее двумя отдельными томами).

Братья Гримм нигде и никогда не высказывались о способах записи, и восстановление ее идейных основ является проблемой, которой и посвящено это предисловие. Главный исследователь стиля и формы записи Эленбергской рукописи Курт Шмидт [53] считал, что такая содержательно скупая форма — результат научного подхода Якоба к фольклорному наследию и что именно он диктовал это и Вильгельму, который, как мог на том этапе, сопротивлялся, и в результате его записи более «художественны» [57, 13]. Это не так. В Эленбергской рукописи на наших глазах происходит конструирование внутренней формы, создание стиля, который позднее войдет в обиход литературоведов и сознание образованных людей как народный.

Языковые методы черпались из средневерхненемецких эпических текстов. Это прежде всего синтаксическая архаизация: неуклюжий порядок слов, преобладание простых предложений при минимальном наборе соединительных союзов, монотонность конструкций, неполнота сказуемых, несочетаемость слов с точки зрения современного языка, логические провалы и несогласования в пределах одного смыслового отрезка, обедненность знаками препинания и часто встречающиеся громоздкие предложения при лапидарной простоте составляющих их частей. В предложениях преобладают имена и глаголы, метафорические определения почти отсутствуют, сохранены лишь те, которые образуют с определяемыми цельные понятия, из эпитетов оставлены лишь постоянные, необходимые для содержания.

В отношении же литературной формы критерий «простоты» и «подлинности» раскрывается вычлениением главных событий и отбрасыванием всевозможных живописующих обстоятельств, сокращением мотивировок. Убраны черты литературного языка и, прежде всего, лирические дополнения, указывающие на рассказчика, язык обезличен: нет рассуждений, выводов, объяснений.

Однако при всей намеренности следует отметить и эскизность, происходящую из неумения записывать и в некоторых случаях доходящую до простой записи содержания, и явные небрежности, как, например, вторжение новейшей лексики, иностранных заимство-

ваний. Напомним, что Гриммам было тогда по двадцать с небольшим лет, литературного опыта у них было мало, а опыта записи фольклорных текстов не было ни у кого.

Ряд особенностей виден только в немецком тексте: обилие усеченных форм, старинная орфография, присутствие средневерхненемецких значений во внешне современных словах, что в переводе воспроизвести, конечно, невозможно.

Этот метод сжатия смыслового пространства сказки вел к тому, что фольклористы-литературоведы XX века назвали *архетипом*, т. е. такой якобы древней формой, из коей произошли все варианты и которая оказалась очень удобной для выделения, каталогизации мотивов и сравнительного их изучения, чем не случайно начали заниматься первыми тоже Гриммы, составляя свой «Конкорданс сказаний». Из понятия архетипа вышло и было ему противопоставлено немецким фольклористом Вальтером Андерсоном понятие нормальной формы — вторичного архетипа, складывающегося в ходе традиции так, что отдельные варианты минимально колеблются вокруг нее. На самом деле речь вовсе не о том, что В. Андерсон и другие представители второй крупнейшей после Гриммов фольклористической школы — историко-географической — черпали эти идеи из рукописи Гриммов, а о том, что, помимо идейных соображений о форме сказки, Гриммы первыми открыли мнемотехническую основу устной традиции, естественный способ



Иоханн Арнольд Канне.
Литография неизвестного художника, ок. 1829.
Хранится в университетской б-ке Эрганген-Нюрнберг
(ФРГ); Раг. V, 18 (53).

запоминания сюжета в его основных чертах, который при воспроизведении — на бумаге писателем или устно сказочником — дает возможность обогатить рассказ личными и этническими данностями повествователя.

Стилистика же Эленбергской рукописи закладывала основы «народного» языка книжной сказки, которая складывалась из взаимодействия литературной повествовательной традиции немецкого средневековья, французской сказочной литературной традиции рококо в русле, заданном Шарлем Перро (в «подлинности» его сюжетов Гриммы не сомневались), и реставрационных идей немецкого романтизма, причем язык и способ записи в целом выступали посредниками между прошлым и настоящим. Заметим здесь мимоходом, что большинство исследователей при обсуждении подхода Гриммов к материалу впадают в грубую ошибку, говоря о верности и неверности народному стилю, языку, будто критерий народного языка братьям был уже задан, тем более литературного народного языка (последний в лучшем случае может обсуждаться как гипотеза в приложении к относительно единой архаической литературной культуре средневековья).

2 июля 1809 года Брентано после долгого перерыва в переписке в письме к Вильгельму, поинтересовавшись, над чем братья работают, и предложив им для издания несколько старых немецких сборников шванков, напоминает о своей просьбе: «Вы окажете мне подлинную услугу, если передадите несколько детских сказок в обмен на подобные материалы, я бы охотно

их напечатал. Книготорговец Хитциг, напечатавший «Книгу любви» Хагена, мой хороший друг, и я, наверное, мог бы связать его с Вами» [61, 50]. Вильгельм немедленно ответил из Халле: «Все, что у нас есть, принадлежит как нам, так и Вам, и из наших детских сказок Вы можете выбрать в Касселе все, что Вам понравится», — и сообщил о просьбе Брентано брату. Якоб согласился: «Наше собрание детских сказок мы вручим Клеменсу от всего сердца, и было бы нехорошо не отблагодарить его за доброту такой мелочью, даже если он обойдется с ними иначе, чем намереваемся мы» [61, 64]. В последующие недели, после встречи с Брентано в августе 1809 года в Халле, Вильгельм уже в Берлине и, работая в библиотеке Брентано, делает выписки [ОН № 1 и 28], а Якоб записывает новые сказки в семье Хассенпфлюгов. Брентано вспоминает о своей идее издания сказок только время от времени, и лишь 3 сентября 1810 года он сообщает братьям: «Я теперь начал уже писать детские сказки, и вы окажете мне большую любезность, если пришлете мне, что у вас есть такого...» [61, 112]. Якоб ему ответил: «Детские сказки, собранные нами, Вы получите в ближайшее время; я бы их уже выслал, если бы Вильгельм не взял их с собою в Марбург» [24.9.1810; 61, 116]. А перед этим он написал Вильгельму в Марбург: «Он требует наши детские сказки, пусть он обойдется с ними, как ему заблагорассудится, мы от этого не пострадаем. (Это надо сделать обязательно. Но я все-таки считаю необходи-

мым изготовить предварительно копию того, что мы собрали, иначе все будет потеряно)» [12.9.1810].

Скобки побуждают предположить, что названная Якобом причина задержки была лишь отговоркой. Об этом свидетельствует и то, что прошел ровно месяц до момента, когда посылка была готова. В промежутке братья сделали копии, образовавшие ядро издания 1812 года. Как Якоб и предполагал, зная необязательность Brentano, первоначальная рукопись исчезла в недрах его рабочего архива, и братья никогда ее больше не увидели.

Рукопись продолжала расти, и Grimмы все медлили с ее публикацией, уступая приоритет Kлеменсу Brentano, который в июне 1811 года попросил у своего издателя Циммера отсрочки еще на два года, а потом и вовсе отказался от этой идеи, переключившись на сочинение собственных сказок и использовав при этом лишь «Сурка» [ОН № 37]. Узнав об отсрочке Brentano, в марте 1811 года Grimмы направляют собрание по собственному пути, начинают точно помечать дату записи, место, источник.

Под давлением новых материалов — вариантов, обнаруженных литературных аналогов, записанных со слов сказок, дополнительных литературных источников — братья взялись за первую литературную обработку собранного. В этом новом для братьев деле большую роль сыграли эрфуртский и брауншвейгский анонимные сборники сказок (92 и 93), успешно раскупавшийся сборник Альберта Людвига Grimма, сборник

Современная Grimмам карта земли Гессен.





Перро, а также уверенность в «подлинности» таких текстов, как ОН № 1 «О портном», № 28 «О воробье» и № 24 «О рыбаке и его ненасытной жене» Ф. О. Рунге. Все три названные сказки вошли в первое издание без изменений. Равняясь на эти литературные образцы, Гриммы работали над своими записями с явной тенденцией к художественной «сделанности»:

1. Вносили содержательные дополнения и уточнения вплоть до радикальных изменений.

2. Раскладывали действия на отдельные фазы и достигали плавности перехода от одной к другой.

3. Добивались наглядности повествования посредством растолковывающих описаний, более точных выражений.

4. Вводили психологические мотивировки, усложняли синтаксис, последовательно применяли прямую речь.

5. Совершенствовали композиционное построение, восстанавливали или создавали образную и синтаксическую симметрию и нагнетали действие.

6. Выравнивали и уравнивали синтаксис, последовательно переводили настоящее время в прошедшее, включали пословицы, поговорки, современные им просторечные (в бюргерской среде) речевые обороты.

7. Создавали словесное разнообразие, снимали монотонность, модернизировали словесные значения, расцветчивали повествование метафорами.

8. Поэтапно (от издания к изданию) снабжали сказки христианско-бюргерской моралью.

9. Уточняли, а порой изменяли заглавия (см. коммент.).

10. И, наконец, как издательскую тактику стали применять слияние нескольких вариантов в один, что гриммовской теории верности старой основе не противоречило, но было не в ладах с заявлением Якоба о том, что он против слияния вариантов.

Заглянем в конец лета 1812 года, когда тексты готовы для типографии, и сравним первоначальную редакцию с издательской, а первую издательскую с окончательной, седьмой, редакцией, которая нам всем известна.

ОН № 25: «Королевская дочь и заколдованный принц. Король-лягушка». Младшая дочь короля пошла в лес и села у прохладного колодца. Взяла золотой шарик и стала играть с ним, и шарик вдруг скатился в колодец. Она видела, как он упал в глубину, встала у колодца и сильно опечалилась. Тут из воды высунула голову лягушка и сказала: почему ты так тужишь? — Ах, безобразная лягушка, — ответила она, — ты все равно не сможешь мне помочь, упал в колодец мой золотой шарик. И сказала лягушка: если ты возьмешь меня к себе домой, я достану твой золотой шарик.

КНМ № 1 [1812]: «Король-лягушка, или Железный Генрих».

Жила-была королевна, которая пошла однажды в лес и села там у прохладного колодца. У нее был золотой

шарик, ее любимая игрушка, она подбрасывала его в воздух, ловила на лету и тем себя тешила. Однажды шарик взлетел очень высоко, королевна уже протянула руку, сделала ладонь чашечкой, чтобы поймать его, но промахнулась, и шарик, упав наземь, покатился, покатился — и бульк в воду.

Королевна заглянула в колодец и испугалась, колодец был так глубок, что и дна не видно. И принялась она жалобно плакать и сетовать: «Ах, за то, чтобы вернуть шарик, я готова отдать все, что угодно, — свои платья, свои драгоценные камни, свой жемчуг, все, что у меня есть». Услыхав ее плач, высунулась из воды лягушка и сказала: «Королевна, отчего ты так горюешь?» — «Ах, сказала она, гадкая лягушка, чем ты мне можешь помочь! упал в колодец мой золотой шарик». Лягушка сказала: «твой жемчуг и драгоценные камни, и платья мне не нужны, но если ты возьмешь меня в друзья, и посадишь рядом за свой стол, и будешь кормить из своей золотой тарелочки, и укладывать с собой в кровать, и будешь любить меня и холить, то я достану твой шарик» [18, 1—2].

КНМ № 1 [1857]: «Король-лягушка, или Железный Генрих».

«Давным-давно в тех краях, где стоило только захотеть и все само собой получалось, жил-был король, все дочери которого были прекрасны, но младшая была так хороша, что само солнце, многое переживавшее на своем веку, дивилось всякий раз, заглядывая



Якоб Гримм.
Рисунок Л. Э. Гримма. 1814.

ей в лицо. Неподалеку от королевского замка рос большой темный лес, а в лесу под старой липой был колодец; и, когда днем становилось очень жарко, королева шла в лес и садилась на краю прохладного колодца; и когда она начинала скучать, то брала золотой шарик, подбрасывала его в воздух и ловила, и это было ее любимой игрой.

И надо же было однажды случиться тому, что золотой шарик упал не в руки королевы, а мимо и, ударившись оземь, скатился прямо в воду. Стала королева искать его взглядом, но шарик исчез, а колодец был так глубок, так глубок, что и дна не видно. Вот принялась она плакать, и все громче и громче, и все безутешнее. И тут прервал ее стенания чей-то голос: «Что с тобой, королева, твои рыдания и камень разжалобить могут». Она оглянулась, ища глазами, откуда доносится голос, и увидела лягушку, высунувшую из воды свою толстую, гадкую голову. «Ах, это ты, плюх-пентюх, — сказала она, — я плачу по своему золотому шарик, который скатился в колодец». — «Успокойся, не плачь, — ответила лягушка, — я, наверно, тебе помогу, но что ты мне дашь, коль достану твою я игрушку?» — «Все, что захочешь, дорогая лягушка, — сказала она, — мои платья, жемчуга и камня, и еще золотую корону в придачу, что ношу я по праву». И лягушка ответила: «Твои платья, жемчуга и камня, и золотая корона мне не нужны, но если ты меня полюбишь, возьмешь в друзья, и будешь играть со мною, и рядом сажать за свой столик, и



Вид из квартиры Гриммов в Касселе
на Марктгассе
Акварель Л. Э. Гримма

кормить из своей золотой тарелочки и укладывать спать в свою постельку, — если ты все это пообещаешь, я спущусь на дно колодца, достану твой золотой шарик и верну его тебе» (*Пер. А. П.*).

Однако этот пример не опровергает многократных заявлений Гриммов о том, что в сказках ими «не присочинено ни одного обстоятельства, ничего не изменено», ибо они «боялись раздуть богатые сами по себе сказания их собственными аналогами и реминисценциями» [18, XVIII]. Речь шла прежде всего о несмешении разнородных мотивов и сюжетов, о сохранении «основы» сказки. Но происходило слияние разных вариантов одного и того же сюжета, формирование по известным образцам, а с первого сводного издания 1819 года все больше набирало силу собственное художественное творчество Вильгельма. Издатели, доброжелатели, друзья (прежде всего Арним) требовали книгу для детей. Якоб упорно сопротивлялся, Вильгельм же склонялся к мнению общественности. В конце концов и Якоб признал объективную необходимость этого требования, но отошел от книги, ограничив свое участие всего 11 сюжетами и оставив за собой примечания, которые давали ему богатый материал для занятий реконструкцией «прамифа» и тем подготавливали написание «Немецкой мифологии». Но не забудем, что именно он был автором идеи и руководителем «подлинной» записи сказок, и, слыша со всех сторон об авторстве Вильгельма, с некоторой обидой писал своему коллеге, германисту



Георг Андреас Раймер

Францу Пфайферу в 1860 году: «Для книги я сделал столько же, сколько и он [Вильгельм], если не больше» *.

Читатели, верно, уже заметили разнობой в наименовании нарождающегося жанра: речь идет то просто о сказках, то о народных сказках, то о детских, то о сказаниях.

Понятие народной сказки и романтической народности вообще мы раскрыли. Но книга готовилась под заглавием «Детские и домашние сказки». Это следует объяснить. Народ для Якоба Гримма — ребенок в биогенетическом смысле. Детская правда — это «правда старого человека, ибо начало каждого отдельного человека стоит на одной линии с началом народа. Поэтому „народный" и „детский" — синонимы. Сказки живут в народе и среди детей потому, «что дети восприимчивы только к эпосу, и этой их душевной особенностью мы обязаны сохранением этих эпических свидетельств» [60, 271]. Сборник создавался не для детей, но он им адресуется. Это противоречие разрешается просто: «Все, что дошло до нас из откровений, традиционных учений и предписаний, годится как для стариков, так и для детей, и то, что детям пока непонятно, их душа пропускает до тех пор, пока не усвоит этого» [60, 269]. Таким образом, заглавие книги является не адресатом, а метафорическим обозначением источника и значения.

И все же на первой стадии обработки Вильгельм стремился прежде всего «схватить детский тон», что в

* Germania. 1866, S. 249.

одной трети сюжетов ему удалось. В результате готовая к печати рукопись, по выражению Рёллеке, «была нечто средним между научным документом и детской книгой» [71, 108]. И в дальнейшем конституирование «народного (детского)» тона с двух сторон, теоретико-мифологической и литературно-поэтической, привело к тому, что Гриммы незаметно для себя создали его сами. Был создан первый образец того, что ныне понимается под книжной народной сказкой. «Гриммовские сказки, — писал А. Вессельский, — хотя и основаны на устной народной традиции или народной литературе, являются <...> не только материальной художественной формой, которая может быть обозначена как языковая художественная форма, но и литературной художественной формой, <...> созданной не только языковыми средствами народа, но и <...> средствами литературной культуры» [69, 115]. И этот гриммовский стиль, направление литературной обработки оказали колоссальное влияние на всех последующих собирателей и издателей сказок, бытующих в народе. Хорошо известным нам примером такого влияния могут служить сказки А. Н. Афанасьева, сюжетные параллели из которых мы приводим в комментариях везде, где они имеются.

*

В январе 1812 года рукопись сказок была практически готова для издания, но Гриммы с присущей им

скрупулезностью продолжали работу, и конца не было видно.

Между тем они подыскивали издателя. Их предыдущий издатель, выпустивший «Датские героические песни» [1811; 5], Циммер, за это дело не брался — шла война, страна была охвачена экономическим кризисом. К тому же Циммер не выплатил братьям гонорар. Речь могла идти только о Георге Андреасе Раймере (1776—1842), арендовавшем с 1801 года основанную в 1749 году «Книготорговлю для реальных школ» с типографией в Берлине, одной из главных книгопроизводственных баз немецкого романтизма; Раймер сотрудничал с Августом Шлегелем, Людвигом Тиком, Фихте, Арнимом, Brentано. 6 мая 1812 года Якоб, тактично намекая на Раймера, писал Арниму: «Если ты можешь уговорить какого-нибудь издателя, чтобы опубликовать наши сказки, то сделай это. От гонорара мы, в конце концов, можем отказаться <...> Какими бы ни были печать и бумага, хорошими или плохими, в крайнем случае книга станет дешевле и легче будет сбываться» [60, 195]. 13 июня Арним присылает радостное сообщение: «Раймер готов печатать ваши сказки и договориться о выплате какого-то гонорара, если будет сбыто определенное количество экземпляров» [60, 204]. (Гонорар будет выплачен много лет спустя и составит мизерную сумму — 150 талеров.) На письмо Арнима откликается 21 июня Вильгельм: «Предложение Раймера об издании нашего сборника сказок нам очень приятно и указан-

Kinder-
und
Haus = Märchen.

Gesammelt
durch
die Brüder Grimm.

Berlin,
in der Neufchulbuchhandlung.
1812.

Титульный лист первого издания
«Детских и домашних сказок Гриммов»

ные условия подходят. Так как книга небольшая и напечатана должна быть просто *, он ничем не рискует, а для нас это было бы то, что надо, если получится. Пока же у нас есть немного свободы, нам бы хотелось доработать рукопись» [60, 206].

В конце сентября 1812 года рукопись была отправлена Раймеру вместе с письмами братьев для Арнима. 26 сентября Якоб пишет: «С тех пор, как Ты здесь был, наше собрание очень обогатилось, и все по устным источникам, и я думаю, что получится изрядная и приятная книжка; ежедневно я все больше убеждаюсь, насколько важны эти старые сказки для истории поэзии; если ты считаешь, что мы их переоцениваем, то можно кое-что убрать, во всем же прочем имевшая до сих пор место несправедливость по отношению к ним и их принижение будут с лихвой исправлены» [60, 219].

14 ноября в письме к Гёрресу Якоб предполагает, что уже почти все напечатано, но произошла задержка из-за того, что последний лист по просьбе братьев перебирали, и тираж вышел лишь около 20 января 1813 года.

Однако удалось договориться с Раймером о двух экземплярах, которые 20 декабря издатель послал один Гриммам в Кассель, другой Арниму. На титульном листе стояло посвящение: «Госпоже Элизабет фон Арним для ее маленького Иоханнеса Фраймунда». То был знак благодарности Арниму и признание в глубокой и искренней привязанности, особенно Вильгельма,

* Братья мыслили себе самое дешевое издание в соответствии со своей концепцией подлинности, т. е. соответствия между материальной стороной книги и ее содержанием, с тем, чтобы она наиболее органически вошла в на-

к Беттине — Катарине Элизабет Людовике, урожденной Brentano (1785—1859), умной, страстной натуре, по-романтически непримиримой к бюргерским конвенциям, ее Фраймунду исполнилось тогда пять месяцев, и посвящение было еще и намеком на эстафету романтического собирательства и издания сказок.

На рождество, 24 декабря, Беттина увидела гриммовские сказки на своем столе и немедленно села писать Гриммам: «Вы оказали мне такую нечаянную радость, что пружины желания писать сработали вновь, чтобы всему свету явить мою благодарность Вам. В рождественский вечер переплетенная в красивую, сулящую надежды зелень и с золотым обрезом, многозначительно указующим на скрытое в ней сокровище, книга лежала у меня на столе, а имя Фраймунд исторгло у меня из груди тайное ликование...» [60, 264].

Книга вышла тиражом 900 экземпляров и стоила 1 талер 18 грошей *, расходилась она в течение 7 лет, вплоть до выхода первого сводного издания в 1819 году (почти весь тираж этого издания утерян, и цена книги на международном букинистическом рынке составляет сейчас около 10 000 долларов). В книге должна была быть гравюра Людвига Эмиля Гримма на сюжет одной из сказок, но по стечению обстоятельств она туда не попала. 24 декабря Арним в письме к братьям поблагодарил их за посвящение своей жене и высказался отрицательно об издании: «Отсутствие гравюр и окружающая тексты ученость (первые в

род, подобно бросовым лубкам, народным книгам конца XVII — начала XVIII в.

* В пересчете на современную покупательную способность это составляет примерно 15 рублей.

истории сказок предисловие и примечания. — *А. Н.*) исключают теперь книгу из круга собственно детского чтения и воспрепятствуют ее дальнейшему распространению» [60, 252]. На что Якоб с горячностью ответил: «Приложение, которое Тебе не нравится, присовокуплено к нашим сказкам 1) потому, что я не понимаю, отчего люди, которым его не хочется читать, просто не перелистнут его, 2) это приложение обороняет книгу от многих нападков и требует уважения к содержанию; я же убежден, что немалочислен сорт читателей, которые купят книгу только ради приложения, 3) кроме того, в нем много красивых вариантов, которые могут быть включены в текст как самостоятельные сказки <...> 4) подобные примечания сам Гердер без вреда дал к своим народным песням; у англичан Перси и Скотта их еще больше и непосредственно под текстом <...> Что касается нехватки гравюры, то Ты прав...» [60, 253]. Со второго издания (1815) «Сказки» стали выходить с гравюрами, третье издание (первое сводное) 1819 года вышло уже без примечаний, которые начали публиковаться с 1822 года отдельными томами.

Вечером перед рождеством 1812 года Вильгельм писал брату Фердинанду: «Хотел бы я знать, что скажет на это Брентано, у него ведь есть детские сказки по нашей рукописи, которую мы передали ему пару лет назад <...> ведь он все переиначивает, раздувает и в своей манере все объединяет и перемешивает; мне страшно интересно посмотреть, если он

их напечатает, как они будут выделяться на фоне наших» [61, 188]. Брентано, который приобрел книгу в Праге зимой 1813 года (еще в 1811 г. между ним и Гриммами произошло охлаждение), писал Арниму: «Рассказ, как он есть, производит жалкое впечатление, он небрежен и оттого во многом очень скучен, хотя истории короткие <...> Если прилежные издатели хотят удовлетворения, то каждой истории они должны предпослать психологическую биографию ребенка или старухи, которые так плохо рассказывали эти истории <...> При такой достоверности эти детские сказки выглядят очень ничтожно» [61, 192—193].

И все же, вопреки уничтожающему отзыву Брентано, книга, хотя и расходилась действительно плохо, образованной, или, как тогда говорили, «ученой», общественностью Германии была встречена хорошо. И Раймер, привыкший ориентироваться на читателей экстравагантной романтической литературы, согласился на издание второй части сказок, которая вышла в конце декабря 1814 года, хотя на титуле стоит 1815-й год, тиражом 1100 экземпляров.

10 февраля 1815 года Арним писал Вильгельму: «Ты удачно подобрал сказки и местами очень удачно подправил их, о чем Ты Якобу, конечно же, не говоришь; Ты должен поступать так и в дальнейшем, и многие концовки сказок будут более удовлетворительными»; Арним уже согласен с тем, что «сказки выдуманы не только для детей», что они — «связу-

ющее звено между детским и взрослым миром»; не возражает он уже и против научного аппарата, ему стало интересно, и разговор идет уже только о примечаниях, «вскрывающих воистину удивительные соприкосновения с великой старинной поэзией» [60, 319]. Во втором издании Гриммы действительно были ближе к взглядам Арнима на литературную обработку как средство актуализации фольклорного наследия и растворения его в литературе.

14 октября 1815 года Вильгельм, наслышавшийся много лестных отзывов, писал Якобу: «Сказки прославили нас во всем мире» [10, 457], — понимая под миром родное курфюршество Гессен. И начал подготовку к изданию третьей части. Но второй том, вопреки радужным ожиданиям, расходился еще хуже первого, и идею третьей части пришлось оставить. Опытный и прозорливый Раймер не отступился от книги и на сей раз и в 1819 году выпустил сильно переработанное Гриммами первое сводное издание, ставшее фундаментом канонического. Успех был большим, книга раскупалась по всей Германии и за ее пределами, и Раймер, чтобы не портить реноме бестселлера, уничтожил большую часть тиража издания 1815 года, которое в результате стало почти абсолютным раритетом. Это было последнее большое издание у Раймера; он задерживал выплату гонораров и нередко ставил Гриммов в унизительное положение. Очередное большое издание, в 1837 году, состоялось уже у Дитриха в Гёттингене.



Беттина фон Арним.
Рисунок Л. Э. Гримма

В 1825 году по образцу английского иллюстрированного издания братьев Тэйлор вышло первое малое детское издание избранных 50 сказок, иллюстрированное семью гравюрами Людвиг Эмиля Гримма, также у Георга Раймера. Именно это издание принесло Гриммам подлинную известность (при их жизни малое издание вышло 10 раз, позднее права на это «Избранное» Гриммы передали берлинскому книготорговцу Вильгельму Бессеру). До начала XX века большой сборник пережил 31 немецкое издание, малый — вдвое больше. Гриммовская сказка стала понятием.

В 1819 году Гриммы практически отошли от устных источников и первоначальных принципов подлинности, сбор и обработка сюжетов пошли книжно-литературным путем. В определенном смысле сбывалось пророчество Арнима, сделанное им перед выходом первого издания: «Фиксированные сказки означали бы смерть всего сказочного мира» [60, 223]. Смерть сказочного мира — это вытеснение устных, первичных, форм формами книжными (а в наши дни — средствами массовой коммуникации), вторичными. Это умирание, а на самом деле пресуществление устной традиции в плоть традиции книжной происходило на глазах у Гриммов, сложно взаимодействуя с новыми, вторичными, формами. Главными деятелями этого эпохального процесса стали Гриммы, а первым документом его — первоначальная рукопись гриммовских сказок, которая является истоком современной книжной сказки.

Из Эленбергской рукописи в ходе ее литературного овеществления родились принципы и образцы того, что мы понимаем ныне под обработкой — переименованием первоосновы с самыми разнообразными целями: научными, педагогическими, идеологическими, многообразными литературными, в которых обработка для детей занимает лишь одно из мест. В Эленбергской рукописи заданы и поныне нерешенные вопросы о критериях достоверности источника, о критериях народности и литературности, о взаимоотношении этноса с повествовательной традицией: о том, как определить национальность сюжета, если это вообще исчерпывающе определимо. Форма записи, содержательная и языковая, дала первый пример того, что ныне определено как признаки европейской народной сказки, а именно: *одномерность* (фантастическое не имеет никакого развития), *функциональность*, *абстрактность*, *изолированность* и *всесвязанность* (замкнутость действия на себя, монотонность слов и эпизодов, универсальная многозначность немногочисленных предметов и функций), *сублимация* (магическое переосмысление реальных форм человеческого общества) и объединяющие все каноническая условность и каноническое взаимодействие функций [46] *. И при этом интересно, что Макс Люти упрекает Гриммов в «предательстве стиля настоящей сказки, когда они рассказывают о красных глазах и трясущейся голове ведьмы, о ее длинном носе, на котором водружены очки, — настоящая народная сказка гово-

* Ср. также: Пропп В. Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969.

рит только о „гадкой старухе, старой ведьме"» [46, 34], прямо-таки обвиняя братьев в подробном описании уснувшего замка в «Терновой розочке», в преступлении против сжатости настоящей народной сказки [46, 27—28], т. е. — в нарушениях настоящей народной сказки, понятие о которой создано самими же Гриммами, но не реализовано именно в такой стиль по историко-литературным и социально-психологическим причинам. Состоялся иной тип народной книжной сказки, который основан именно на гриммовском понятии подлинности.

И хотя перевод, как бы адекватен оригиналу он ни был, уже обработка — в данном случае, как ни стремился я воспроизвести всю неровность и эскизность оригинала, — он все же на какую-то йоту глаже и литературнее оригинала, тем более, что переводчику исторических текстов всегда приходится идти на компромисс с читателем. В переводе рукописи задача переводчика иная, парадоксальная: бороться против книжной литературности средствами самой литературы. Но в этом и цель и достоинство издания рукописи: столкнувшись с нелитературностью, читатель невольно будет стремиться восстановить литературную, а то и литературно-сказочную — если у читателя на то есть опыт — норму и тем самым, как и Гриммы, столкнется с проблемами книжного сказочного языка, осознает его — и вступит в мастерскую литературной обработки, приобретя представление об архетипе, т. е. в мастерскую народной книжной сказки.



Вильгельм Гримм.
Рисунок Л. Э. Гримма. 1814

В Эленбергской рукописи среди «неподлинных», по определению Гриммов, и оттого отвергнутых ими сказок читатель встретится с такими известнейшими и любимыми, как «Король-лягушка, или Железный Генрих», «Кошка и мышка в обществе», «Волк и семеро козлят», «Двенадцать братьев», «Братец и сестрица», «Мальчик с пальчик», «Гензель и Гретель», «Три ворона», «Терновая розочка», составляющими ядро рукописи и в дальнейшем классического сборника. Это изысканное чтение — обнажены первородные черты сказки, и мы, избалованные высокой литературой, чуть пресытившиеся литературной сказкой с ее ставшими уже избитыми приемами, наслаждаемся монументальной простотой, безыскусностью и емкостью рассказа, в котором скрыто бесконечно много образов. Эта сжатость возбуждает нашу фантазию и включает нас в образное сотворчество чудесного мира, в центре которого стоит уже не рассказчик, а мы сами, и в нашей власти строить этот мир всякий раз иначе.

Мы творим вместе с Гриммами осколки их романтического прамифа, читая гриммовские «Примечания», восстанавливаем вместе с ними европейскую повествовательную культуру нескольких столетий, связываем воедино аналогичные сюжеты и мотивы, и они начинают претворяться в нашей культурной памяти в образы и сюжеты европейских литератур от античности до наших дней. И сказки Эленбергской рукописи предстают связующими звеньями мировой повествовательной



Якоб Гримм.
Рисунок Л. Э. Гримма. 1817

традиции, которую мы начинаем осознавать как нашу собственную духовную основу.

Второе открытие гриммовских сказок, происходящее в Эленбергской рукописи, — это открытие плоти и крови европейской народной культуры и цивилизации, открытие вместе с Гриммами словесной и книжной традиции, открытие в сказке феномена народной культуры, каким его восприняло новое время.



В многотрудной работе по изданию и комментированию Эленбергской рукописи, ибо все рукописное наследие Гриммов находится в большей части в Государственной библиотеке прусского культурного достояния (Западный Берлин) и в меньшей части в Марбурге и Касселе, где расположен и Музей братьев Гримм, почти все книжные первоисточники находятся в ФРГ, а сама Эленбергская рукопись — в Швейцарии, я выражаю глубокую благодарность за помощь профессору Вуппертальского университета доктору Хайнцу Рёллеке (ФРГ), директору Бодмерианы доктору Гансу Брауну (Швейцария), директору отдела рукописей Государственной библиотеки прусского культурного достояния доктору Ингеборг Штольценберг (Западный Берлин) и ее сотрудникам, а также доктору филологии, специалисту по мировой нарративистике Элизабет Френцель (Западный Берлин), доктору Вальтеру Шерфу (Мюнхен) и доктору Утеру, главному редактору «Энциклопедии сказки» (Гёттинген).

Особо благодарю за огромную помощь в библиографической части этого издания сотрудников Государственной библиотеки иностранной литературы С. А. Солодовник, М. В. Корзинкина, а также кандидата филологических наук, заведующего отделом редкой книги Н. В. Котрелева и его сотрудников.

Александр Науменко

Обоснование текста

В нашем издании перевод текстов основан на издании Эленбергской рукописи, сделанном Х. Рёллеке [4] и любезно предоставленном в наше распоряжение директором Бодмерианы доктором Гансом Брауном вместе с правом воспользоваться типографическим способом передачи рукописных особенностей оригинала и открытием Рёллеке порядка следования сказок в рукописи.

По Рёллеке восстановлены: все пометы в рукописи, дополнения к заглавиям сказок, маргиналии, вставки в тексте, варианты отдельных фраз, способы обозначения абзацев, их расположение относительно друг друга, порою отклоняющееся от привычного, не совсем обычная, отчасти архаизирующая, отчасти рабочая пунктуация, все подчеркивания, вычеркивания и исправления, характеризующие движение текста и методы работы Гриммов, лексические и стилистические непоследовательности.

Воспроизведено открытое Рёллеке порядковое следование текстов, согласно карандашной нумерации Якоба Гримма в левом верхнем углу первой страницы каждого текста. Восстановлено номерное место отсутствующих текстов.

Якобу Гримму как библиотекарю лучшим принципом расположения материала для рабочих целей был принцип алфавитный по заглавным словам, находящимся нередко *внутри* названия сказки или приписанным позднее к уже имевшемуся заглавию. Причем первые шесть сюжетов, относящихся, по определению Якоба, к жанру басни о животных и оттого представлявшихся ему наиболее древними, а следовательно, и наиболее подлинными, составляют отдельную группу, после которой алфавитный порядок возобновляется. Часть текстов осталась нумерованной.

Несколько текстов, гипотетические номера которых были восстановлены Рёллеке, Brentano посланы не были как хорошо ему известные или имевшиеся у него или были посланы, но утеряны Brentano. В отличие от издания Рёллеке среди сохранившихся и публикуемых нами текстов мы опускаем их, сохраняя только в Содержании, но комментируются они наравне с остальными текстами сказок.

От издания Рёллеке наша книга отличается тем, что: описок и пагинации оригинала мы не приводим, а передаем лишь манеру записи, поиски стиля и полноты содержания; мы включили сказку «О портном» как пример сюжета, дословно выписанного Вильгельмом Гриммом (но с иной пунктуацией и без абзацев) из книжного источника и публиковавшегося Гриммами во всех изданиях «Сказок» без изменений, а также текст «Граф Изанг», не имеющий отношения к посылке Brentano (см. коммент. С. 409), но имеющий отношение

к Эленбергской находке; мы не включили параллельные тексты из издания 1812 г.; мы публикуем наши комментарии вместе с комментариями и рукописными пометами в авторских экземплярах Гриммов (они выделены в комментарии другим цветом).

Условные обозначения:

- | | — вычеркнуто в оригинале;
| - - | — вычеркнуто и восстановлено;
< > — дополнения сокращенно записанных слов и места, оставленные Гриммами для вписывания нескольких слов или предложений;
{ } — варианты текста, которые относятся к нескольким предыдущим словам;
/: :/ — слова, повторенные при записи;
(1) — позднейшие добавления Гриммов; цифра обозначает число вставленных слов перед этим знаком;
<J> — вписано рукой Якоба;
<W> — вписано рукой Вильгельма.



СКАЗКИ
Эленбергская
рукопись
1810





geschicklich, bald nach dem Jahr 1470, durch Befehl des Königs,
wie, ob er nicht besser besetzt werden sollte, dem der Befehl
bald nachher, als das auch schon bemerkt worden, und
bald die. May wo sie in Zübingen sitzen, allen
gütlich Dienste und Güter. In König ihre bald
nach zu sagen, und sie nie befahlen das Land zu besetzen.
then ad funde nicht Europa Zeit, die Kaiser werden dem
guten Befehl gegeben, sitzen gewöhnt, daß es keine
Kaiserliche, auch sie geschicklich, da sie sie mit ihm selbst
nicht werden, nicht sie ihre eigene Wirtschaft, die
wenn es notwendig sein muß, nicht einen König zu sein
fragen würde, nicht geschicklich wie sie auch dem
Königreich zu sein, auch nicht, daß letzter zu sein
wäre, und mit einem über die Kaiserliche, mit
einander sie die König zu sein, und die Kaiserliche
zu sein, welche nicht geschicklich der König, als es geschicklich
allen seine Dienste zu sein. Kaiserliche willend Kaiserliche
sein Kaiserliche. Wenn es nie war, nicht gewöhnt, dem
Königreich ein geschicklich, daß sie sich Kaiserliche
haben, dass es geschicklich, es immer geschicklich
Holt zu sein geschicklich würde, und immer sein Kaiserliche
dem dem Kaiserliche besetzen würde, Kaiserliche, wie sie
sich zu sein würde, und nicht Kaiserliche sie und immer
Kaiserliche in Kaiserliche, die Kaiserliche Kaiserliche
Kaiserliche (wie immer sie immer Kaiserliche geschicklich)

ab zu kommen, wenn sie selbst, ihre für halt, wie es was
kaufen man, daß es nie ganz abgeben werden können.
wenn man, wenn sie den Ringen wie halt, die ich
mit demselben ganz abgeben dürfen, mit demselben, Mörtel,
brennen man in dem Hause, und man könnte ich
wider mit Waffen und andern auch mit zu kommen,
dann sie anfertigen will, und so es sich nicht, daß
wird die Ringen ein zu bringen, und das ist es, so wird
es sich sein selbst zu einem Zeit, und sein halt König-
mit zu einem spaßender geben, wald ich mich fürcht
König zu sein wider die Ringen, geben; das ist wieder
was wohl zu klug, daß es nicht mit König selber
wollen, dann es wird man die Ringen einbringen,
und wohl sie selbst die Könige zu werden will, sich
den walden zu wald kaufend, die Könige hat man selbst
wollen sie, sie nicht, das walden klug, ob es die
Könige nicht zu geben wird, das man kann die Ringen
sie nicht ein kann selbst sein, und gegenfallend,
daß die Ringen zu den Königen sich geben, das ist wieder
sich nicht ganz abgeben, was ich zu sein wird, sie
sich selbst hat man selbst, auf den walden walden
sie walden sie, walden die walden mit dem König auf
sich selbst zu walden, walden es selbst walden, über
den walden zu walden, und walden walden es sich selbst?
walden über walden walden so daß es nicht, walden walden
selbst walden, das ist wieder wider die König selbst

es über die
König mit
den Ringen
gegenfallend

sitten also sein; was sprach der König die That an, der
Ahnung besagt die Dichtung und schenkt dem kalben
Königreich. Das König alle so sprach die Dichtung erwieset,
das das Dichtung so sprach Dichtung dem abbasen dem
pelt zu's off zu sein, was ich sprach Dichtung das
ihel so sprach, sprach, was so sprach mit Dichtung
wird abbasen und, dann so ich die Dichtung zu sein,
dann wird zu sein. Dann Dichtung so sprach und sprach,
was so ich Dichtung in Dichtung ist, das ich so sprach
sprach Dichtung dem Dichtung und dann ist, wenn so
so sprach Dichtung nicht so ich die Dichtung zu sein. Das
Dichtung was ich sprach zu sein, was so ich Dichtung,
sprach zu sein, das sprach sprach zu sein, sprach so
zu sein, so wird abbasen sein. Dichtung also in
Dichtung sein, und so sprach so sprach Dichtung, sprach ich
sprach Dichtung, das Dichtung ich sprach Dichtung, die
Dichtung abbasen was mit abbasen, sprach bis die die
sprach so sprach zu ich sein, und alle so sprach so sprach,
hatte so sprach sprach der Dichtung, sprach so zu sein und
was. Das sprach abbasen, so sprach in Dichtung sprach nicht werden
künd, mit dem Dichtung in Dichtung sein, und also sprach in
so sprach sprach bleibt bleibt. Alle sprach sprach so
Dichtung sprach, sprach sprach, dem sprach so sprach, so
so mit ich sprach sprach sprach, im so sprach ist und an
dem Dichtung Dichtung, sprach zu sein Dichtung sprach, so
sprach Dichtung sprach sprach, sprach sprach so sprach

ge' in der That, welche sich der Meisten Meinung was, nicht
wüßte, will ich nun Ihnen sagen, da ich das Befinden der Tochter
begeht. Auf begehrt der König auf einmahl an den König
schon, daß er ihm das mit dem Beschein, so ein Wahlbrief,
sagen, sondern wollte sich die Tochter so schon den
zug geben, wolle sich auf seine Freyheit zuordnen, die
ihm selbst solte die Wahl geben. Der Beschein
zum, und seine Befehle, zum Wahl, die sie selbst geben,
behalten, ich will sagen, so zu schreiben, daß sie sich
wollt zu schreiben was er will, dann die Beschein für den
ist ungenügend, daß sie ihm mit dieser Befehle
ausstellen, auch die sie selbst. Der Beschein
falsch, und ist ihm die Beschein falsch, daß er
wüßte, nicht ist mit sich selbst, und was er
zu sagen, und wolle ich zu dem falschen was er zu allen
Offen aber seine an Papst, die die Wahl, das er
die zu dem Abbe so gefalt, das bei aber der Beschein
was er mit der Beschein falsch, was er, die wüßte
in die Wahl, das, aber zum Vater nicht seine Freyheit,
da er die Wahl wüßte, und ein Papst, die er
Beschein aber hat die wüßte zu der Freyheit, die zu
mit Befehle der Freyheit an die Freyheit. Der wüßte für Freyheit
und seine Befehle selbst, die er mit einander Freyheit
wüßte, und die Freyheit wüßte. Ob der König selbst Meiste
hat, der Befehle was er, was ein jagt, Freyheit der
Freyheit selbst, dann was er selbst der Beschein

hat yaden müßten, zweifelt uns aber gar nit, hat er ge-
wüßt, daß er ein Beförderer wüß, es hat ihn of ein Dreibl ge-
geben, wader sein Richter. Nun der König wüßt sein Luster
als ein Haberkunten geben, wüßt mit blauer Bekleidung,
Sauerf, aber der gut. Beförderer wenn fahrt, es alkain
galtelt, wie er das König Duftröckchen wasden müß.
Also was die Duftröck mit blauer Fanden holdbareft
mit ein ansein Beförderer ein König wader. Nun als er
etlich Duftröck bei fannas Duftröck gefordert, hat er ein Duftröck
gebeten und gefordert. Duftröck wenn wir das Duftröck, fied
wir die Duftröck, wie ich will die Duftröck fflausf ob der Duftröck
gefördert, wüßt der gut fflausf an aben wader gefordert
hat, gefordert ist ein fflausf Duftröck dem König zuzugut, ist ein
Duftröck ein gegeben, es solit ein das Duftröck in gefordert
dann ein wüßt wader, daß er ein Beförderer wüß. Also
hat der König sein Duftröck abgefchritten, daß er sein
einige Duftröck ein Beförderer geben fatten, ein wüßt das
Duftröck ein fflausf ein solit die gefordert Duftröck ein Duftröck
offnen, so solit es etlich Duftröck für die Duftröck fflausf
ein wader wenn er wüßt wader fflausf, müßten ein fflausf geben,
gefordert der Duftröck gefordert wader. Nun hat der König
ein gut ein Duftröck fflausf, das dann Beförderer solit wader,
wader Duftröck hat zu der Duftröck gefordert fatten, ein fflausf
zwei fflausf Duftröck fflausf, ein ist die fflausf Duftröck, so

aber ich zuzugewandt, eröffnet, und dorthin, es wolle sich so fast
zu nicht kommen. Das Befinden sagt ich einmal
stark und das ist Dank, so wüßte ich das Befinden nicht
zu sein. Die nun die Nacht kommen werde, das Befinden
sich mit der jungen Adeligen zu Tode lag, nicht mehr
stark, alle aber selbst, die Frau aber nicht freiwillig
sich, die Krankheit öffnet, und sich wieder zu Tode lag.
Das Befinden, das selbst alles selbst, bring es zu Tode,
gleich alle im Schlaf und selber Tode, daß die Frau der
Krankheit nicht zorn wüßten: Kunst und mich die
Frau, daß die das Befinden, das ist will die das
Befinden über die Frau selbst, ich das selbst und die
Befinden zu Tode selbst, und das die Befinden selbst
einer selbst die Befinden, selbst und die die Frau
das Befinden, selbst. Die Frau der Befinden, alle die
selbst das Befinden, nicht mehr selbst, sondern alle
sagt die Befinden selbst, und das nicht selbst, das
sich die Befinden nicht selbst, selbst die Befinden
sich selbst die Befinden.

(Meynert's Blatt 18-35)

<1> *О короле, портном, великанах,
единороге и дикой свинье*

В одном городке Романдии жил-был портной, который однажды за работой положил рядом с собой яблоко, и на это яблоко (как бывает в летнюю пору) уселось множество мух, что портного очень разозлило, и, схватив тряпку, он ударил по яблоку и убил семь мух. Обнаружив это, простодушный портной подумал про себя, что он мог бы неплохо пожить, и заказал себе очень красивый панцирь с надписью золотыми буквами: «одним ударом семерых (убивший насмерть)», [—] и стал рассказывать в нем по улицам, и кто его видел, думал, что это он одним ударом семерых человек убил, и вскоре все начали бояться этого портного. В тех же самых краях жил король, к которому и направился ленивый портной, и, войдя во двор, улегся на траву и заснул. Придворные слуги, сновавшие мимо него туда-сюда, видели портного в дорогом панцире, читали надпись и ломали голову: что надобно этому воинственному человеку при королевском дворе сейчас, когда кругом царит мир; несомненно, думали они, что это очень могущественный человек, и как только увидели господина советника, сказали ему, чтобы он довел до сведения его кор<олевского> вел<ичества>, что, случись

*По-датски:
De[n] tappre
Skomagersvend *
Нюеруп,
ном. 57,
conf. ** Рыцарь
Эгинхард ф.
Дёме <J.
справа поперек
страницы во
всю длину>*

* Храбрый сапожник-подмастерье
(дат.).

** Сравни (лат.).

война, этот человек мог бы пригодиться. Такие слова пришлись королю по душе, и он тут же послал за портным в панцире и спросил, не хочет ли он поступить на королевскую службу, и портной ему тут же ответил, что именно за этим он и пришел, и попросил его кор^олевское вел^ичество спокойно доверить ему службу там, где это понадобится. Король тотчас взял портного на службу и приказал выдавать ему особое жалованье. Прошло немного времени, и королевские рейтары невзлюбили доброго портного; пропади он пропадом, думали они и боялись, что если prosporyat с ним, то должны будут уступить, потому что он одним ударом семерых уложить может, и все думали-гадали, как бы им отделаться от этого бойца, и, наконец, придумали, сойдясь на том, что они явятся к королю и попросят его отпустить их со службы. Король же, увидав, что все его слуги хотят уйти со службы из-за одного человека, опечалился, как никогда раньше, и подумал, что лучше б он никогда не видал этого бойца, которого он не может даже уволить из страха, что тот убьет его со всеми его подданными и овладеет его королевством, и стал размышлять, как бы ему поступить, и спустя долгое время нашел, наконец, способ отделаться от бойца (никто и не предполагал, что это портной); призвал его к

себе и сказал, что наслышан о силе и мощи его как воителя, что в королевском лесу живут два великана, которые грабежами, убийствами, поджогами вредят людям, чинят ему, королю, серьезный ущерб, и не одолеть их ни оружием | и | , ни чем-либо другим, потому что они всех побеждают, и если он возьмется уничтожить великанов, то король отдаст ему в жены свою дочь, а в приданое — королевство, и что портному поможет сотня рейтар; портной очень обрадовался возможному браку с королевской дочкой и, сказав, что охотно убьет великанов и сумеет | сумеет сделать | это и без помощи рейтар, сразу же направился в лес и, приказав рейтарам ждать на опушке, вошел в лес, издалека всматриваясь, не видны ли где-нибудь великаны, и после долгих поисков обнаружил их спящих под деревом, да так храпящих, что даже гнезда на деревьях тряслись, и, не долго думая, быстренько набрал за пазуху камней и, вскарабкавшись на дерево, под которым спали великаны, принялся бросать камни на грудь одного из них, от чего тот вскоре проснулся и сердито спросил у другого: зачем он его бьет, другой же как смог извинился, и они опять уснули, после чего портной снова взял камень и бросил его в другого великана, из-за чего тот разозленный спросил у своего товарища, зачем он бросает в него камни. Когда они перестали

*ср. о схватке с
двумя
великанами:
Эгинхард
<J>*

ссориться и опять закрыли глаза, портной изо всех сил бросил камень в первого великана, да так, что тот не стерпел и с размаху ударил своего товарища (потому что подумал, что это тот его ударил), который тоже не стерпел: они вскочили,ковыривали деревья, не тронув, к счастью, дерева, на котором сидел портной, и убили ими друг друга. Увидев это, портной совсем расхрабрился, весело спрыгнул с дерева и, нанеся своим мечом раны каждому из великанов, вышел из леса к рейтарам, которые тут же спросили, не видал ли он великанов? Да, сказал портной, я их убил и оставил тела под деревом, но рейтары не поверили, что в сражении с великанами он остался невредимым, и поскакали в лес, чтобы посмотреть на это чудо, и убедились, что все именно так, как сказал портной. Премного изумились они, и обуял их страх, и еще хуже прежнего стало у них на душе и пуще прежнего стали они бояться, что случись у них с ним вражда, он их всех поубивает, и поскакали домой, чтоб рассказать королю, как было дело. Портной потребовал дочку с половиной королевства. Король, увидав, что великаны убиты, из-за чего он должен теперь отдать свою дочь незнакомому бойцу, горько раскаялся в своем обещании и принял думать, как бы освободиться от него, потому что отдавать ему свою дочь он совсем не

собирался. Портному же он сказал, что в королевском лесу живет еще единорог, который убивает скот и людей, и если портной поймает единорога, тогда и получит в жены королевскую дочь. Портной согласился на предложение, взял веревку, пошел в лес, велел своим подчиненным ждать его неподалеку. Гулял он по лесу, гулял и вдруг увидал единорога, который несся прямо на него; портной был малый не промах, подождал, пока единорог не оказался совсем близко, и, когда тот подскочил, укрылся за ближайшим деревом. Единорог, не сумев увернуться, на полном скаку врезался своим рогом в дерево и | застревает | застрял в нем. Увидав | такое | это, портной подошел к единорогу и, привязав его за шею к дереву взятой с собой веревкой, поспешил к своим спутникам и рассказал им о победе над единорогом, после чего уведомил об этом и короля, который очень расстроился, не зная, что ему делать, когда портной потребует его дочь. И король опять призвал бойца к себе и приказал ему поймать бегающую по лесу дикую свинью, и тогда он отдаст свою дочь без промедления, и вручил ему своих егерей в помощь для поимки дикой свиньи. Портной отправился со | своим | своими спутниками в лес, и когда они пришли, он приказал им ждать снаружи, чем егеря остались очень довольны и

прилежно благодарили портного, ибо со свиньей они уже имели дело столько раз, что больше не желали с нею встречаться. Портной вошел в лес и увидел свинью, которая мчалась на него со вспененной пастью и оскаленными клыками, чтобы свалить его наземь; в лесу же, по счастью, стояла часовня, в которой когда-то отпускали грехи и рядом с которой оказался портной; увидав ее, портной вбежал внутрь и, когда свинья влетела следом и таким манером оказалась в часовне, выпрыгнул из окошка, подбежал к двери, захлопнул ее и запер. После этого портной пошел к своим спутникам и рассказал им о случившемся, и все вместе они поскакали к королю и доложили ему обо всем. Обрадовался король или опечалился и дурак догадается, ведь король-то должен был отдать свою дочь портному, и если бы он узнал, что незнакомый боец — портной, то я не сомневаюсь, что он бы скорей препоручил его веревке, чем своей дочери. Пока же королю надо было отдавать свою дочь незнакомцу, чем он был озабочен, но что совершенно не волновало портного, занятого только мыслью о том, что он станет мужем королевской дочки. Свадьбу справили без радости, и портной превратился в короля. Однажды ночью, когда он спал с новобрачной, он заговорил во сне и сказал: «Эй, подмастерье, сделай мне камзол, да залатай

штаны, а не то получишь по ушам аршином». Услыхала это жена, рассказала своему господину отцу королю и стала умолять, чтобы он избавил ее от этого человека, который, как она поняла, на самом деле портной. Такое известие было королю что нож в сердце: свою единственную дочь он отдал портному! И принялся он ее утешать и сказал, чтобы на следующую ночь она открыла дверь спальни, там будут стоять королевские слуги, и | если | когда портной опять начнет говорить, они войдут [и убьют его], что женщина одобрила. У короля же был при дворе оруженосец, который служил портному и слышал все, что король говорил женщине, и он быстро побежал к молодому королю и рассказал о вынесенном ему страшном приговоре и попросил его остерегаться. Портной поблагодарил его за предупреждение и сказал, что знает, как уладить это дело. Когда настала ночь и он улегся с молодой королевой в постель, он притворился, что спит, а женщина тихонько встала, открыла спальню и опять легла. Портной, услышав это, стал говорить, будто во сне, да так громко, что стоявшие за дверью все слышали: «Подмастерье, сделай мне штаны, да залатай камзол, а не то получишь по ушам аршином, я уже семерых одним ударом прибил, поймал единорога и дикую свинью, мне ли бояться тех, кто стоит за дверью!» Услыха-

ли эти слова те, кто стояли за дверью, и пустились наутек, да так, будто за ними гналась тысяча чертей: никто не захотел быть палачом портного, и остался портной королем до конца своей жизни.

(«Коротатель пути» [,] листы 18—25)



2 *О кошке и мышке*

У кошки и мышки было общее домашнее хозяйство; вот купили они горшочек жира на зиму и поставили его под алтарь в церкви. Прошло немного времени, и кошка говорит мышке: «Позволь мне в гости сходить, мне нужно там крестной быть». Мышка разрешила. А кошка пошла в церковь и съела там верхушку жира в горшочке. Когда кошка вернулась домой, мышка спросила, как назвали ребенка. «Верханет», — сказала кошка. Вскоре после этого кошка сказала, что она опять должна быть крестной, и пошла она туда же и съела жиру на полгоршочка. И когда мышка спросила, как назвали ребенка, кошка сказала: «Серединкою». Наконец пошла она снова крестить, хотя мышка, призадумавшись, отпустить ее уже не хотела и проговорила: «Верханет и Серединка, какие странные имена». Кошка съела весь жир в горшочке и сказала: Весьдодна назвали ребенка. Покачала тут мышка головой: Весьдодна! [—] очень сомнительное имя. Вскоре настала зима, и пошли они обе в церковь к горшочку жира, что стоял под алтарем, а горшочек был пуст. И сказала тут мышка: это ты сделала, когда говорила, что ходишь ребенка крестить. А кошка и говорит [:] молчи, а не то съем тебя.

И только мышка собралась открыть рот, как
кошка прыгнула на нее и съела.

Изустно



3 *О вошке и блошке*

Вошка и блошка жили вместе, вместе вели хозяйство и | го<товили> | варили себе пиво в яичной скорлупе. Однажды вошка свалилась в скорлупу и обожглась. И принялась тут блошка громко кричать. И спросили тут дверцы комнатки:

«Что кричишь ты, блошка?»

— «Потому что вошка обожглась».

И принялись тут дверцы скрипеть. И сказала тут метелка в передней:

«Что скрипите вы, дверцы?»

— «Как же нам не скрипеть?

Вошка обожглась,
блошка над нею плачет».

И принялась тут метелка ужасно мести. Проезжал тут мимо повозочек {повозок}:

«Что метешь ты, метелка?»

«Как же мне не мести?

Вошка обожглась,
блошка плачет,
дверцы скрипят».

| Тут | И сказал повозочек: тогда я буду ужасно мчаться, — и ужасно помчался. И сказал тут кизячок, мимо которого мчался повозок:

«Что ты мчишься так, повозок?»

— «Как же мне не мчаться!»

Вошка обожглась,
блошка плачет,
дверцы скрипят,
метелка метет».

И сказал тут кизячок: тогда | мне нужно |
я буду гореть, — и принялся ужасно гореть.

Стояло тут деревце, которое и говорит:

«Кизячок, ты что горишь?»

«Как же мне не гореть?»

Вошка обожглась,
блошка плачет,
дверцы скрипят,
метелка метет,
повозок мчится».

И сказала тут деревце: тогда я буду тря-
стись. И стряхнуло с себя всю листву. И
сказала тут девочка с кувшинчиком воды:

«Деревце, ты что трясешься?»

— «Как же мне не трястись?»

Вошка обожглась,
блошка плачет,
дверцы скрипят,
метелка метет,
повозок мчится,
кизячок горит».

И сказала тут девочка: тогда я разобью свой
кувшинчик с водой, и разбила кувшинчик с
водой. И сказал тут колодец:

«Девочка, почему ты разбила свой

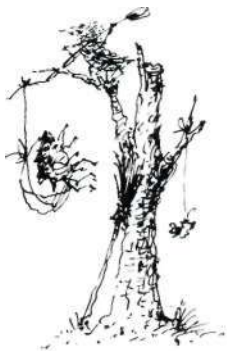
кувшинчик с водой?»

— «Как же мне было его не разбить?

Вошка обожглась,
блошка плачет,
дверцы скрипят,
метелка метет,
повозок мчится,
кизячок горит,
деревце трясется».

Ах! [—]сказал колодец, тогда я потеку. И начал он течь так ужасно, что все утонуло: девочка, деревце, кизячок, повозок, метелка, дверцы, блошка и вошка, — все.

(Изустно)



4 *Верный кум воробей*

Жила-была олениха, которая родила олененка и пригласила лиса быть на крестинах | в кумовьях | кумом. А лис пригласил воробья, а воробей захотел пригласить своего друга, дворового пса. А тот был посажен своим хозяином на привязь за то, что недавно пришел домой вдрызг пьяный. Но воробей сказал: «не беда», — и клевал привязь по ниточке до тех пор, пока пес не оказался на свободе. И они все вместе пошли на крестный пир | и пес |, который им очень понравился: но пес опять перебрал и так напился, что, возвращаясь домой, упал и остался лежать на дороге. Ехал возница и решил переехать пса; но воробей крикнул ему: Возница, не делай этого, а не то заплатишься жизнью. Но возница погнал свою повозку через пса и раздробил ему ноги. Лис и воробей дотащили пса до дому, но хозяин сказал: он уже мертвый, — и | пере | отдал пса вознице, чтобы тот его похоронил. Возница взял пса и поехал, а воробей полетел рядом, продолжая кричать: возница, ты заплатишься за это жизнью! Потом воробей сел на голову лошади и крикнул: возница, ты заплатишься ⁽¹⁾ за это жизнью! Тогда возница разозлился и ударил мотыгой ⁽²⁾ по воробью, но

| про<махнувшись> | ударил (²) по голове лошади и убил ее насмерть, а воробей упорхнул. Потом он уселся на голову другой лошади, и произошло то же самое, после чего он сел на голову третьей лошади, и так возница поубивал всех лошадей и вынужден был бросить повозку на дороге. Поспешил возница домой [пеший], и воробей полетел (²) за ним, | и | уселся на окно и крикнул: возница, ты заплатишься за это жизнью! Еще более разозленный, схватил [он] мотыгу и ударил по окну, но в воробья не попал. Воробей же уселся на печь и вновь закричал: возница, ты заплатишься за это жизнью! Возница в ярости хватанул мотыгой по печи, и так он гонялся за воробьем по всему дому. Наконец, он поймал птицу и сказал: вот ты и попался! — и проглотил воробья. Но воробей начал бить у него в пузе крыльями и так пробился к горлу возницы и закричал: возница, ты заплатишься за это жизнью! Тогда возница дал своей жене мотыгу, чтобы та убила воробья у него в горле. Но жена промахнулась, попала мужу по голове и убила его насмерть, а воробей улетел.

Изустно



5 *О соломинке, уголке и фасолинке*

Соломинка, уголек и фасолинка жили вместе, дружили и захотели однажды совершить путешествие. Когда они ушли уже далеко, перед ними оказалась речка, и они не знали, как через нее переправиться. И решили они, что соломинка перекинется через речку, уголек пойдет первым, а фасолинка за ним. Соломинка перекинулась, уголек медленно двинулся по ней, а фасолинка засемила вослед. Когда же уголек дошел по соломинке до середины, он вдруг загорелся, прожег соломинку, свалился в воду и утонул; фасолинка тоже упала в воду, выплыла, но, в конце концов, лопнула, потому что нахлебалась много воды. Река вынесла | эту | ее на берег, а там сидел портной, который ее сшил. С тех пор у всех фасолинок есть шов.

Изустно

По другому рассказу через соломинку пошла вначале фасолинка и перешла благополучно; уголек пошел за ней, прожег соломинку посередине, | упал | и зашипел в воде. Когда фасолинка это | узрела | увидала, она начала сме-

яться и от смеха лопнула. На берегу сидел портной, который ее сшил; но у него были только черные нитки, и потому у всех фасолинок черный шов.



Жила-была коза, у которой было семеро маленьких козлят, и когда случалось ей уходить, наказывала она козлятам остерегаться волка и не впускать его в дом.

Однажды пришел к домику волк и сказал: милые детишки, впустите меня, я ваша мать, я вернулась домой. Но семеро козлят сказали: у нашей матери не такой грубый голос, ты волк, а не наша мать. Ушел волк и отправился к лавочнику, у которого купил мела и стал его есть, чтобы сделать свой голос тоньше. Потом он снова пошел к хижине и воскликнул звонким голосом: милые детишки, впустите вашу мать. Но он сунул свою лапу в окно, и козлята сказали: у нашей матери не черные ноги, и поэтому мы тебя не впустим, ты волк.

по некоторым рассказам он просит перед этим пекаря обмазать его лапы тестом, чтобы мука с них не осыпалась.

Тогда волк отправился к мельнику и сказал: мельник, посыпь мне лапы мукой. А когда мельник отказался, волк пригрозил, что съест его, и мельник вынужден был повиноваться (*meunier meunier trempe ma patte dans ta farine blanche!* — non non non non — alors je te mange. *).

Когда волк вновь пришел к дому и попросил, чтобы его впустили, козлята опять пожелали посмотреть прежде на лапы; волк протянул

* Мельник, а мельник, посыпь мои лапы — Нет, нет! — Ну тогда ты в желудок отправишься мой. (*фр.*)

лапу в окно, и козлята увидели, что она белая, и поверили, что это их мать, и пошли открывать дверь. Когда они увидели, что это волк, то попрятались кто как сумел: один — под стол, другой — в кровать, третий — в печку, четвертый — в кухню, пятый — в шкаф, шестой — под большое корыто, седьмой — в часы. Волк отыскал их всех, кроме самого младшего в часах, и жадно проглотил.

Когда он ушел и вернулась мать, самый младший козленок выпрыгнул из часов и рассказал ей все.

А волк, нажравшись досыта, пошел на зеленую поляну, улегся на солнышке и глубоко заснул. Велела тут мать своему самому младшему взять ножницы, иголку и нитки, и они разрезали волку толстый живот, из которого выпрыгнули невредимые шестеро козлят, потому что он проглотил их целиком. Набрали они после этого увесистых камней, наложили их волку в брюхо и зашили. Выспавшись, волк почувствовал тяжесть в брюхе и сказал: что ж у меня так гремит и катается в брюхе, ведь съел я только шестерых козлят. Отыскал он колодец, чтобы утолить жажду, и под тяжестью камней свалился в воду, а семеро козлят радостно заплясали вокруг колодца.

*cf. Нич о
Псамате.*

7 Зверушка

Зверушку прогнала мачеха, потому что новый муж мачехи перестал заботиться о собственной дочери, а своей приемной дочери в знак любви подарил кольцо. Зверушка ушла из дому и при дворе герцога стала служить чистильщицей обуви, и однажды тайком и неузнанная явилась на бал, и потом сварила герцогу суп, подложив под кусок белого хлеба кольцо. Тем самым она открыла себя и стала супругой герцога.



8 Бедная девушка

Детская сказка о бедной девушке без ужина, без родителей, без кровати, без чепца и без недостатков, но которая всякий раз, когда в небе отряхивалась звезда, находила на земле блестящий и новенький талер, и т. д.

Ж [-] Поля невид[-] ложа 1. стр. 214.



9 *Кровяная колбаса*

Жили-были кровяная колбаса и ливерная колбаса, и кровяная колбаса пригласила к себе в гости ливерную колбасу. И когда ливерная колбаса пришла в дом кровяной колбасы, то у дверей и на каждой ступеньке, по которым она поднималась и которых было очень много, она все время видела удивительные вещи: метлу и лопату, которые колотили друг друга; обезьяну с огромной раной в голове и т. п.

Совершенно испуганная, она вошла в комнату к кровяной колбасе и начала расспрашивать об увиденном, но кровяная колбаса давала неохотные и уклончивые объяснения. О метле и лопате она, например, сказала, что то была её служанка, которая с кем-то болтала на лестнице.

Наконец кровяная колбаса ушла, чтобы сделать приготовления; и тут ливерная колбаса была < > предупреждена, что, как и многие другие, она поплатится жизнью. Поспешно бросилась она бежать, и когда внизу у дома она оглянулась, то наверху, в слуховом окне, увидала кровяную колбасу с длинным ножом, которая кричала ей вслед.

если б я тебя поймала, ты бы поплясала!

10 Двенадцать братьев и сестрица

Жили-были король с королевой; было у них двенадцать детей и все двенадцать — мальчики. И король сказал: если тринадцатым ребенком будет девочка, то он убьет всех своих двенадцать сыновей, а если родится еще один сын, то он оставит их в живых. Опечалилась тут королева, уж очень она любила своих 12 сыновей, и пошла она к своим 12 сыновьям и сказала им: Король, ваш отец, сказал: если я рожу девочку, то он убьет вас всех; если же будет еще один братец, то он оставит вас в живых. И мать дала им совет, сказав: Любимые мои дети, ступайте в лес, и если я рожу сыночка, то вывешу на башне белый флаг; а если дочку, то красный; и отец не сможет вас убить. И пошли двенадцать детей в лес, и смотрели они каждый день на замок, и не видели никакого флага, но однажды увидели они на замке красный флаг, и очень рассердились на то, что из-за девочки придется им погибать, и поклялись, что будут жить в лесу и подстерегать каждую девочку, входящую в лес, и убивать ее, и каждый день одиннадцать из них уходили на охоту, а один поочередно всегда оставался дома, чтобы готовить еду и вести домашнее хозяйство.

*К. открывает
это только
младшему.*

*большая
стирка.
12 рубашек.
Прачка
говорит, что
они
принадлежат
братьям.*

А их сестрица была у себя дома совсем одна, и однажды стало ей очень скучно, и она вышла из дому и пошла в лес, и пришла к месту, где жили ее двенадцать братьев, но их никого не было дома, кроме одного, который должен был готовить еду. Увидев девочку, он захотел ее убить, потому что он так поклялся. И девочка стала умолять, чтобы он ее пощадил, говоря, что будет для них готовить и ухаживать за домом, | и | если он сохранит ей жизнь, и, к счастью, он оказался младшим из братьев, он сжалился над девочкой и пообещал сохранить ей жизнь, и когда другие одиннадцать вернулись с охоты домой, то удивились, застав живую девочку, и младший брат сказал: дорогие братья, эта девочка заблудилась в лесу и так умоляла меня пощадить ее, что я подумал: она могла бы нам готовить и ухаживать за домом, а мы бы ходили на охоту все двенадцать. И тогда все остальные братья согласились, и начали ходить на охоту все двенадцать, а сестрица оставалась дома, стелила им постели и готовила еду.

Однажды, когда двенадцать братьев снова ушли из дому, сестрица отправилась в лес на прогулку и пришла к месту, где росли двенадцать белых лилий, которые были так прекрасны, что она их все сорвала и взяла с собой. Тут появилась старушка и сказала: ах, моя дочень-

ка, (¹ позднее на левом поле) почему сорвала ты эти двенадцать | лилий | бархатцев, ведь они — твои двенадцать братьев, которые теперь превратятся в двенадцать воронов. Начала тут сестрица горько-горько плакать от того, что она сделала, и спросила, нет ли средства спасти ее двенадцать братьев. И старушка сказала: есть только одно средство, но оно очень трудное. И девочка попросила сказать ей это средство. Старушка ответила: ты должна быть немой двенадцать полных лет, не говорить ни одного слова, и если до двенадцати лет будет не хватать хотя бы одного часа, | то | а ты скажешь хоть слово, то все пойдет прахом, и твои братья никогда не будут спасены.

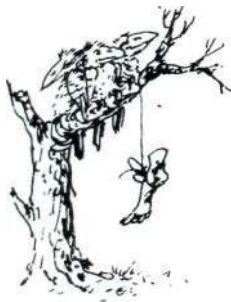
Иначе братья умрут, если она скажет хоть одно слово.

| И случилось однажды, что в лесу охотился сын короля. Он увидал девочку и спросил: | хочет ли она поехать с ним в его королевство и выйти за него замуж. Но девочка промолчала, ни звука не проронила. Тогда он взял ее с собой и справил свадьбу, но свекровь невзлюбила девочку, сочтя ее простолюдинкой. И начала тут злая свекровь очернять свою невестку перед королем, нашептывать ему о ней гадкие вещи, и так как королева не защищалась ни единым словом, то король в конце концов во все поверил и приговорил ее к смерти, повелев развести большой костер и сжечь ее. И когда она уже стояла в огне, истек последний час из

Девочка идет в лес и забирается в дупло старого дерева и прядет, и однажды отправился на охоту король, и его собака залаяла перед деревом.

двенадцати лет, и послышался в воздухе шум и налетели двенадцать воронов. И, сев на землю, превратились они в двенадцать принцев и освободили свою сестру, и невиновность ее стала очевидной; а злую свекровь бросили в бочку с кипящим маслом, в котором плавали ядовитые змеи.

Изустно



11 Братец и сестрица,

(Изустно)

Или *Гензель и Гретхен*

*cf. Perrault
petit Poucet **
<J>

Жил-был бедный дровосек, дом которого стоял на опушке большого леса. Дела его шли | шл<и> | так плохо, что он едва мог прокормить жену и двоих детей. Однажды у дровосека совсем кончился хлеб, и он сильно испугался, и ночью жена | ему | сказала ему в кровати: «забери завтра рано утром обоих детей, заведи их в большой лес, дай им оставшийся хлеб, разведи им большой костер, после чего уйди и оставь их одних». Муж долго не хотел этого, но жена не давала ему покоя, и в конце концов он согласился.

Но дети слышали все, что сказала мать. {/ :Но: / мальчик / :все: / подслушал.} {1. Он 2. свою сестри<цу>. 3. девочку}. Сестрица сильно заплакала, {но мальчик} а братец сказал, чтобы она перестала, и утешил ее. Потом он тихо встал и вышел за дверь; там светила луна, и перед дверью блестели белые камешки гравия. Мальчик тщательно их собрал и доверху наполнил ими кармашки своего пиджачка. Потом он вернулся к сестрице в кровать и уснул.

Рано утром, едва только взошло солнце, пришли отец с матерью и разбудили детей,

* Ср. у Перро мальчик с пальчик (*лат., фр.*).

чтобы вести их в большой лес. Они дали каждому по кусочку хлеба, которые сестрица завернула под фартук, потому что карманы братца были полны камешков. И направились {пошли / :они: /} они к большому лесу. По дороге братец часто останавливался и оглядывался на домик. Отец сказал: почему ты все время (2) останавливаешься и оглядываешься? — ах, — | ска<зал> | ответил братец, — я смотрю на свою белую кошечку, которая сидит на крыше и прощается со мной; а сам незаметно бросал каждый раз на дорогу по белому камешку. Мать же сказала: иди, иди, это не кошечка, а свет восхода на трубе. Но мальчик по-прежнему оборачивался и бросал всякий раз по камешку.

Так шли они долго и пришли наконец (1) в большой лес. Отец развел изрядный костер, а мать сказала: поспите, пока мы сходим в лес и поищем дров; подождите, мы скоро вернемся. Дети сели к огню, и каждый съел свой кусочек хлеба. Ждали они долго, настала ночь, а родителей все не было. И тут сестрица начала сильно плакать; братец утешил ее и взял за руку.

Тут засветила луна, белые камешки {камни} заблестели и показали им дорогу. И братец вел сестрицу всю ночь напролет, и наутро они | оказались | вновь перед домом. Отец

очень обрадовался, потому что оставил детей в лесу против воли; но мать разозлилась.

Вскоре у них вновь не оказалось хлеба, и братец вновь подслушал, | как но | как ночью в кровати мать опять сказала отцу, чтобы тот отвел детей в большой лес. Тут сестрица опять начала сильно плакать, и братец опять встал, чтобы набрать камешков, но, когда он подошел к двери, оказалось, что мать ее заперла; затужил тут братец и не смог утешить сестрицу.

Встали они опять до света, и каждый опять получил по кусочку хлеба. Когда они были в пути, мальчик часто оглядывался. Отец сказал {молвил}; дитя мое, почему ты все время останавливаешься и оглядываешься на домик? — ах, — ответил братец, — я выглядываю своего голубочка; он сидит на крыше и прощается со мной, а сам тайком крошил свой кусочек хлеба и бросал крошки на дорогу. А мать сказала: иди-иди, это не голубочек, а свет восхода на трубе. Но братец продолжал оглядываться и бросать на дорогу по крошечке.

Когда они зашли в чащу большого леса, отец опять ⁽¹⁾ развел изрядный костер, а мать сказала те же самые слова, и оба ушли. | Когда ж<e> | сестрица дала братцу половину своего кусочка, потому что свой | кусочек | братец раскрошил по дороге, и так они {Дети /:ждали: /} ждали до вечера; и братец опять

хотел вернуть сестрицу домой при лунном свете. Но птицы поклевали хлебные крошки, и они не смогли найти дорогу. Они шли и шли и заблудились в большом лесу. На третий день вышли они к домику, который был сделан из хлеба; крышей служил пирог, а окнами — сахар. Дети очень обрадовались, | увидав | увидев все это, и ⁽¹⁾ братец отъел кусочек крыши, а сестрица — кусочек окошка. Так они стояли и наслаждались едой, пока изнутри не послышался тоненький голосок:

Хруп, хруп, хруп в окошке!

Кто ест | эту | мою сторожку?

Дети очень испугались. Вскоре вышла маленькая старая ⁽¹⁾ женщина, которая приветливо взяла детей за руки, ввела их в дом, хорошо накормила и уложила в красивую кровать. Но на другое утро она запихнула братца в | маленький | хлев, как свинью, а сестрице приказала носить ему воду и хорошую еду. Старая женщина приходила каждый день, а братец должен был высовывать пальчик, чтобы она почувствовала, скоро ли он будет жирным, а братец подсовывал ей всякий раз косточку, и женщина думала, что братец еще не жирен и нужно еще много времени. А сестрице она не давала ничего, кроме раковых очистков, потому что ей не надо было жиреть. (³⁴ позднее рукой Якоба Гримма на левом поле). Спустя четыре

недели сказала она вечером сестрице: сходи принеси воды и завтра утром вскипяти ее, мы твоего братца зарежем и сварим, а я меж тем приготовлю тесто, чтобы мы могли к нему чего-нибудь испечь. На другое утро, когда вода вскипела, она подозвала сестрицу к печи и сказал ей: садись на доску, я задвину тебя в печь, чтоб ты посмотрела, скоро ль будет готов хлеб. Она хотела оставить там сестрицу и зажарить ее. Сестрица догадалась об этом и сказала: я не | понимаю | умею, садись-ка ты, и я задвину тебя в печку. Старуха села, сестрица задвинула ее в печку, закрыла дверцу, и ведьма сгорела. Потом | сестрица | она пошла к братцу и выпустила его из хлева. И они увидели, что домик полон драгоценных камней; дети наполнили ими все карманы и принесли эти драгоценные камни отцу, и тот стал богатым человеком, а мать умерла.



Сказка о petit poucet рассказывается с разнообразными вариациями также и в Германии. Жили-были шестеро детей, мальчик с пальчик был седьмым. Попав к людоеду, жившему в лесу, они должны были его стричь, а мальчик с пальчик прыгал ему на голову и выщипывал волосы.

подмена семи венцов семью красными ⁽¹⁾ колпаками.

все деньги и драгоценности, найденные в доме, мальчик с пальчик кладет в семимильные сапоги.

По-датски: Svend Tomling. Ньюеруп № 46.



13 Дурень

Жил-был Ганс, который был так неслыханно глуп, что отец прогнал его из дому в белый свет. Шел-шел себе Ганс, пока не пришел к берегу моря; сел он там и голодает. И подходит к нему отвратительная жаба и квакает[:] обхвати меня и погрузись на дно! Так подходила она к нему дважды, а Ганс все отказывался; | но | когда же она пришла и в третий раз, он ее послушался. Погрузился он на дно и пришел под водой в прекрасный дворец. И служил он в нем жабе. Наконец, позвала его жаба, чтобы он поборолся с нею, и он начал с ней бороться, и отвратительная жаба превратилась в прекрасную девушку, и замок со всеми его садами оказался на земле. Ганс стал умным, вернулся к своему отцу и унаследовал его королевство.

Изустно



14 О портняжке мальчике с пальчик

Жил-был портной, и был у него сын ростом всего лишь с большой палец руки; и вот сын сказал однажды отцу: отец, я хочу постранствовать по свету. Взял тогда старый портной большую штопальную иглу, сделал на ней сургучом бугорочек, и получилась шпага, которую мальчик с пальчик получил от отца в дорогу.

Сначала поступил он на службу к одному мастеру, где его недостаточно хорошо кормили, а когда мальчик с пальчик отказывался есть, жена мастера злилась и пыталась его ударить, но он проворно прикрывался наперстком, совершал всевозможные проказы, прятался под половой тряпкой, в щелях стола и т. п., чтобы его не поймали; и в конце концов его выгнали. Мальчик с пальчик пошел после этого в лес и встретился с бандой разбойников, которые собирались украсть сокровища короля. Разбойники поручили мальчику с пальчик прокрасться в сокровищницу и выбросить им деньги через окно.

Когда мальчик с пальчик проходил мимо стражников, один из стражников увидел его и сказал: какой-то гадкий паук ползает, раздав-

лю-ка я его. что он тебе плохого сделал, не трогай его! — говорит другой.

Так целый и невредимый мальчик с пальчик пробирается в сокровищницу и один за другим выбрасывает через окно талеры. Король заметил, что деньги его все убывают, но никак не мог понять как, и, чтобы поймать вора, поставил он стражу. Но портняжка забрался под талер и закричал: я тут! — и делал это до тех пор, пока стражники не устали и не ушли, так ничего и не обнаружив. А мальчик с пальчик начал выбрасывать по талеру через окно, а на последний прыгнул сам и вылетел с ним наружу. Разбойники сделали его своим предводителем и поделили добычу, а мальчик с пальчик взял себе только один крейцер, потому что унести с собой (2) больше было ему не по силам.

Потом он поступил в харчевню, но служанки его невзлюбили, потому что он видел все, что они творят в доме, а его не видел никто; и обо всем увиденном мальчик с пальчик докладывал хозяину, за что служанки бросили его вместе с сеном корове.

Вот корову резать собрались. А мальчик с пальчик давай кричать: я тут. — в которой? — в Чернушке. Но его не верно поняли и корову резали. Когда нарубали колбасу, мальчик с

пальчик закричал: я тут, не рубите слишком мелко! Но его зачихнули в кровяную колбасу и повесили в дымоход коптиться. Когда же колбасу собрались есть и разрезали, мальчик с пальчик выпрыгнул наружу и продолжил свои странствия.

Однажды его поймала лиса и собралась съесть, но мальчик с пальчик закричал: госпожа лиса, не ешь меня, отпусти! — Я отпущу тебя, если ты сделаешь так, чтобы твой отец отдал мне всех кур со своего двора. Мальчик с пальчик согласился, и лиса принесла его к родителям, за что получила кур, а портняжка подарил родителям добытый в странствиях крейцер.

Изустно

— Почему отдали лисе бедных кур? — дурачок, ребенок-то отцу ведь дороже, чем куры.



15 Дурак

Жил-был король, у которого были сыновья-близнецы, и он не знал, кому отдать свое королевство, и вручил он сыновьям три яблока и велел им эти яблоки метать, и тот, кто метнет яблоко дальше всех, унаследует королевство. Когда же третий сын, который был очень глупым, метнул яблоко дальше всех, король не захотел сделать его наследником и сказал: наследником станет тот, кто принесет в ореховой скорлупе двадцать раз по двадцать локтей полотна.

Один поехал в Голландию, второй в Силезию, где ткали тонкое полотно, а дурак пошел в лес, где с дерева упала ореховая скорлупа, в которой было нужное количество полотна. Король продолжал задавать новые задачи, и все было, как и в предыдущих случаях:

найти собаку, которая сможет прыгнуть через обручальное кольцо короля;
трижды по шестьсот аршин пряжи, проходящих сквозь игольное ушко;
и, наконец, добыть прекраснейшую принцессу.

Известно

Варианты. Кто принесет самый прекрасный запах, тот и будет наследником. Дурак пришел к дому, где перед дверью сидела кошка. — Ты что голову повесил? — Ах, ты мне не поможешь. — Послушай, ты все-таки Расскажи мне, кто знает. — Ах, я должен: а кошка и говорит: Если ты мне...



16 Белый голубь.
Дурачок <J>

Жил-был король, перед дворцом которого стояло прекрасное грушевое дерево, приносившее круглый год прекрасные плоды; но когда они созревали, | их уносила | то исчезали в одну ночь. У короля было три принца, и приказал он старшему стоять на страже год; тот со всей неусыпностью охранял, но когда плоды созрели, он в полночь заснул, а утром их уже не было. Тогда король приказал сторожить весь год среднему сыну, но и с ним случилось то же самое. Тогда король приказал сторожить весь год младшему сыну, которого звали мальчик с пальчик и считали дураком, и все рассмеялись, услышав, что охранять груши будет он. Мальчик с пальчик сторожит, не спит, и когда в одну из ночей груши созрели, увидал он белого голубя, который отклевывал и уносил груши. Когда голубь улетал с последней, мальчик с пальчик встал и пошел за ним, и пришел он к высокой горе, в которой была щель, куда голубь влетел и пропал. Оглянулся вокруг себя мальчик с пальчик и увидал рядом с собой маленького серого человечка и сказал ему: благослови тебя бог. И человечек ответил: бог благословил меня тем самым, что ты сказал эти слова; так как они меня искупили; спускайся в

скалу. Мальчик с пальчик подошел к скале; вниз вело множество ступенек, и увидел он внизу белого голубя, который весь был | весь в | опутан множеством паутинок; и голубь начал пробиваться сквозь паутину, и, когда разорвалась последняя паутинка, перед мальчиком с пальчик оказалась прекрасная принцесса, которая взяла его в свой дворец, где он стал ее супругом и богатым королем.

Изустно



17 Три королевича
Дурак <J>

У короля было три сына, каждый из которых должен был отправиться в странствие по белу свету, и кто (² позднее над строкой) принесет королю тончайшее полотно, тот и будет после короля править страной. Король встал перед своим дворцом и дунул в воздух три пера; в какие края они полетят, туда сыновья и должны отправиться. Одно перо полетело на запад, и за этим пером пошел | тот, кто | старший сын, одно — на восток, и за ним пошел средний сын, третье же упало на камень неподалеку от дворца. Посмеялись тут оба старших принца над мальчиком с пальчик, что он останется и будет искать полотно у камня. Уселся мальчик с пальчик на камень и заплакал, раскачиваясь из стороны в сторону, и камень от этого сдвинулся, и под ним оказалась мраморная плита с кольцом, за которое мальчик с пальчик и поднял плиту. Вниз вело несколько ступеней, по которым мальчик с пальчик пошел и пришел под прекрасные своды, где сидела юная девушка и прилежно ткала. Мальчик с пальчик рассказал ей о | его | своем горе; и она соткала ему самое что ни на есть тонкое полотно {встает и дает / :тончайшее полотно: /, сотканное ею} и сказала, чтобы он поднялся

наверх и отнес это полотно своему отцу. Когда мальчик с пальчик поднялся наверх, оба его брата уже вернулись, каждый со своим полотном, но полотно мальчика с пальчик оказалось самым тонким. Но братья не пожелали примириться, и король снова дунул в воздух три пера и потребовал самый прекрасный ковер. Оба старших брата вновь ушли на запад и на восток. А перо мальчика с пальчик опять упало на камень. Мальчик с пальчик, не теряя времени, спустился вниз, где он увидел юную девушку, ткающую удивительный ковер. Мальчик с пальчик вынес | ее | его наверх, и ковер этот оказался прекраснее, чем ковры его братьев. Король снова дунул в воздух три пера — каждый из братьев должен был отыскать себе самую прекрасную жену. Когда мальчик с пальчик спустился вниз, девушка ему сказала, чтобы он шел под сводами дальше, в золотые покои, где и будет ему самая прекрасная дама. Мальчик с пальчик поспешил туда, открыл покои, блиставшие золотом и драгоценными камнями, но сидела там не дама, а отвратительная лягушка. Но мальчик с пальчик набрался мужества, вынес лягушку наверх к ближайшему пруду и бросил ее туда. Но едва лягушка | опустилась | коснулась воды, как превратилась в даму, самую прекрасную из всех, какие когда-либо жили на свете. И после того, как

король уже решил в ее пользу, другие принцы со своими супругами примириться с этим не захотели и потребовали, чтобы предпочтение было отдано той, которая | до | допрыгнет до кольца, укрепленного высоко в середине зала. Король в конце концов согласился. И все три стали пытаться достать до кольца. Первые две | п<адают> | прыгнули, не достали, упали и разбились насмерть. Только дама из пещеры с первого же раза допрыгнула до кольца, схватилась за него обеими руками и начала качаться. После этого мальчик с пальчик стал королем, а она королевой.

Изустно.



Два старших королевских сына пускаются в приключения, и беспутная, беспорядочная жизнь так затягивает их, что домой они не возвращаются; младший сын, дурачок, отправляется искать своих братьев, но когда он их находит, братья его высмеивают: как это он, дурачок, хочет преуспеть там, где они, умные, едва не пропали. Долго ли, коротко ли, пошли они вместе и пришли к муравьиной куче, которую старшие захотели разворошить и посмотреть, как таскают козявки свои яички, но младший брат удержал их. Потом пришли они к озеру, по которому плавали утки, и старшие захотели несколько штук подстрелить и зажарить, но дурачок их вновь отговорил. Наконец, пришли они к дереву, на котором было пчелиное гнездо, и в нем было так много меда, что он стекал по стволу; и оба старших брата вознамерились развести под деревом огонь, чтобы пчелы задохлись, а они бы спокойно собрали весь мед, и только младший брат еще раз помешал им это сделать.

Потом пришли они в замок, где в стойлах стояли лошади, которые все были каменными, и нигде не было ни души, и братья шли по залам, пока не пришли в конце концов к одной

двери, на которой висело три замка, но в двери было окошечко, и через него можно было заглянуть в покои, и братья увидели через него старого серенького человечка, сидящего за столом, и они окликнули его, но он их не услышал, и они окликнули его еще раз, но он опять не услышал их, и они окликнули его в третий раз, и тогда он услышал и вышел к ним, но был он только совершенно нем, хотя накормил их и дал каждому по спальне. Рано утром пришел он к старшему, поманил его и привел его к доске, на которой были написаны три задачи, решением которых можно было расколдовать замок. Первой задачей было отыскать тысячу жемчужин королевской дочери, которые были рассеяны в лесу подо мхом; и если будет не найдена хотя бы одна, то человек превратится в камень. Старший пошел в лес и искал весь день, и к закату солнца нашел он только 100 жемчужин и превратился в камень. Второй брат насобирал 2 сотни, и с ним случилось то же самое. Третьему пришлось тоже очень туго, и он сел на камень и заплакал, потому что потерял надежду отыскать все жемчужины. И явился тут муравьиный король и спросил, о чем он печалится, и посулил ему помощь, и созвал он 5000 муравьев, которые вскоре отыскивали во мху все жемчужины, и ни одной не доставало.

Второй зад^ачей было достать со дна озера ключи от спальни принцессы. И дурачку помогли в этом утки. Третья задача была самая трудная: из трех спящих сестер отыскать самую милую и самую юную принцессу: все три выглядели совершенно одинаково, и не отличались ничем, кроме того, что первая съела кусочек сахара, вторая попила сиропа, а третья, младшая, полакомилась полной ложкой меда, — и по их дыханию требовалось узнать, которая из трех ела мед. В этой беде прилетела на помощь дурачку пчелиная матка и села на губы той, что была справа, испытав перед тем двух других. И сказал тогда королевский сын серому человечку, что вот, мол, эта и есть. И все тогда оказались расколдованными, и дурачок женился на младшей принцессе, а его братья на ее сестрах.



У короля и королевы никак не получалось родить ребенка. И однажды, когда королева купалась, из воды вылез на берег рак и сказал: вскоре ты родишь дочь. Так оно и случилось, и на радостях устроил король большой праздник. А в той стране жили тринадцать фей, но у короля было только двенадцать золотых тарелок, и потому он не смог пригласить тринадцатую фею. Феи наделили новорожденную всеми добродетелями и красотами (7). И когда праздник шел к концу, явилась тринадцатая фея и сказала: вы не позвали меня, и я заявляю вам, что на пятнадцатом году своей жизни ваша дочь уколет палец веретеном и от этого умрет. Другие феи попытались исправить это, как сумели, и сказали: она лишь погрузится в сон, который продлится сто лет.

Но король издал приказ уничтожить все веретена в королевстве, что и было исполнено, и когда королевской дочери исполнилось пятнадцать лет и родители были однажды в отъезде, она принялась бродить по дворцу и пришла к старой башне. В башню вела узкая лестница, по которой принцесса дошла до маленькой дверцы; в дверце торчал желтый ключик; принцесса повернула его и вошла в комнатку, где

сидела старая женщина и пряла. И принцесса начала перебрасываться с женщиной шутками и сама захотела немного попрясть. И тут она укололась веретеном и впала в глубокий сон. В это мгновение вернулись король с королевой и всем двором, и все-все, кто были во дворце, тоже погрузились в сон, уснули даже мухи на стенах. И вокруг дворца разросся терновник, и за ним ничего не было видно.

Спустя много-много времени приехал в эту страну принц, которому поведал о случившемся один старик, помнивший от своего дедушки, что уже многие пытались пробиться сквозь терновник, но все остались висеть в нем. Но когда принц приблизился к терновнику, то все тернии перед принцем раздвинулись, повернувшись к нему цветами, а позади него вновь — шипами. И, войдя во дворец, принц поцеловал спящую принцессу, и все проснулись и сыграли свадьбу принца с принцессой, и стали они жить-поживать да добра наживать.

Известно

Это, кажется, полностью или частично из Перро *Belle au bois dormant* *.

* Красавица, спящая в лесу (*фр.*)

Вернувшийся из путешествия купец услышал, что один из его кораблей, который он считал утерянным, вошел в гавань; и купец решил немедленно туда поехать. Две его старших дочери решили, что они вновь очень богаты, и понадавали отцу кучу поручений: купить им кружева, ленты и платья. Младшая же дочь ничего не попросила, отец же молил ее не стесняться и желаний своих не таить. Я желаю, чтобы вы вернулись домой живым и здоровым, — сказала она, и сестры стали над ней насмехаться: вечно, мол, хочется ей чего-нибудь необыкновенного. Хорошо, — сказала она, — тогда попрошу я вас, отец, привезти мне розу.

В городе купца впутали в долгую тяжбу, и, чтобы сохранить немногие остававшиеся средства, он решил в конце концов вернуться домой. За несколько миль до своего дома, в непогоду, пришел он вечером к роскошному дворцу, в котором не было ни одной живой души, но в котором стоял стол с яствами. Купец утолил голод и улегся спать. На другое утро собрался он продолжить свой путь, и, когда он шел по великолепной розовой аллее, ему вспомнилась

просьба младшей дочери, и он сорвал одну розу.

В то же мгновение появился ужасный дракон и спросил: кто позволил купцу рвать его розы? Оправдываясь, купец сказал о просьбе своей дочери. Так вот, — сказал дракон, — единственное твое спасенье в том, что ты отдашь мне одну из своих дочерей; и должна она быть здесь не позже, чем через месяц, да к тому же по доброй воле.

Опечаленный, вернулся купец домой. Вот тебе роза, но лучше б ты меня о ней не просила, ибо придется тебе за нее расплатиться.

Красавица смирилась со своим несчастьем и в назначенный срок отправилась в дом дракона, дракон вел себя неуклюже и глупо, но добродушно. Ночью являлся ей во сне прекрасный юноша, а днем она была в одиночестве и вкушала всяческие улады.

И спросил ее дракон, согласна ли она спать вместе с ним, сначала она отвергла его предложение, но потом согласилась, привыкла, стала проникаться к нему благодарностью и постепенно — любовью.

Как-то раз навестила она своих родителей. Дракон свернулся в кольцо и перенес ее спящую туда и обратно. Она ухаживает за драконом.

И наконец однажды ночью признается ему в любви. И утром дракон превращается в прекрасного незнакомца и рассказывает свою историю.

Выясняется, что она не дочь купца: одна фея подменила ею умирающего ребенка купца. (Ночь. В крестьянском доме три колыбели, и горит свет. Крестьяне спят. Средняя колыбель роскошная, и в ней лежит больная дочка купца. Фея хочет вдохнуть в нее жизнь, но девочка умирает у нее на руках. И фея пользуется благоприятной возможностью подсунуть в колыбель свою любимицу.)

(Юная американка. Ульм 1765,
ч. 1, стр. 30—231).



У одного короля была удивительно красивая дочь, но такая надменная, что высмеивала всех, кто приезжал ее сватать. И чтобы положить этому конец, король повелел однажды устроить большое празднество и пригласил на него всех мужчин, желающих жениться, и расставил их всех по рангам, сначала королев, потом князей, графов и баронов и в конце просто дворян. Обходя их ряды, королевская дочь в каждом находила какой-то недостаток, особенно же она потешалась над загнутым подбородком одного короля, который стоял на самом первом месте и звался королем Дроздобородом. Тот очень ⁽¹⁾ обиделся; и король-отец рассердился на свою дочь за то, что она не выбрала ни одного жениха, и поклялся, что отдаст ее за первого нищего, какой только подойдет к воротам.

Однажды королевская дочь услышала под окном пение шпильмана, и король призвал этого шпильмана к себе, каким тот был, в лохмотьях, грязного, и объявил его женихом своей дочери. Привели священника, который тут же и обвенчал их, и не долго было горячке оставаться в королевском дворце, повелел ей король уходить прочь со своим мужем.

Когда они шли через лес, она спросила

своего нищего мужа: Ах, чьи, скажи, эти лесные своды? — Они владенье короля Дроздоборода, вот вышла бы за него, они б твоими были. — Ах, горе мне, девице сумасбродной, взяла бы я в мужья Дроздоборода!

То же было с лугами и городами, мимо которых они проходили. Шпильман вконец разозлился на то, что его жена все время хочет себе другого мужа. Пришли они, наконец, к маленькой хижине. О боже, что это за хижина? — Это наш дом, разведи скорее огонь и приготовь поесть, а я отдохну. — Но королевская дочь не умела готовить, и муж был вынужден ей помочь, и, поев, легли они спать. Наутро пришлось ей вставать рано, и так было несколько дней, пока муж не сказал: Жена, так дальше продолжаться не может: мы только едим и ничего не зарабатываем, займусь-ка я изготовлением горшков, а ты будешь ходить на рынок и продавать их. В первый раз все было удачно, люди охотно покупали горшки у красивой женщины и платили, сколько она запрашивала, а многие даже платили, не беря горшков. Когда она все продала, муж понаделал новых горшков; и когда жена выставила их перед покупателями, через рынок проскакали пьяные гусары и — прямо по горшкам и все растоптали. Из страха перед мужем она весь день боялась идти домой, и, когда она наконец вернулась,

оказалось, что мужа нет, и как ушел он, так больше не вернулся. И однажды наехал к ней в гости отец со всеми придворными, чтобы испить у нее молока, и начал ее мыть и одевать по прежнему ее положению. И между тем прискакал на коне король Дроздобород, и выяснилось, что он и нищий шпильман одно и то же лицо, и попросил он прощения за то, что так жестоко обходился с женой в наказание за насмешки, которыми она его когда-то осыпала. И затем отправились они в его королевство и жили там в довольстве до самой смерти.

Конец

Изустно



22 *Золотая утка*

У брата и сестры умерли отец с матерью, и попали они к своей тете на воспитание, а у тети была своя дочь. Жили они в деревне в бедности и набожности. Однажды вечером постучала в дверь старая женщина и попросилась переночевать, и приемная дочь оказалась особенно услужливой, и, как сумела, приготовила она старушке ужин и постель. Наутро старуха оказалась прекрасной феей и отблагодарила всех домашних, а приемную дочь тети наделила такими дарами, что если она заплачет или засмеется, то вместо слез покатятся у нее из глаз жемчужины, вычесанные волосы станут золотыми нитями, а слюна обернется чистым серебром. Но при этом лицо ее должно быть закрыто вуалью, чтобы его никогда не касался воздух, а не то лишится она своих чудесных даров.

conf. Богс.

Комнату тотчас же старательно отгородили, законопатили все щели, чтобы нигде не проник в нее воздух; девушка причесывалась и падали золотые нити; ее заставляли страдать и радоваться, чтобы она плакала жемчужинами, а когда сплевывала, слюна ее становилась серебром. Благодаря этому вся семья вскоре очень разбогатела, и соседи стали поговаривать, что

прекрасная девушка зарабатывала это богатство потаскушеством, а другие считали, что она нашла клад или сговорилась со злым духом.

Тогда переехали они в город, где у брата появилось много товарищей и друзей, которые подбили его отправиться в далекий королевский город и погулять там вволю. Однажды брат открыл своему закадычному другу, что дома есть у него красавица сестра, а также то, какими чудесными дарами она наделена. Друг этот, королевский сын, тотчас же вспылал любовью к его сестре и, испросив дозволения свататься, послал за нею дорожную карету, которая была особенно хорошо защищена от воздуха.

Собрались тут невеста, тетя и тетина дочка в дорогу, и когда они проехали половину пути, окно кареты разбилось, и солнечные лучи упали на девушку, на которой не оказалось вуали, и превратилась она вдруг в золотую утку и улетела.

Тетя очень испугалась, но вскоре сообразила, что вместо потерянной падчерицы она может подставить свою собственную дочь, и облегчалось это тем, что она предусмотрительно взяла с собою множество жемчуга, золотых нитей и серебра. И стала она причитать, что разбойники похитили ее родную дочь, и слуги

принца бросились в погоню, но так никого и не нашли.

Когда они прибыли в королевский город, тетя устроила темную комнату и представила дело так, что девушке нужно отдохнуть от путешествия, чтобы принц не старался с нею увидеться. А принцу она преподнесла слезы радости и страдания и золотые вычесанные волосы и так долго отговаривала его от посещения. Но у принца в конце концов истощилось терпение: он внезапно вошел в комнату и, не ведая о подмене, увидел, что девушка далеко не так прекрасна и обаятельна, как описал ее брат, и, разгневавшись, повелел посадить брата в тюрьму; а между тем запас жемчужин, нитей и серебра постепенно кончился, и королевский сын заметил, что он обманут. Но в этом была виновата тетя, а не брат.

А брат, уже давно сидевший в тюрьме, совсем закручинился и хотел уже было покончить с собою ножом. Но тут услышал он шум в окошке тюрьмы, будто хлопанье крыльев, и влетела тут к нему утка и сказала человеческим голосом, что она его сестра, и рассказала о случившемся и о своем превращении, и что теперь она живет в опасности: ее могут подстрелить охотники. И каждую ночь навещала утка своего брата, но однажды не прилетела, и пока брат размышлял, почему, пришел тю-

ремщик и вывел его из тюрьмы на свободу. Потому, что королевский сын услышал, как стражники говорили о блестящей утке, которая прилетала по ночам к пленнику, и подслушал у решетки, и велел устроить ей западню, чтобы ее поймать, что и было сделано, но птица вырвалась из клетки и силков и больше не попадалась.

Между тем дочь тети скончалась от огорчения, что обман раскрылся. Тетя уехала из города, и оба друга вновь зажили вместе, но с уткой упорхнуло их счастье, и какие бы ловушки они ни ставили, утка не попадалась. Однажды, когда все встали из-за стола, а брат остался, утка влетела в открытое окно и принялась клевать крошки. Когда брат упрекнул ее в том, что она не показывается, сестра пожаловалась на ловушки и сказала, что в облике птицы она никогда не сможет принадлежать принцу, и улетела. И так как принц во что бы то ни стало хотел ее поймать, а перед братом притворялся, что они поссорились, и брат уехал к себе на родину, а принц начал вести беспутный образ жизни.

Когда брат ехал через лес, встретила ему внезапно старая женщина, которая наделила его сестру дарами, и приказала ему вернуться в королевский город и пообещать принцу сестру, если тот исправится.

И с прежней силой вспыхнула тут в королевском сыне любовь, и однажды, когда он сидел с братом за трапезой, птица прилетела и вскоре стала принимать у него на глазах облик прекраснейшей девушки, и любовь принца разгорелась еще больше, и сыграли они веселую свадьбу. Она сохранила свой дар и на открытом воздухе и без вуали, но жемчужинами она плакала теперь только от радости.

Но принц вновь пустился в разгул и был убит. Тогда брат и сестра и старая тетя поехали домой, и старая тетя умерла по дороге на том самом месте, где разбилось окно кареты и девушка упорхнула. А брат и сестра стали спокойно жить-поживать до своей блаженной кончины.



вычленив старую основу, насколько это возможно, в безобразно испорченном современном пересказе преданий богемской старины. Прага 1808, стр. 141—185.



23 *Сказка о голове Фанфрелюша*

Жил-был рыцарь, который все скакал и скакал, и знаете куда? Он гнался за колдуном-мошенником, который под предлогом изготовления золота выманил у рыцаря все его деньги. Рыцарь настиг его на большой дороге, потребовал свои деньги назад, а когда колдун отказался, одним ударом отрубил ему голову. Забрав свои деньги, рыцарь заметил, что отрубленная голова стоит торчком в некотором отдалении и пялится на него. Когда же рыцарь собрался изрубить ее, голова повалилась ему в ноги, запросила пощады. Но рыцарь знать ничего не хотел, и голова обратилась в бегство, катясь и подпрыгивая. Когда рыцарь бросал в нее камнями, она их отбивала и тщательно вытирала с себя грязь.

Подошли они так к реке. Река была большой и без моста. Поплыла и погребла тут голова к другому берегу. В течение всего пути она оставляла позади себя большие пятна крови, а теперь ее бегство по воде было отмечено длинным кровавым следом. Рыцарь начал подумывать, что по этим следам его легко могут найти и обвинить в убийстве, причинить ему большие неприятности, и он перестал преследовать голову и вернулся. Но голова тотчас же

поплыла обратно и погналась за рыцарем, катясь и подпрыгивая. Рыцарь решил дожидаться проклятой головы и остановился, но голова тоже остановилась; рыцарь пошел на нее, и она снова принялась удирать, рыцарь повернулся, и голова опять начала его преследовать. Наконец рыцарь улегся на землю и сказал [:] не сойду с места, пока голова не решится на что-то определенное.

Голова остановилась посреди дороги, плясь на рыцаря, и была все время начеку, перехитрить себя не давала — рыцарь поворачивался, и она поворачивалась. И когда рыцарь стал заклинять ее отвязаться, она заговорила: «ах, господин рыцарь, у меня такое странное чувство на сердце». Рыцарю стало не по себе, и он спросил, чем может помочь голове. «Потрите меня теплой фланелью. — Но у меня ее нет. — Тогда обнимите меня!»

И когда он встал, чтобы обнять мертвую голову, и приблизился своим лицом к ее лицу, голова прыгнула и вцепилась рыцарю в нос. Она порхала вокруг рыцаря и наконец оседлала его затылок. Когда же он схватил ее обеими руками, чтобы сбросить, она ударила ему по пальцам, да так больно, что он отдернул руки. Как ни пытался он ее стряхнуть, голова крепко держалась на нем, и на всем свете еще никто не бывал в такой растерянности, как этот рыцарь.

Файт, или Гвидо Хэмптонский (Райхард, Библ. Ром. 17, стр. 64—70.), где Ги рассказывает это своей возлюбленной Виолетте.

Cat. panzeri n. 16598 Fanfreluche et Gaudichon Mythistoyre baragouijne. Lyon. 1551, cum figg. 12. Num. 16599. Id. lib. a Paris 1587. c. figg. 12 *.

Rabelais Gargatua ch. 2. Заголовок: les fanfreluches antidotées trouvées en un monument antique **. Обозначают это словом: Contes bleus, fables ***. Dict. du bas langage fanfreluche объясняется: pretintaille, ornement vain et futile, qui sert a la parure des femmes ****.



* Каталог Панцера № 16598. Историко-мифическая бессмыслица о Фанфрелуше и Годишоне. Лион. 1551, под номером 12. (*фр., лат.*).

** «Целительные безделки, найденные в древних развалинах» (*пер. Н. Любимова*).

*** Небылицы, рассказы (*фр.*).

**** В «Словаре вульгарной латыни» объясняется: «фанфрелюш» — это побрякушки, низкопробные, безвкусные украшения, какие носят женщины на платьях (*фр.*).

25 Королевская дочь
и заколдованный принц.
Король-лягушка

Младшая дочь короля пошла в лес и села у прохладного колодца. Взяла золотой шарик и стала играть с ним, и шарик вдруг скатился в колодец. Она видела, как он упал в глубину, встала у колодца и сильно опечалилась. Тут из воды высунула голову лягушка и сказала: почему ты так тужишь? — Ах! Безобразная лягушка, — ответила она, — ты же все равно не сможешь мне помочь, упал в колодец мой золотой шарик. И сказала лягушка: если ты возьмешь меня к себе домой, то я достану твой золотой шарик. И когда принцесса это пообещала, лягушка нырнула и | принесла | вскоре вновь появилась, держа шарик во рту, и выбросила его на землю. Королевская дочь поспешно подобрала шарик, побежала прочь и не слышала, как лягушка кричала ей вслед, чтобы она взяла ее с собой, как было обещано. Когда принцесса прибежала домой, уселась за стол рядом с отцом, чтобы обедать, раздался стук в дверь и голос: младшая принцесса, открой мне дверь! Принцесса поспешила к двери и увидела, кто это: то была безобразная лягушка, и

принцесса | вновь | поспешно захлопнула дверь. Но отец спросил, кто это, и дочь рассказала ему. И тут вновь раздался голос:

Младшая принцесса, | дверь |
дверь открой,
разве ты не помнишь,
что пообещала
ты мне у колодца с холодной водой,
младшая принцесса,
дверь открой!

И король приказал открыть лягушке, и та прыгнула в зал. Потом сказала принцессе: посади меня за стол, я буду с тобой вместе есть. Но принцесса не хотела этого делать, пока король не приказал ей. И лягушка села рядом с принцессой и начала вместе с нею есть. Насытившись, лягушка сказала принцессе: возьми меня к себе в кроватку, я буду с тобой спать. Но принцессе этого совершенно не хотелось, так как она очень боялась холодной лягушки. Но король опять приказал ей, и она взяла лягушку, принесла в свою комнату и изо всей силы швырнула ее об стенку у кроватки. Но едва только ударилась лягушка о стенку и упала в кровать, как обернулась прекрасным юным принцем; и королевская дочь легла с ним.

А наутро прикатила прекрасная карета с верным слугой принца, который так страдал из-за того, что принц был заколдован, что

наложил на свое сердце три железных обруча.
И принц и королевская дочь сели в карету, а
верный слуга встал сзади на запятки, чтобы
ехать в их королевство. И когда они проехали
часть пути, принц услышал сзади⁽¹⁾ громкий
треск. И тогда он воскликнул:

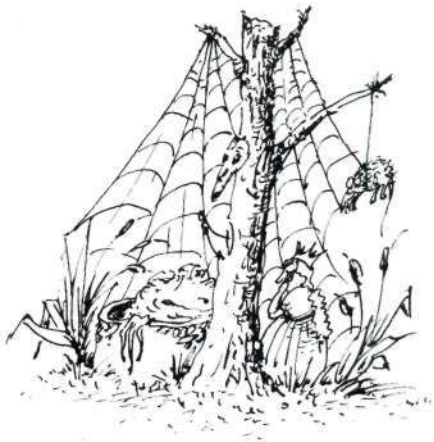
Генрих, эй, трещит возок!

— Не возок, пришел мой срок:

То оковы с сердца спали,
что в нем боль мою держали,
когда сударь был в беде
и лягушкой жил в воде.

квакушей

Изустно



26 *Сказка*
Найденый

злая повариха

Жил-был лесник; вот отправился он однажды на охоту; и вдруг слышит — ребенок кричит, пошел он на крик и видит маленького ребенка на дереве, а под деревом лежит женщина и спит; хищная птица унесла у нее из подола ребенка и посадила его на дерево. Лесник снял ребенка с дерева и принес домой. У лесника тоже был ребенок, которого звали Ленхен, а того, которого он нашел на дереве, назвал он Карлом. Двое детей так полюбили друг друга, что если один не видел другого, то оба были очень опечалены. Как-то раз принесла повариха в дом лесника много воды; и Ленхен спросила, зачем она принесла в дом так много воды; и повариха ответила, что если Ленхен никому не скажет, то она ей это откроет. Тогда Ленхен пообещала, что она никому не проговорится, и повариха тогда сказала, что рано утром {назавтра}, когда в два часа лесник уйдет на охоту, она накипятит полный котел воды и бросит в него Карла и сварит его. Рано утром ушел лесник в два часа на охоту, и только он ушел, как сказала Ленхен Карлу[:]. Если ты не бросишь меня, то и я тебя не брошу. И Карл сказал [:] никогда в жизни. И сказала тут Ленхен [:] хочу тебе только сообщить, что вчера

вечером повариха принесла в дом много воды, и когда я спросила ее, зачем она принесла (¹ позднее над строкой) в дом так много воды, она ответила, что если я никому не проговорюсь, она откроет мне это, и тогда я пообещала ей, что не скажу никому, и она открыла мне, что рано утром, когда | лесник | мой отец уйдет на охоту, она накипятит полный котел воды, бросит в него тебя и сварит. Поэтому нам надо быстро одеваться и убегать. Они быстро оделись и убежали. Вода вскипела, и повариха пошла за Карлом; но, подойдя к кровати, она увидела, что детей нет; на что она ужасно испугалась и запричитала [:] что {ей делать} она, мол, скажет леснику, когда тот вернется домой и увидит, что детей нет. И повариха быстренько снарядила трех человек, чтобы они отыскивали детей. Дети сидели на опушке леса; и когда они увидели издалека трех человек, которые шли к ним, Ленхен сказала Карлу: если ты меня не оставишь, то и я тебя не оставлю. И Карл | ей | сказал [:] никогда в жизни. И сказала тут Ленхен [:] тогда ты станешь розовым кустом, а я розочкой на нем. И когда люди подошли к лесу, они не увидели ничего, кроме розового куста и розочки на нем, и пошли эти | посл | люди обратно и сказали поварихе, что они не видали ничего, кроме розового куста и розочки {розы} на нем. Повариха их обругала и

сказала, почему они не срубили куст и не принесли домой розочку. И пошли они во второй раз на поиски. Когда дети издалека увидали их, сказала Ленхен Карлу [:] если ты меня не оставишь, то и я тебя не оставлю. И сказал Карл [:] никогда в жизни. И Ленхен сказала [:] тогда ты станешь церковью, а я венцом в ней. Подойдя, люди не увидали ничего, кроме церкви и венца в ней, и пошли они восвояси. Когда явились они домой, повариха спросила, не видали ли они {и сейчас} детей. Они сказали [:] нет, они ничего не видали, кроме церкви, и в ней не было ничего, кроме венца. Обругала их повариха и сказала, почему они не разрушили церковь и не принесли домой венец. Пошла повариха с ними сама. Когда дети увидали издали людей и повариху, Ленхен сказала Карлу [:] Карл, если ты меня не оставишь, то и я тебя не оставлю. И сказал Карл [:] никогда в жизни. И сказала Ленхен [:] тогда ты станешь прудом, а я уткой на нем. Когда люди подошли, они опять ничего не увидали, кроме пруда и утки на нем. Легла тогда повариха на живот и приготовилась выпить весь пруд. А уточка подплыла, схватила ее за волосы и утащила в воду. Тут повариха и утонула. Вернулись дети домой и стали жить припеваючи в дружбе да любви.

Жил-был человек, и было у него трое детей, младший из которых был дурачком. И сказал однажды старший сын: отец, схожу-ка я в лес нарубить дров. Но отец не посоветовал ему это делать, сказав, что он вернется с перевязанной рукой. Но сын все-таки пошел в лес и встретил там старенького человечка. Старичок попросил у него кусок пирога, взятый в дорогу. Но старший сын ответил: еще чего не хватало, кормить моими пирогами стариков! И принялся рубить дрова, да вдруг промахнулся, попал себе по руке, и пришлось ему перевязать руку.

Со вторым сыном случилось то же самое, но попал он себе топором не по руке, а по ноге.

Пошел в лес третий сын и отдал человечку свой пирог. После чего срубил дерево и нашел под ним золотого гуся. Взял он гуся и пошел на постоялый двор и оставил гуся в своей комнате. А у хозяина постоялого двора было три дочери, и им очень захотелось выдернуть из гуся по перышку. Пошла сначала старшая, но едва она прикоснулась к гусю, как тут же к нему прилипла. Пошла средняя, которой тоже захотелось выдернуть перышко, и, хотя старшая пыталась ее отговорить, средняя настояла на своем и тоже прилипла. То же случилось и с

младшей. Наутро младший сын взял гуся под мышку и пошел, и все три дочери хозяина постоялого двора тащились за ним. По дороге встретился им священник и принялся бранить их за то, что они волокутся за молодым человеком и, схватив одну из них за руку, тоже прилип и вынужден был идти вместе с ними. Столкнулись они с пономарем, который сказал: ой, ваше преосв<ященство>, куда же вы? — и тоже прилип. И так, гуськом, пошли они дальше.

Вот пришел младший сын в город, где правил король, у которого была такая серьезная дочь, что никто не мог ее рассмешить. И посему король издал закон, гласивший: кто сумеет рассмешить его дочь, тот на ней и женится. Когда младший сын услышал об этом, пошел он со своим гусем к принцессе, и принялась она тут во всю хохотать над прилипшей к гусю свитой.

На что младший сын потребовал у короля невесту, но тот заупрямился и сказал: пусть вначале приведет он ему человека, который смог бы выпить целый погреб вина, а не приведет — не видать ему невесты, как своих ушей. Пригорюнился младший сын и пошел опять в лес к дереву, где нашел гуся, и увидел там человека, у которого было очень мрачное лицо. И он спросил этого человека: эй, ты что

такой мрачный? — Мне все время хочется пить, и я никак не могу напиться. — Пойдем-ка со мной, я покажу тебе место, где ты напьешься. Взял он его с собой, и человек этот выпил зараз весь погреб.

Тогда король потребовал привести человека, который смог бы съесть целую гору хлеба. И младший сын опять столкнулся с человечком, который никак не мог наесться, и т. д.

Тогда король потребовал достать корабль, который мог бы передвигаться по воде и по суше, и в этом тоже помог младшему сыну старенький человечек, и в конце концов младший сын женился-таки на прекрасной принцессе.

изустно



Жил-был в деревне один умный человек, у которого всегда все ладилось, за что другие крестьяне возненавидели его. Из зависти разломали они ему печь, а он на другой день набрал в мешок глины и пошел с нею в город. Там он явился в дом одной знатной дамы и испросил позволения оставить у нее свой мешок, пока он будет ходить по другим делам. В мешке, мол, пряности, корица, гвоздика и перец. Дама поначалу ему сказала, что он должен обращаться к себе подобным, но он ее очень просил, и она разрешила. Через некоторое время он вернулся, взял свой мешок, открыл его и, увидав там глину, сделал вид, что он в отчаянии, и громко завопил, требуя справедливости и наказания за мошенничество. Дама, которая была не виновата, предложила ему 100 талеров, лишь бы он молчал, но этой суммой он не удовлетворился, и в конце концов она вынуждена была дать ему 300 талеров, после чего он вернулся в свою деревню.

Уселся он у окна и принялся считать деньги; крестьяне же очень разозлились, что все-то ему только впрок, и стали расспрашивать его. И он сказал им, что добыл деньги из печной глины.

Глупые крестьяне в тот же день поразбивали свои печки, понесли глину в город, но без толку.

В отместку они сговорились убить г-на На-все-руки. Но он подслушал их сговор, пошел к своей матери и попросил ее дать ему на время свое платье, а его одежду надеть ей, это ему, мол, кое для чего нужно. Пришли крестьяне и вместо господина Руки убили его мать. Г<осподин> Н<а-все-руки> положил мать в бочку и покатил ее к доктору и т. д., а потом заявил, что это доктор ее убил и т. д., и опять получил деньги. Крестьяне же на это поубивали своих матерей и т. д. Такая же история случилась и с овчаром. Из-за своего глупого подражания все крестьяне в конце концов погибли, и господин На-все-руки остался в деревне один сам себе голова.

conf Ручки
Ст<р>апарола



Жил-был король, который кроме лошадей никого не любил и кормил их в своих конюшнях из сотни мраморных ясель и поил из сотни серебряных ведер. Все его придворные ходили только в сапогах для верховой езды с железными шпорами и с длинными кнутами под мышкой. На балах танцевали только галопы, и король не говорил ничего, кроме как: пошел, пошел, или тпру-у, мой ретивый, стой!

У этого короля были две красавицы дочери, Мена и Бена, из которых старшая была злой, а младшая доброй.

Однажды Мена пошла в лес прогуляться и только села отдохнуть под деревом, как из-под земли вдруг выскочил золотой ключик и стал летать вокруг нее сначала широкими кругами, потом все уже и уже, пока наконец не прыгнул ей в руки и не заставил ее встать; прилип он к ее руке, и Мена никак не могла его оторвать. Потасил ее ключик через лес к какой-то скале, прыгнул из руки в замочную скважину, и перед глазами Мены предстали роскошные покои, где под золотой паутиной лежал спящий принц, и рядом была надпись: «кто хочет им завладеть, тот должен не побрезговать и полюбить отвратительное чудовище». И только попыталась

Мена разорвать золотую паутину, как вдруг все померкло, и невесть откуда взявшийся ветер с воем вынес ее из скалы наружу.

По дороге домой Мена встретила свою сестру, которую терпеть не могла, и увидела, как кружившая вокруг нее пестрая птичка выронила из своего клюва драгоценный камешек. Но слова, которые птичка при этом пропела, были для Мены неслышны: «Этот камешек храни и носи его везде, в нем защитника найдешь ты в любой своей беде».

Мена жадно рванулась к сестре и закричала: что это у тебя, дай сюда! Бена показала ей драгоценный камешек, но отдать его сестре отказалась, и Мена начала с нею ругаться. Нет, этот камешек принадлежит Бене! — раздался сзади голос. Оглянувшись, они увидели горбатого карлика и испугались, но лицемерная Мена притворилась дружелюбной, подумав, что так она, наверное, сможет заполучить спящего принца-красавца. Карлик скрылся в лесу; Бена с грустью видела, как ее сестра насмеялась над карликом за его спиной, и решила разыскать и предостеречь его. Она разыскала и предостерегла карлика; он запрыгал Бене вослед на своей единственной ноге, но догнать ее не смог. Убегая, она потеряла свой драгоценный камешек (²⁶ позднее с левой стороны). Когда она пробиралась по ущелью, ей встрети-

Карлика, у которого только одна нога, называют «кеглячком».

лась старая ведьма, которая закричала: не споткнись же о меня, о прекрасное дитя! Но как ни пыталась обойти ее Бена, старуха бросалась то влево, то вправо — королевская дочка запуталась, и обе сильно ударились друг о друга. Чтоб тебя земля проглотила, злючка! — закричала ведьма и рухнула перед Беной, вдребезги разбившись как горшок: в одну сторону полетела рука, в другую нога, — все тело развалилось на части, все члены перемешались. И голова, лежавшая посередине, заговорила: ты, исчадие ада, немедленно сложи меня: возьми мою правую ногу, прислони ее аккуратно к камню, потом возьми левую и сделай то же самое, и смотри, чтобы они не ушли в поля и в леса, спеши поставить на них остальные части и не забудь ни кусочка. — Бена испугалась и хотела, было, бежать, но голова загородила ей дорогу, и Бена начала складывать ведьму, и все члены сами шли на свои места. Когда же Бена наконец приделала руки, и все было готово до шеи, голова во мгновение ока сама вспрыгнула на туловище, и разбитая старуха вновь стала целой и, подняв с земли свою клюку, протянула королевской дочери руку со словами: будь здорова, доченька, я прощаю тебя в награду за то, что ты так старательно собрала меня вновь, и получишь ты за это прекрасного жениха!

Пока Бена искала потерянный драгоценный камешек, птичка принесла его и пропела: ты лучше должна этот камень беречь, ведь я не смогу тебя вечно стеречь, если б ты его не потеряла, злая ведьма была бы бессильна перед тобой, и ты бы посмеялась над ее властью.

Между тем по настоянию Мены старая королева повелела пригласить гадкого карлика ко двору, но король невзлюбил своего будущего зятя, глумились над ним втайне и мать и старшая сестра. Бена уходила в лес и там плакала, и встретила ей старая ведьма и объявила ей, что прибыл ее жених. Им оказался слабоумный расфуфыренный принц, который Бене был неприятен; загрустила она и пошла в сад, и встретила там с несчастным, но умным карликом, которому она и излила свою душу. И пошло у них слово за слово, и когда он спросил ее, не противен ли он ей, она ответила: ах что ты, я люблю тебя. И улетучилась тут колдовская сила, и предстал перед Беной цветущий юноша. Рассказал он Бене, как однажды натолкнулся он в лесу на ведьму и посмеялся над ее странными ужимками и как она заколдовала его до тех пор, пока в гадком обличье не полюбит его по доброй воле красивая девушка. И какое-то время он должен был спать в скале в своем естественном облике.

Пока они разговаривали, в сад пришла ведь-

ма со своим слабоумным сыном и другими людьми из замка, запустила свою костлявую руку в золотые волосы девушки и словно перышко несла ее по воздуху более сотни миль над горами и долами, пока не опустилась перед круглой железной башней. В башне жили одни улитки, которые ползали вверх и вниз по стенам. Ты будешь здесь жить, и если за восемь дней не научишь этих улиток танцевать, превратишься в улитку сама.

Когда ведьма ушла, заперев за собой дверь, улитки сильно испугались принцессы и спрятались в своих домиках, но постепенно высунулись вновь и познакомились с ней. Невидимая рука приносила принцессе еду, а улиток кормила зеленой травой, и так они проводили время и сильно скучали в башне.

Прошло уже шесть дней, и Бена по-прежнему не знала, как научить улиток танцевать. На утро седьмого дня прилетела к окну птичка и пропела: чудесный твой камень я вновь принесла, но чтобы ты больше меня не ждала. Когда у Бены вновь оказался потерянный камешек, она оглядела его и обнаружила в нем маленькую щелку, из которой выпрыгнули двенадцать маленьких танцмейстеров, каждый величиною с пальчик и каждый с маленькой скрипкой. Только ударили они по струнам смычками, как улитки повылезали из своих

домиков, выстроились попарно и закружились в вальсе. Закончив играть, танцмейстеры вновь спрятались в камешек; но один из них оставил свою скрипку, которую королевская дочка подобрала, и едва она на ней заиграла, как улитки вновь затанцевали.

Между тем королевский сын пошел через поля и леса в поисках своей возлюбленной, но не мог найти ее нигде, и на утро шестого дня оставалось ему до железной башни как раз еще сто миль. И вдруг увидел он в траве пару новых сапог и надел их, потому что его сапоги совсем изорвались. Едва он сделал шаг, как оказался в совершенно незнакомом месте, сделал второй и перелетел через большую-пребольшую равнину с широкой рекой, сделал третий и перемахнул через большой город с высокими башнями, короче говоря — каждый шаг переносил его на милью, и он шел все дальше, и на сотом шаге оказался он перед железной башней.

Старая ведьма как раз потребовала, чтобы принцесса показала, как улитки танцуют, и очень разозлилась, увидав, что они хорошо это делают, и под разными предлогами отказывалась отпустить королевскую дочь.

Опечаленная Бена подошла к окну и обрадовалась, увидав внизу своего возлюбленного. И она сбросила ему драгоценный камешек. Едва

он его поднял, как камешек превратился в сверкающий меч, от которого вдребезги разлетелись ворота. Когда королевский сын вошел в башню, ведьма спряталась в уголке среди улиток; принц коснулся улиток мечом, и все они обернулись девушками, и он зарубил ведьму. Старый король вскоре полюбил своего зятя с прекрасными сапогами, которые делали по миле, потому что в этих сапогах он мог оседлать свою неукротимую лошадь.

Из современной и досадно плохо рассказанной истории, озаглавленной: Спящий красавец, сказка для досуга, изданная Лангбайном. Франкф. 1794. Ч. 1. С. 1—68.



Жили-были брат и сестра, которые пошли однажды в лес, и, так как солнце припекало, а дорога была долгой, брату захотелось пить, и они принялись искать колодец и пришли к источнику, над которым было написано: если кто попьет из меня, и то будет мужчина, то станет он тигром, а коли женщина, то быть ей овцой. И сказала девочка: ах, милый мой братец, не пей из источника, иначе станешь ты тигром и разорвешь меня. И сказал брат, что хотя ему мучительно хочется пить, он потерпит до следующего колодца. И у следующего тоже была надпись, что станет волком тот, кто попьет из него, и девочка снова взмолилась, и брат опять сказал, что подождет до следующего колодца, но дальше терпеть не сможет. Когда они подошли к следующему источнику, там было написано: кто попьет из меня, и если то будет мальчик, превратится он в золотого оленя, а если девочка, то она станет большой и красивой.

(Дальше происходит так: прекрасная девушка ведет оленя на шнурочке и приходит к королевскому дворцу. А король уже несколько раз замечал оленя на охоте и приказывал поймать его. Король

застает прекрасную сестру за беседой с оленем и женится на ней. Мать короля злая женщина. Она подменяет королеву отвратительным существом, а ее саму повелевает казнить, оленя же отдает на убой мяснику).

Фрагмент.



На опушке большого леса жил бедный дровосек со своей женой, и была у них {родили они} маленькая дочка трех лет; оба были столь бедны, что не могли ее прокормить. Сильно опечаленный, пошел дровосек в лес, со страхом думая, как ему быть с ребенком; и так зашел он в самую чашу. И явилась тут перед ним прекрасная женщина; ослепительный нимб обрамлял ее лицо, голову украшала корона сплошь из звезд, серебряными звездами было усеяно и ее небесно-голубое платье. И она сказала дровосеку: я — Дева Мария, и я знаю, что ты не можешь прокормить своего ребенка; отдай его мне, я возьму его с собой и буду ему матерью. Помчался дровосек домой и привел девочку в лес. Поначалу девочка испугалась, увидав сверкающую женщину, но вскоре она подошла к Деве Марии и взяла ее за руку.

Дева Мария унесла ребенка с собою на небеса. Там девочку одели в золотые одежды, и к ней приходили ангелы и играли с ней. Так жила она в большой радости и роскоши, пока не исполнилось ей четырнадцать лет. Дева Мария должна была отправиться тогда в большое путешествие; она пошла к девочке и сказала ей: милое дитя мое, мне нужно уезжать

в дальние края; вот тебе золотые ключи, которыми ты можешь открывать все двери небес, | но | не открывай только одну, вот этим ключиком; после чего она уехала и оставила девочку одну. Девочка взяла ключи и каждый день открывала всякий раз новую дверь и радовалась, рассматривая прекрасные небесные обитатели. Наконец пооткрывала она все двери, и оставалась теперь только одна — запретная. Долго избегала ее девочка, но не смогла побороть своего любопытства.

Некоторые рассказывают об открывании двенадцати шкафов, в каждом из которых сидит по Святому Апостолу, а в тринадцатом наш любимый Господь Бог.

| Пошла | Взяла она маленький ключик | пошла | и открыла дверцу; и увидела она там Троицу, восседающую в неопишемом блеске и пышности. Быстро закрыла она дверцу, но сердце ее преисполнилось страха, который все прибывал и не давал девочке покоя. Вскоре после этого | вновь | вернулась из путешествия Дева Мария и, забирая у девочки ключи, спросила: ты не открывала запретную дверь? — Нет, [—] сказала девочка. Тогда Мария приложила ей руку к сердцу. Сердце сильно билось, и Мария поняла, что девочка все же переступила запрет. Она спросила еще раз, но девочка вновь ответила: нет, я там не была. Тогда Мария сказала: ты больше не достойна быть на небесах. И дитя погрузилось в глубокий сон, и Дева спустила его на землю. Когда девочка проснулась, сверкающих небес кругом не было, а сама

она лежала под высоким деревом, и повсюду виднелись густые заросли, из которых было невозможно найти выход. В великой печали и молчании, потому что она стала немой, проводила девочка дни, питаясь кореньями и лесными ягодами; в дереве нашла она дупло, в котором стала спать. Когда пришла осень, девочка сгребла листья, которые облетели с дерева, и снесла их в дупло; потом набрала кореньев, и так ⁽¹⁾, сидя в дупле, провела она зиму. Как только | опять | настала весна и начали зеленеть ветки, девочка вышла из дупла и села на солнышке перед деревом. Ее | длинные | золотые волосы струились по темно-красному бархатному платью, которое она носила и на небесах; и так сидела она тихонько в своей неопишуемой красоте, когда увидал ее прискакавший из чащи король этой страны. Его взволновала красота девочки и он спросил, кто она, но девочка не смогла ему ответить, а лишь взглянула на него страдающим взором. Король посадил ее на коня и повез в свой замок, и стала она его супругой.

*cf. немая
девочка
<J>*

По прошествии года родила королева прекрасного маленького принца. Король и вся страна очень обрадовались. Однако ночью, когда королева осталась наедине с ребенком, перед | ней | кроватью явилась Дева Мария | и говорит: | в своей звездной короне и звездном

одеянии и сказала королеве: ведь нет у тебя все же счастья, не можешь ты говорить; сознайся, что открыла ту дверь, или я заберу к себе твое дитя. Но та упрямо ответила: нет, — и Мария унесла с собой дитя. На другой день король очень испугался, увидев, что принца нет; королева же была очень печальна, но сказать ничего не могла. Советники порешили, что ее надо сжечь, потому что она съела дитя; но король не смог на это решиться.

Через год она вновь | родила | произвела на свет принца. Явилась Дева Мария, и так как королева продолжала упорствовать во лжи, Мария забрала и этого ребенка. Советники настаивали на том, чтобы наказать людоедку, но король защитил ее и на этот раз.

Год спустя родила королева принцессу. И все было, как и в предыдущих случаях. И король не смог тут ее больше оборонять; и приговорили ее к сожжению на костре.

Королева стояла уже на дровах, снова одетая в свое темно-красное платье и с распущенными золотыми волосами, и дрогнуло тут ее сердце, и она подумала: о, как бы я хотела теперь во всем сознаться | тогда смогла бы я сво<их детей> |. И сделался тут блеск с небес, и возникла в нем Дева Мария в своем великолепии; на руках у нее был маленький ребенок, а по сторонам еще двое постарше. Она

подошла к королеве и сказала: так ты созна-
ешься, что открыла запретную дверь? И коро-
лева ответила: да. И вернула тут ей Мария
детей, королева обрела дар речи и долго жила в
большой радости.

(Изустно)



Жил-был король, у которого было три дочери, и захотел он узнать, какая из них больше всех его любит. И сказала старшая, что отец ей милее всего королевства; средняя — что ценит его превыше всех драгоценных камней и всего жемчуга в мире, а третья сказала, что любит его больше соли. Разгневался король за то, что она сравнивает свою любовь с такой незначительной вещью, и повелел слуге отвести младшую дочь в лес и убить ее там. Но слуга не захотел убивать такую прекрасную принцессу; и она попросила его достать ей только платье из мышинных шкурок, и она спасет сама себя. Слуга достал такое платье; она завернулась в мышинные шкурки и переделалась в мужчину. И так отправилась она в соседнее королевство и поступила к тамошнему королю на службу. Каждый вечер она должна была снимать ему сапоги, которые король бросал ей через голову. Однажды он спросил, откуда она родом; и она ответила: из страны, где сапоги через голову не бросают.

И тогда спросил король: откуда у нее кольцо; и тогда платье её само собой рас-

пахнулось, хлынули наружу золотые волосы и король был ослеплен превеликой ее красотой. И он подошел к ней и надел ей на голову корону, и она стала его супругой. На свадьбу пригласили ее отца, но он не узнал своей дочери. А за столом все блюда, которые преподносили ему, были несолены, из-за чего король-отец разгневался и сказал, что лучше не жить, чем есть такую еду. Тогда королева вышла, открылась ему и напомнила ему свои слова.

Изустно



36 *Месяц и его мать*

Однажды месяц сказал своей матери, чтобы она сшила ему теплое платье, потому что по ночам ему очень холодно. Сняла она с него мерку, и он убежал; когда же он вскоре вернулся, то был уже таким большим, что камзольчик оказался ему повсюду узок. И мать принялась распарывать камзольчик, чтобы расставить его; но у месяца не хватило терпения дожидаться, и он опять убежал своей дорогой. Мать же прилежно все шила и шила, и частенько просиживала и ночи, работая при звездном свете.

Когда, набегавшись, месяц вернулся, оказалось, что он сильно похудел, стал тоненьким и бледным, и платье стало для него слишком велико, рукава до колен свисали. Расстроилась тут мать, что он выкидывает с нею такие штуки, и навсегда запретила ему приходиться к ней. Потому-то и ходит бедняга по небу голым, дожидаясь кого-нибудь, кто купит ему камзольчик.

(Из фрагментов Менандра или малых соч. Плутарха, в гротесках и наивн. Фалька. 1806. Стр. 104—107)



1. Злая мачеха и ее дочка-дурнушка измывались над прекрасной и набожной падчерицей, которую они прозвали Сурком (*liron*) и в самом что ни есть грубом крестьянском платье посылали на тяжкие работы. Сурок должна была пасти овец и при этом приносить домой заданное количество спряденных ниток. Она нередко садилась на край колодца и пела свои песни. Однажды захотела Сурок умыться, но, встав на колени и наклонившись, она потеряла равновесие и упала в колодец. Придя в себя от испуга, Сурок увидала, что она внутри прозрачного хрустального шара на руках у прекрасной фрау колодца, которая обласкала Сурка, одела ее в драгоценное платье и наделила ее способностью сыпать из волос блестящие цветы всякий раз, когда будет причесываться и встряхивать волосы; и всякий раз, когда она попадет в беду, ей надо будет только броситься в колодец. Кроме того, фрау колодца дала Сурку пастуший посох, он защитит ее стадо от волков и разбойников, и прялку, которая прядет сама, и ручного, умного бобра, который будет служить ей.

Liron
расчесывает
волосы фрау
колодца.

Когда вечером Сурок вернулась домой, у нее сразу же отобрали красивое платье и цветы, которые она, мол, украла, но из ее локонов

* Феях (фр.).

** Сурок (фр.).

тотчас посыпалось много других прекрасных цветов. Сурок рассказала, что с ней случилось, но ее только обругали и послали кормить скот и выгребать навоз из хлева. Верный бобер подмел хлев хвостом, да к тому же принес и воды для Сурка.

Злая дочка тоже решила пойти к колодцу, прыгнула в него, но оказалась в болоте и за свое упрямство и злость была одарена тем, что на голове у нее стали расти вонючий тростник и камыш, и когда она вырывала хоть один стебель, на его месте вырастало еще больше. А Сурок получила такой дар, что если она вычесывала волосы своей сестры, гадкое украшение за двадцать четыре часа исчезало, и она должна была постоянно чесать ее рыжие волосы.

2. У мачехи было высокое-превысокое грушевое дерево, совершенно гладкое и внизу со всем без веток, так что без большой лестницы достать до кроны было невозможно. И Сурку приказали набрать полную корзину груш, продать их на рынке и вечером принести домой деньги. Они надеялись, что Сурок сломает себе шею.

С маленькой лестницы, которую ей дали, Сурок никак не могла дотянуться до ветвей; спустилась она с лестницы и заплакала. День уже клонился к вечеру, и Сурок запела грушевому дереву печальную песенку, и дерево

*Однажды и в
дальнейшем
грушевое
дерево
заговорило с
Сурком,
затрепетали
его листья, и
голос его был
подобен шуму
пшлы.*

ласково опустило свои ветви до самой земли и дало Сурку нарвать полную корзину вкусных груш. Сурок старательно расправила листву и ветви и, когда закончила, sprysнула ствол колодезной водой.

Но так как было уже поздно, она поспешила через лес на рынок и встретила в лесу принца в одежде охотника, который и купил у нее груши за много золотых.

Злая сестра встала на другой день под дерево и закричала: спускай побыстрее свои ветки, мне нужны груши, у меня нет времени ждать, а не то я сбегаю домой за топором и срублю тебя. И спустило тут дерево свои ветви, да с такой силой, что от каждой ветки получила крикунья по тумаку, и отряхнулось дерево внезапно так, что груши забарабанили ей по голове и по телу, поколотив злючку до синяков.

Да к тому же от падения все груши побились, и не оказалось ни одной без пятна (7 позднее слева). И когда она в лесу предложила груши охотнику, то охотник лишь посмеялся над плохим товаром и ее уродством.

3. Сурка послали на чертову мельницу с ослом и мешком зерна, чтобы она намолотила муки. На той мельнице уже много лет не бывало ни одного человека, потому что с каждым случалось там несчастье, а многие и совсем не возвращались; но намеленная там

мука была все же не хуже, чем в других местах.

В этой беде Суток обратилась к духу колодца. И тот дал ей совет идти на мельницу не коротким, но неверным путем, а по правильно-му, длинному, ни на что не смотреть по дороге, не обращать внимания на то, что она услышит за изгородью, и всех диких животных, которых она встретит по дороге, касаться только пастишным посохом, и если она сможет сослужить кому-нибудь службу, то сделать это, и грубым людям отвечать вежливо. А злым собакам мельника бросить этот пирог, и не касаться дверного молотка, а поднять камень и бросить его в дверь. Если же мельник разрешит ей нарвать букет цветов в своем саду драгоценных камней, то она ни в коем случае не должна рвать цветы сама, даже если мельник будет настаивать, а уходить лучше без букета.

Суток собралась в дорогу, но не прошла она ста шагов, как услышала за изгородью спор двух женщин о дележе краденного ⁽¹⁾, да такой смешной спор, что Суток стало вскоре интересно. Но она образумилась и пошла дальше. Но изгородь тянулась между большой дорогой и узкой тропинкой, по которой она шла; и Суток очень захотелось взглянуть в дырку, что происходит за изгородью, но бобер предостерег ее толчком. И встретились ей большие дикие

животные, но едва она коснулась их посохом, как они все попадали мертвые. Мельница стояла на краю луга, и услышала Сурок, что у колодезного журавля кто-то кричит. Подошла она ближе и увидела, что к журавлю подвешен ребенок и едва держится над водой. Сурок, не раздумывая, бросилась к колодцу и выхватила ребенка [из люльки]. Между тем появился медведь и хотел прогнать Сурка, но она ударила его посохом и убила.

Когда с мокрым ребенком на руках подошла она к мельнице, на нее набросились четыре собаки; и как швырнула она им кусок пирога, они присмирели, словно овцы. Потом Сурок взяла камень и бросила его в дверь и она тотчас же распахнулась.

Что за манера стучаться, — закричал мельник, — не видите дверного молотка, что ли? — Милостивый государь, — ответила Сурок, — если бы вы знали! — Не надо мне извинений! В другой раз так не поступайте, я шуток не люблю. Да ладно, раз уж вы здесь, то входите и говорите, что вам надо.

Сурок подошла к огню, чтобы обсушить ребенка. Мельник и мельничиха сразу узнали в нем собственного сына и стали приветливей, когда Сурок рассказала им историю его спасения. Мельник вышел на луг и действительно нашел там мертвого медведя.

Мельник провел Сурка по мельнице и показал ей все свои богатства, и особенно подземную кладовую, куда никогда не заглядывает солнце, но где по 4 углам горят светильники из карбункулов, что ярче белого дня. Сад был обнесен золотой решеткой, и стояли в нем деревья, плодоносившие драгоценными камнями, а на земле росли тысячи цветов, и тоже из драгоценных камней.

(Мельник рассказал Сурку свою историю. Отец мельника как-то заметил однажды, что все, что попадает на мельницу — и зерно, и мука, и его деньги, — растет и умножается само собой. Всякий раз, как пересчитывал он деньги, обнаруживал, что их стало больше: медные монеты становились серебряными, а серебряные — золотыми. Однажды, когда он стоял в своем саду, опершись на мотыгу, и размышлял над тем, откуда валит ему счастье, мучаясь неопределенностью и желая, чтобы великодушное существо открылось ему и давало бы меньше, — у него под ногами вдруг зашевелилась земля; мельник подумал, что это крот, и тихонько поднял мотыгу, чтобы убить его, но перед ним предстал маленький черный дух земли и сказался виновником его счастья. Старый мельник женился на духе земли, и тот предложил ему свои услуги; мельник вступил с духами в родство и стал бесконечно богат, но

внешне продолжал жить как простой мельник. Он захотел сделать мельником и своего единственного сына, а тот во что бы то ни стало хотел учиться и преуспел в этом, однако, уступая отцу, ремесла не бросил. Работы, к несчастью, становилось все больше, потому что эта мельница молола значительно лучше, чем все другие; сыну мельника вздохнуть было некогда, и он впал в отчаяние. Потому что приходилось постоянно отрываться от своих глубокомысленных занятий, чтобы принимать у простых крестьян зерно и смальывать его в муку; думал он, думал и, чтобы отбить у людей охоту приходить к нему, решил сделать дорогу к мельнице трудной и небезопасной. В этом помогли ему подземные духи; о мельнике пошла дурная слава, он зажил счастливо и спокойно.)

Мельник предложил Сурку нарвать в подарок ей цветов, но она, поблагодарив его, отказалась, и тогда он сам нарвал ей два букета, один для нее самой, другой — для ее мачехи, и [сказал], что, когда на ее букете цветы утратят блеск и опадут, это будет знаком большой опасности для нее; тогда она должна сразу положить букет в молоко, после чего весь дом погрузится в глубокий сон, и обыскать все ящики и коробки, пока не найдет она свечу с | син<им> | красно-черным фитилем, и поло-

жить на ее место другую свечу, внешне совершенно такую же, которую он ей даст.

4. Сурок вернулась домой и принесла мачехе букет цветов, который вскоре превратился в сожженный уголь, но как только Сурок его коснулась, он принял прежний вид. Злая сестра тоже захотела сходить на мельницу, но добрая Сурок предупредила ее обо всех опасностях и подарила ей оставшийся кусок пирога для собак, но сестра съела его по дороге сама. На лугу увидела она пастуха, который лежал, закрыв свое лицо от мух; между тем пришли разбойники и украли весь скот, но злая сестра Сурка его не разбудила. Перед мельницей на нее напали собаки и покусали; схватившись за дверной молоток, она обожгла себе руку, потому что мельник держал молоток раскаленным, чтобы его не обсиживали мухи. Она разговаривала с мельником очень грубо, но тот отвечал вежливо, смолол ей зерно и под конец разрешил нарвать в своем саду букет цветов. Вместо этого она набила себе карманы драгоценными камнями и потоптала всю растительность. Между тем пастух вернулся домой и объявил о краже скота. — Почему же ты не позвал никого на помощь? — спросил мельник. Он бы позвал, если б не спал, — прервала его насмешливо злючка. — Вот дурак так дурак, потешил он меня. — Так вы видели, как крали скот, и не

разбудили его? — А зачем, — ответила она хохоча, — какое мне до этого дело, я не скотница и у вас не служу. — Разгневанный мельник указал неблагодарной на дверь; по дороге она услышала, как за изгородью два мужских голоса говорят о шести найденных золотых и о том, как теперь припеваючи они заживут. Недолго думая, она перелезла через изгородь, схватила одного мужчину, который не успел убежать, потому что хотел сначала спрятать свои золотые, и потребовала у него два золотых, пригрозив, что донесет на него, за что мужчина сильно поколотил ее. Побитая и понурая вернулась она наконец домой, и, когда мать высыпала принесенное из мешка, оказалось то не мукой, а сплошь червями и мухами, которые, вылетев, облепили лица злой мачехи и злой сестры, и освободились они от них, лишь окуная лица в горячую воду. Залечив раны, сестра решила утешиться драгоценными камнями, повешала их по всему телу и в таком убранстве легла в кровать. Едва она заснула, как ее разбудили тысячи уколов: цветы превратились в ос и шмелей; мать схватила метлу, чтобы отогнать их, но они впились ей в лицо, и обе вновь окунулись в горячую воду и вылезли оттуда полумертвые. А дочку осы ослепили на один глаз.

*Мать
хватает
также одну
розу, и шип
глубоко
вонзается ей в
руку.*

5. Отправилась мачеха к злой колдунье, и та

дала ей волшебную свечу, с которой была связана жизнь падчерицы; надо только зажечь свечу, дать догореть, а потом бросить наземь со словами: умереть ей, как сгорела ты (³ позднее справа), что создана ей на погибель! И однажды вечером, перед сном, захотела Сурок взглянуть, как всегда, на свой букет; и многие камни с него уже попадали, и Сурок, не раздумывая и не колеблясь, тут же положила букет в горшок с молоком. И все в доме уснули, даже собаки, и пошла она по дому в поисках той свечи и забрала ее, подложив другую. После чего она вынула букет из молока, и цветы на нем вновь засверкали, и улеглась спать.

6. Между тем близилась свадьба Сурка-красавицы с королевским сыном; и в брачную ночь решила мачеха зажечь восковую свечу и подсунуть в брачную постель свою дочь. Зажгла она свечу и легла спать; в тяжелом сне привиделась ей дочь, которая кричала: ах, матушка, что ты делаешь, ты сведешь меня в могилу. В испуге, боясь, что свеча сгорела, мачеха проснулась, но свеча продолжала светить, и от нее оставалось совсем немного; когда свеча догорела, мачеха бросила тлеющий фитиль наземь со словами: умереть ей, как сгорела ты, что создана ей на погибель! И услышала тут мачеха крик: ах, ты, злая мать, что ты

наделала! От страха мачеха спряталась в постель.

На следующий день невеста должна была надеть, по обычаю, непроницаемую вуаль; и мачеха подумала, что это ее дочь, а Сурок мертва; но когда невеста приподняла вуаль, мачеха страшно испугалась, побежала в комнату дочери, откинула занавес над кроватью (4 позднее справа) и увидела, что дочь ее превратилась в черный уголь. И призналась тут мачеха во всех своих грехах и, обезумевшая, выбросилась {на скалы} из окна замка.

В Юной американке, или коротании досужих часов на море. перев. из различных языков. Ульм. 1765. Ч. 1. С. 232—358 и ч. 2. 1—348, содержится неопишимо пространный и плохой рассказ, озаглавленный: Водяные нимфы. С этой, 474 стр., взяты вышеприведенные, по своей основе безусловно подлинные, но испорченные сказочные предания с пропуском всех якобы персидских любовных и придворных историй. Из какой франц. книги все это переведено?



39 *Добрый пластырь*

Две портновских дочки, из которых одна была очень умная, а другая очень глупая, получили в наследство старый добрый пластырь, приносивший им деньги, на которые они жили помимо заработка от шитья.

Однажды, когда старшая сестра пошла в церковь, пришел к дурочке один еврей. «Продаю прекрасный новый пластырь или меняю его на старый. Вы не хотите?» Дурочка достала старый пластырь и отдала его еврею в обмен на новый; а еврей знал достоинства старого.

Вернувшись домой, старшая сестра сказала: <"> Надо бы нам опять сделать немного денег». — «Как хорошо! Пока тебя не было, я получила в обмен на наш старый пластырь новый и свежий. <">

в конце концов еврей превращается в собаку, а обе девушки в кур; потом они вновь становятся людьми и избивают собаку до смерти.

Изустно



Жила-была мать, и было у нее три сына, которые во время богослужения играли в карты. Когда проповедь кончилась, мать выбрала их за безбожие и прокляла их, и стали они тремя черными воронами и улетели.

Сестрица их пригорюнилась и отправилась на поиски братьев. Она взяла с собой стульчик, чтобы отдыхать в дальней дороге, и в пути не ела ничего, кроме яблок и груш. Но никак не могла она отыскать трех воронов; и вот однажды один из них пролетел над ее головой и бросил наземь кольцо, которое сестрица подарила когда-то младшему брату.

Вот пришла она на край света и обратилась к Солнцу, которое было, однако, очень горячим и поедало детей. Потом сестрица совершила путешествие на Луну, но Луна была злой и сказала: чую-чую человечину. Собрались тут все звезды со своими домиками, и Луна дала сестрице куриную ножку, без которой она не сможет войти в хрустальный замок, где жили ее братья. Взяла сестрица куриную ножку, завернула ее в платочек и пошла, и пришла она к воротам хрустального замка. И когда сестрица захотела достать куриную ножку, оказалось, что она ее потеряла по дороге. И сестрица не

знала, что делать, и в конце концов отрезала себе пальчик и открыла им ворота. Навстречу ей вышел карлик и сказал: господ воронов нет дома. Карлик принес три тарелочки и три маленьких чашечки, и сестрица немного поела из каждой тарелочки и немного попила из каждой чашечки и положила рядом колечко. И услышала тут она в воздухе шум, и карлик сказал: господа вороны домой возвращаются. И каждый из воронов спросил: кто ел из моей тарелочки? Кто пил из моей чашечки?

Но в конце концов узнали они сестрицу по колечку, были расколдованы и отправились домой.

Эпизод с хрустальным замком есть и в другой сказке: жила-была заколдованная принцесса, которую никто не мог расколдовать, потому что ее посадили в хрустальный замок. Пришел однажды молодой подмастерье в харчевню, и поставили перед ним вареную курицу; он собрал все косточки, и пошел к хрустальному дворцу, и, втыкая косточки в хрусталь, поднялся до замка. И оставалась ему только одна ступенька, и не хватало ему всего лишь одной куриной косточки, и отрезал он себе мизинец, воткнул его в хрустальную гору, вошел в замок и освободил принцессу.

Жила-была принцесса, помолвленная с принцем, и жених часто просил ее хоть раз навеститься в его замок; но невеста всякий раз отнекивалась из боязни заблудиться в лесу. Тогда пообещал ей принц, что привяжет к каждому дереву по ленте и невеста не сможет заблудиться, но она еще очень долго медлила, но в конце концов согласилась.

Поехала она в лес и приехала к большому дому, в котором царила тишина и была в нем только одна старая женщина. И невеста спросила, где принц. Женщина ответила: ах, как неудачно вы пришли, принца нет дома; а мне нужно набрать воды в большой котел, потому что он хочет вас убить, сварить в котле и съесть.

Между тем вернулся с грабежа принц со своими сообщниками, и старуха спрятала принцессу в чулан за большой бочкой. А разбойники пошли как раз в чулан, таща за собой пойманную ими женщину, которая была бабушкой принцессы — принцесса это все видела из своего уголка. Разбойники убили бабушку, стянули у нее с пальцев все кольца, а кольцо с безымянного пальца никак не снималось; тогда этот палец они отрубили, и он отлетел за бочку и

упал прямо в подол принцессы. Напрасно искали разбойники этот палец по всему чулану; и один из них сказал наконец: а вы посмотрели за большой бочкой? А другой сказал: оставьте поиски до света, поищем рано утром и тогда найдем кольцо непременно.

Улеглись разбойники спать, и когда они уснули и захрапели, принцесса вышла из-за бочки, разбойники лежали на полу вповалку. И ей пришлось перешагивать через спящих, [осторожно] ступая между ними, пока не выбралась наконец наружу и по лентам в лесу счастливо добралась до дому. Рассказала она своему отцу, что с нею случилось, и к приходу жениха отец повелел окружить весь замок стражей. Когда жених спросил принцессу, почему же {все-таки} она к нему не пришла, она ответила, что ей приснился страшный сон (и рассказала все, что видела в его доме, представив это как сон, — и все повторяется дословно), и в конце сказала ему: «А вот и палец!» — и вынула его.

Принц попытался бежать, прыгнул в окно, но стража его поймала, и он был казнен со всеми своими сообщниками.

Изустно



Жила-была маленькая девочка, которой дали льняную пряжу, чтобы она пряла из нее лен; но как она ни пряла, нити выходили у нее золотыми, а льна не получалось. Девочка опечалилась, села на крышку и снова начала прясть и пряла три дня, но не получалось ничего, кроме золота. Подошел к ней тут маленький человечек и сказал: я помогу тебе в беде; проедет мимо юный принц, он на тебе женится и увезет тебя, но ты пообещай мне, что твой первый ребенок будет моим. Маленькая девочка пообещала. Вскоре после этого проезжал мимо прекрасный юный принц; он увез девочку и | обещал | сделал ее своей супругой. Спустя год родила она ему красивого мальчика; тут появился у кровати маленький человечек и потребовал ребенка себе. Мать предлагала взамен ему все; но тот не взял ничего, а дал ей только три дня времени, и если и в последний день она не угадает, как зовут человечка, то должна будет отдать ему ребенка. Долго думала принцесса, уже два дня она думала, и никак не могла отгадать его имени. На третий день приказала она своей верной служанке пойти в лес, из которого появлялся маленький человечек. Та пошла в лес ночью; и тут увидела она, как

* Громых, тихонько, или колотушка (см. коммент.).

человечек скачет вокруг большого костра верхом на поваренной ложке и кричит: если б принцесса знала, что зовут меня Громыктишунчиком! Если б принцесса знала, что зовут меня Громыктишунчиком! Служанка поспешила сообщить об этом принцессе, и принцесса очень обрадовалась. В полночь пришел маленький человечек и сказал: назови мое имя, а не то я заберу ребенка. И стала она тут перечислять всевозможные имена и наконец сказала: а не зовут ли тебя Громыктишунчиком? И как только человечек это услышал, он испугался и сказал: верно, черт тебе подсказал. И вылетел на поварешке в окно.

Изустно



Была однажды зима, с неба падал снег, и королева сидела у окна из черного дерева (³ позднее справа) и шила; королеве очень хотелось иметь ребенка. И, думая об этом, она нечаянно уколола палец иголкой, и на снег упали {две} три капельки крови. И загадала она тут желание и сказала: ах, был бы у меня ребенок, белый, как этот снег, краснощекий как эта красная кровь, и черноглазый, как эта оконная рама!

Вскоре после этого родила она дивно красивую дочку, белую, как снег, краснощекую, как кровь, черноглазую и черноволосую, как черное дерево. Госпожа королева была прекраснейшей женщиной в стране, но Белоснежка была в сотни тысяч раз прекрасней, и когда госпожа королева спросила свое зеркало:

Зеркальце, а зеркальце на моей стене,
Кто самая красивая в британской стороне? —
зеркало ответило: госпожа королева самая красивая, но Белоснежка в сотни тысяч раз красивее.

Госпожа королева не могла этого стерпеть, потому что самой прекрасной в королевстве хотела быть она сама. И когда господин король уехал однажды на войну, велела она запрячь

свою карету и приказала ехать в большой, темный лес, и взяла Белоснежку с собой. А в этом лесу росло много очень красивых роз. Приехав с дочкой в лес, она сказала: ах, Белоснежка, выйди и нарви мне красивых роз! И когда та, послушавшись приказания, вышла из кареты, {карета укатила} колеса укатили прочь карету так быстро, как только могли, потому что госпожа королева так приказала, надеясь, что дикие звери вскоре съедят Белоснежку. (¹³ позднее на левом поле)

Оказавшись одна-одинешенька в большом лесу, Белоснежка горько заплакала и пошла все дальше и дальше в лес; и вскоре очень устала; пришла она в конце концов к маленькому домику. В домике жили семь гномов, и были они как раз на работе в руднике. Вошла Белоснежка в их жилище и увидела стол, а на столе— 7 тарелок, и рядом с ними 7 ложек, семь вилок, 7 ножей и 7 стаканов, а в глубине комнаты стояли семь кроваток. И Белоснежка поела с каждой тарелочки немного овощей и хлеба, и пригубила из каждого стаканчика, и от усталости решила наконец лечь и поспать. Перепробовала она все кровати и не нашла ни одной, что была бы ей впору, кроме последней, в которой она и осталась.

Вернувшись с работы домой, каждый из гномов сказал:

кто ел с моей тарелочки?
кто отщипнул от моего хлебушка?
кто ел моей вилочкой?
кто резал моим ножичком?
кто пил из моего бокальчика?

А потом первый гном сказал:

кто измял мою кроватьку?

И второй сказал [:]

ой, и в моей кроватике кто-то лежал!

И третий, и четвертый, и остальные сказали то же самое, пока они не нашли Белоснежку в седьмой кроватике. И так она им понравилась, что они сжалились над ней и оставили ее в кроватике, и седьмому гному пришлось потесниться с шестым, что он и сделал, как мог.

Когда на следующее утро Белоснежка выспалась, гномы спросили ее, как она сюда попала, и она рассказала им все, и то, что госпожа королева, ее матушка, бросила ее в лесу одну и уехала. Гномы посочувствовали Белоснежке и предложили остаться жить у них и готовить им еду, когда они будут уходить в рудник; а при этом ей надо остерегаться госпожи королевы и никого не пускать в дом.

Когда госпожа королева услышала, что Белоснежка не погибла в лесу, а живет у 7 карликов, она переделалась в платье старой торговки, пришла к дому и попросила впустить ее с товаром. Белоснежка не узнала ее и

сказала в окно: я не могу впускать никого. И сказала тогда торговка: посмотри, дорогое дитя, какие красивые у меня шнурки, я тебе их дешево продам! Белоснежка подумала: мне как раз очень нужны шнурки; ничего ведь не случится, если я впущу эту женщину и сделаю удачную покупку; и она открыла дверь и купила шнурки. И когда она их купила, торговка стала говорить: ах, как неряшливо ты зашнуровалась, как ты выглядишь, дай я зашнурую тебя как следует. С этими словами старая женщина, которая была госпожой королевой, взяла шнурки и зашнуровала Белоснежку, да так туго, что та упала замертво, а госпожа королева ушла.

Когда гномики вернулись домой и увидели расprostертую Белоснежку, они быстро поняли, кто тут побывал, и быстро-быстро расшнуровали ее, и она пришла в себя. И они попросили ее быть впредь осторожней.

Узнав, что ее дочка опять жива, госпожа королева потеряла покой и, переодетая, вновь пришла к дому и стала торговать Белоснежке прекрасный гребешок. И так как Белоснежке этот гребешок очень понравился, она попалась на хитрость и открыла дверь; старуха вошла и начала расчесывать ее золотые волосы, и воткнула гребешок ей в волосы, да так, что Белоснежка упала замертво. Вернувшись до-

мой, 7 гномов увидели, что двери распахнуты, а Белоснежка лежит на земле, и они тотчас же поняли, кто виновник этой беды. Они не медля вынули гребень у нее из волос, и Белоснежка ожила. И сказали ей, что если она еще раз даст себя одурочить, они не смогут уже помочь.

Госпожа королева ужасно разозлилась, узнав, что Белоснежка снова жива, и в третий раз переделась, теперь уже крестьянкой, и взяла яблоко, которое было наполовину отравленным, и как раз с румяной стороны. Белоснежка была очень осторожна и не открыла двери женщине; но та протянула ей яблоко в окно и так притворялась, что ничего нельзя было заподозрить. Белоснежка надкусила красивое яблоко с румяной стороны и упала замертво.

Вернувшись домой, семеро гномов уже ничем не смогли ей помочь и, охваченные горем, устроили по Белоснежке большой траур. Они положили ее в стеклянный гроб, в котором она полностью сохранила свой прежний облик; написали на гробе ее имя и откуда и кто она родом, и денно и ночью прилежно несли караул у гроба.

Возвращался однажды король, отец Белоснежки, в свое королевство и проезжал через тот же лес, где жили 7 гномов. Увидав гроб и надпись на нем, впал он в великую скорбь по смерти своей любимой дочери. Но в свите были

*В таком виде
концовка
неподлинна и
неполна*

при нем очень опытные врачи, они выпросили тело покойной у гномов, взяли его и подвесили на канатах по четырем углам комнаты, и Белоснежка вновь ожила. После чего все поехали домой; Белоснежка обручилась с прекрасным принцем, и на свадьбе накалили в очаге докрасна пару туфель, в которые обули затем королеву и заставили ее в них танцевать, пока та не упала замертво.

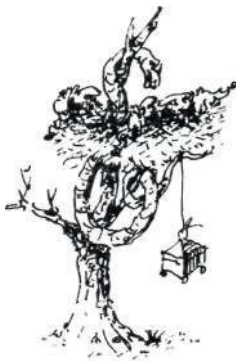
по другим рассказам, гномики 32 раза постучали волшебным молоточком и тем ее оживили.

Другое начало

[сказки о Белоснежке]

Жили-были граф и графиня; однажды отправились они куда-то вместе и проезжали мимо трех сугробов белого снега, и сказал тут граф: хотелось бы мне дочку, белую, как этот снег. Поехали они дальше и наехали на три ямы, полные красной крови; граф и тут загадал желание и сказал: была бы у меня дочка с такими же красными щеками, как эта кровь. Пролетели вскоре мимо них три ворона, черные, как уголь, и граф вновь пожелал дочку с волосами такими же черными, как эти вороны.

И в конце концов встретила им девочка, белая, как снег, красная, как кровь, и черная, как вороны; она-то и была Белоснежкой. Граф тотчас посадил ее в карету, но графине это не понравилось, но она не знала, что делать, и наконец придумала: выбросила за дверь свою перчатку и приказала Белоснежке принести ее; когда же девочка вышла, карета на большой скорости укатила. И т. д.



44 Два трубочиста-подмастерья
*они подмастерья вязальщика
метелок <J>*

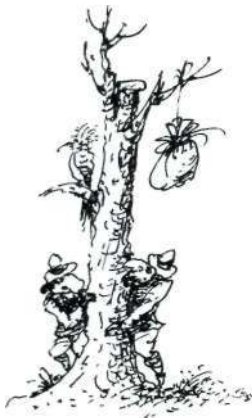
Жили-были вместе два трубочиста-подмастерья, у которых была еще сестрица, и они должны были кормить и ее. Трубочисты же не могли купить себе даже метелок для чистки труб и вынуждены были ходить в лес за березовыми ветками. Однажды утром пошли они в лес, и младший залез на дерево, чтобы нарубить веток, и увидел он там гнездо, в котором сидела темноперая птичка на золотых яичках, которые поблескивали у нее сквозь крылья. Он коснулся ее рукой, но птичка спокойно осталась сидеть; он вытащил у нее из-под крыльев золотые яички и спустился с ними с дерева. Оба брата очень обрадовались, пошли домой и понесли золотые яички к золотых дел мастеру, который дал им много денег, так как то был очень чистый металл. И каждое утро ходили они в лес и забирали у птички золотое яичко, которое она снесла за ночь, и вскоре разбогатели. Но однажды птичка сказала: теперь я больше не буду нести яичек, но отнесите меня к золотых дел мастеру и вы будете счастливы. Они так и поступили, снесли птичку к мастеру, и, когда золотых дел мастер остался с птичкой наедине, птичка запела:

Кто сердце съест мое,
Тот будет королем;
Кто печень съест мою,
Тот будет по утрам в подушках находить
набитую мошну.

Как только золотых дел мастер это услышал, он быстренько послал к трубочистам-подмастерьям и велел им сказать, что, если они оставят ему птичку, он женится на их сестре. И они были этим довольны. И когда наступил день свадьбы, птичку зарезали и надели на вертел для поджаривания. И к вертелу приставили обоих трубочистов-подмастерьев. Они должны были его поворачивать. Пока они крутили вертел и жаркое поспевало, из него вывалился кусочек. А ну-ка, — сказал один, — дай я попробую, — и съел кусочек. Вскоре выпал еще один кусочек, который съел другой подмастерье. И были эти кусочки сердцем и печенью птички.

Когда зажаренную птичку подали к столу, золотых дел мастер решил съесть и то и другое | сердце и печенку и разделал птичку; но ни того, ни другого в птичке не оказалось. Разгневанный, встал он из-за стола и спросил: кто съел сердце и печень? И оба трубочиста-подмастерья сказали, не чувствуя за собой вины (⁵): это мы их съели. Тут разъярился золотых дел мастер и закричал: раз вы съели

сердце и печень, то не буду я жениться на
вашей сестрице, — и прогнал их всех —
(Фрагмент. Изустно)



45 Принц-лебедь
(Фрагмент. Изустно)

Когда девочка зашла в середину дремучего леса, повстречался ей Белоснежный Лебедь с клубком ниток и сказал девочке: я заколдованный король, но ты можешь освободить меня, размотав этот клубок ниток; | но | если же ты порвешь нитку, то я уже никогда не попаду в свое королевство и не буду расколдован. Когда девочка взяла клубок в руки, лебедь медленно начал подниматься в воздух, и нитка легко сматывалась с клубка. Так простояла девочка весь день, разматывая клубок; и вот наступил вечер, и был уже близок конец, как нитка внезапно оборвалась. Девочка села и горько заплакала. Между тем настала ночь, в небе замерцали звезды, и ветер повеял в темном лесу. Долго блуждала девочка, пока наконец увидела вдали огонек; с трудом добралась она до него и оказалась перед маленьким домиком. Девочка постучала; из домика вышла старушка с добрым лицом и спросила девочку, чего ей надобно. Ах, — сказала девочка, — дайте мне на ночь приют и немного хлеба. Испугалась тут старушка и сказала: мой муж людоед; если он, вернувшись домой, обнаружит тебя, то погубит. Но все же впустила девочку и спрятала ее под

кроватью, но муж, придя вскоре домой, учуял ее. Чую-чую человечину [—] сказал он и вытащил девочку из-под кровати. После долгой мольбы старушке наконец удалось уговорить его, чтоб он дал пожить девочке хотя бы эту ночь. Утром, перед восходом солнца, когда людоед еще спал, старушка | пошла | подзвала девочку и сказала ей: убегай скорее, пока мой муж не проснулся; вот, возьми, | меня зовут | я дарю тебе золотую прялочку, блюдаи ее, а зовут меня Солнце. После этого девочка весь день пробиралась сквозь чащу; и вечером она вышла опять к домику, и случилось все, как и в предыдущем домике. На прощанье старушка дала девочке золотое веретенце и сказала: зовут меня Луна. На третий день случилось то же самое. Третья старушка дала девочке золотое мотовилочко и сказала: зовут меня Звезда, — и еще сказала: хотя нитка и оборвалась, принц уже был так далеко, что смог добраться до своего королевства. Он расколдован и живет в великолепии на стеклянной горе. Сегодня к вечеру ты доберешься туда (¹), но замок стерегут дракон и лев, поэтому возьми-ка еще этот кусок сала и этот кусок хлеба и брось их обоим чудовищам в пасти, и они тебя пропустят. Так все и случилось; дошла девочка до замка, но к королю попасть не смогла. Села она перед воротами замка и

принялась ткать на своей золотой прялочке. Вышла королева, и захотелось ей получить эту прялочку. Девочка пообещала королеве прялочку, если та позволит ей провести ночь рядом со спальней короля. Покои эти были устроены так, что король мог слышать все, что там говорилось. Девочка взяла арфу, которая там стояла, и пела всю ночь:

Ждет ли еще король-лебедь известий
О своей Юлианне-невесте?
У Солнца, Луны и Звезды она побывала,
Прошла через львов и драконов;
Не слышит разве во сне король-лебедь арфы
влюбленной?

Но король не просыпался, потому что хитрая королева дала ему сонный напиток. На другое утро девочка села перед замком ⁽²⁾ и принялась прясть на своем золотом ⁽¹⁾ веретенце. Королеве захотелось получить и веретенце, и девочка пообещала ей веретенце с тем же условием. Она пропела всю ночь, но королю опять дали сонного напитка. На третье утро девочка принялась мотать на своем мотовилочке и отдала мотовилочко королеве в обмен на то же разрешение, и, заметив обман, она уговорила слугу дать королю что-нибудь другое. И когда она ночью запела, король тотчас услышал ее голос и узнал ее, и со многими друзьями пришел к девочке, и она стала его супругой, после того

как королева сама сказала, что старый вновь найденный ключик лучше всех новых.

По другому, обычному, варианту этой сказки принц был превращен в голубя, который должен был лететь к красному морю, и он обещает своей возлюбленной ⁽²⁾, что каждые семь шагов он будет ронять по белому ⁽¹⁾ перышку с красной капелькой крови, чтобы возлюбленная могла за ним следовать; и вот она не находит больше перышек. Но продолжает идти вперед и спрашивает у звезд: звезды, вы видите далеко, не видали вы летящего голубя? — Нет, отвечают они и дают ей маленькую коробочку, которую при нужде надо открыть. Она приходит к луне: Луна, ты светишь всю ночь, ты не видала летящего голубя? — Нет, отвечает Луна и дает ей коробочку, чтобы девушка открыла ее в нужде еще большей. И она приходит к солнцу: Солнце | солнце |, ты светишь над всем миром, ты не видало летящего голубя? — Нет, отвечает Солнце и дает ей коробочку, чтобы открыть ее в самой большой нужде. Она приходит к ветру: Ветер, ты овеваешь все деревья, ты не видал | моего | летящего голубя? | Нет | Южный ветер видал летящего голубя, и | дает ей шкатулку | отец ветров дает девочке орех и | он | отправляет ее к

птице Гриф, которая сидит на берегу красного моря и может перенести девушку на другой берег; но посередине моря девушка должна обронить орех, чтобы выросло дерево, на котором Гриф мог бы отдохнуть.

Так все и случилось. В коробочках находились платья, одно со звездами, другие с лунным и солнечным светом, которые девочка отдает одно за другим второй супруге за право провести всякий раз (2) ночь рядом с покоями короля.

Известно



cf. le Bucheron et Merlin *.
cf. Дутя Марии.

46

Сказка.

Немая девочка

6-го апреля

Жил-был бедный человек, у которого было много детей. И однажды он ничего не смог заработать; и не стало у детей хлеба, и мать одолела кручина; решил тут отец положить конец своей злосчастной жизни; пошел он в лес, в самую чащу, чтобы повеситься. Но едва он приладил веревку, как показалась карета, запряженная четверкой вороных коней, подкатила к нему, и была она изнутри вся черная и вдруг остановилась: вышла из нее дева, тоже черная, и спросила бедняка: Что ты тут делаешь? [—] О, я хочу нарубить дров, — сказал он. Неправда, [—] сказала она, [—] мне это лучше знать; ты хочешь себя казнить. Затрясся тут бедняк, а она снова заговорила и спросила [:] но почему ты хочешь лишить себя жизни? [—] Ах, [—] сказал бедняк, [—] дела мои совсем плохи, не могу я больше прокормить свою жену и детей. Если только в этом причина, |—| сказала улыбаясь дева, [—] то ступай домой; в кустах, перед дверью дома ты найдешь достаточно денег; но обещай мне отдать то, что сокрыто у тебя в доме. Охотно! [—] радостно сказал бедняк и поспешил домой, так и не поблагодарив черную деву.

Придя домой, полез он в кусты и нашел

* Ср. Дровосек и Мерлин (фр.).

там полный мешок денег. Принес он его домой и все рассказал жене. Запричитала тут жена, заголосила [:] мое дитя! мое дитя! [—] и стала как безумная. Муж спрашивает, что с ней (³), а она все рыдает: Ах, что ты наделал? Ты не подумал, что я вынашиваю ребенка? Это о нем, сокрытом, и говорила дева. Муж тоже загоревал, и супруги решили отворотить несчастье набожной жизнью. Родилась девочка. И явилась прекрасная черная дева, чтобы взять обещанное. Мать отпросила у нее дитя на три года, потом еще раз на несколько лет и еще, пока девочке не исполнилось 12 лет. И забрала ее тут дева без всякой жалости. Они ехали очень долго, пока не въехали в большой лес и не прибыли к большому черному замку. Вышли они из кареты, и дева говорит девочке: тебе будет хорошо у меня, ты сможешь все видеть и всем наслаждаться, и за это ты должна только подметать; я запрещаю тебе заглядывать лишь в эту комнату, ни в замочную скважину, и никаким другим образом. Девочка выдержала четыре года строгого послушания, но все время мучилась любопытством, так хотелось ей заглянуть в ту комнату. И в конце концов она заглянула в щелку двери. — И в тот же миг всполошились четыре черные девы, которые, казалось, были погружены в чтение книги, и хозяйка появилась со слезами перед девочкой и

сказала: «теперь я должна отвергнуть тебя и сделать несчастной; какого чувства или какой способности готова {если ты /:хочешь:/} ты лишиться в себе?»^{<">} Девочка выбрала речь. Ударила ее тогда дева по губам, так что кровь брызнула, и вышвырнула из дома. — Настал вечер, и бедная девочка устроилась ночевать под деревом. Она хорошо выспалась, и наутро проснулась веселой; ласково светило солнышко, и перед ней стоял прекрасный юноша. Он взял девочку с собой и захотел на ней жениться, но он был сыном короля, и его мать не дала согласия. Но он все-таки женился на девочке и зажил с ней счастливо. Пришло время, и она родила ему сына. Король очень обрадовался этому, ибо сын был столь же прекрасен, как и мать. Бабка разозлилась, но притворилась ласковой и уговорила своего сына оставить ночью жену, она-де поухаживает за ней сама. Он уступил ей; но как только он ушел, бабка схватила ребенка, бросила его в воду, обрызгала лицо роженицы кровью и завопила о помощи. Явился король, и она сказала ему, горько рыдая: «Ах, какая же у тебя жена, посмотри-ка, едва я заснула, как она сожрала своего ребенка!»^{<">} Роженица расплакалась, и король простил ей; и так было еще с 2 детьми подряд. И повелели тут сжечь людоедку; и она была уже на костре и уже горела, как подлетела

черная карета, и черная дева вошла в огонь и погасила его. Она снова ударила королеву по губам, и королева заговорила. Все собрались, и из кареты вышли еще три девы, и каждая дала королеве по ребенку, то были все ее дети. Осыпали ее тут черные девы милостями и богатством и благословили ее; и сменилась тут вдруг одежда на девах на праздничную и веселую, и сказали они, что были заколдованы. Королева расколдовала их, и теперь они опять счастливы. И покинули они свою воспитанницу в радости, а старая королева задыхнулась от злобы и зависти.

<после 46> *Другая* [сказка]

| Жил-был король, и было у него три сына, двое умных, а один очень глупый. И каждый хотел быть наследником королевских сокровищ. Послал их отец в странствие и сказал, [:] кто принесет самый прекрасный запах, тот и будет наследником. Вот пошли они, а дурак пришел к дому, где перед дверью сидела кошка. — Ты что голову повесил? — сказала ему кошка. Ах, ты мне не поможешь. — Ты все-таки расскажи мне, — сказала она. Он рассказывает, и кошка говорит [:] Если ты мне |

брат и сестра упали в воду, и их подхватила русалка. Она приставила их к тяжелой работе, приказав сестрице наполнять водою бездонную бочку, а братцу срубить дерево тупым топором. Дети потеряли в конце концов терпение и сбежали. Русалка бросилась за ними в погоню. Когда дети ее увидели, девочка бросила за спину щетку, которая стала большой горой щетины, и русалка с большим трудом перебралась через нее; но вот она снова стала догонять их. Тогда мальчик бросил за спину гребень, и между ними и русалкой выросла гребень-гора. Но преследовательница в конце концов и через нее перелезла и уже, было, схватила детей, но девочка бросила за спину зеркало, и стало оно стеклянной горою, которая была совсем гладкой, и русалка не смогла на нее взобраться и ушла восвояси в воду, а дети вернулись домой.

Изустно.



<перед 48> *1. О короле английском*

1001 ночь

| Когда три сестры гуляли однажды вблизи королевского замка, старшая пожелала себе в супруги придворного пекаря, средняя — виночерпия, а младшая — самого короля.

Когда королю доложили об этом, старших сестер он выдал за пекаря и виночерпия, а младшую призвал к себе. Из стыдливости она поначалу не хотела выполнить приказание, но в конце концов пришлось ей повиноваться, и король взял ее в жены, и она пообещала, что вскоре обрадует его златовласым принцем; по сему и стало. Обе других сестры от зависти к младшей вместо принца, которого они положили в короб и бросили в протекавшую там реку, принесли королю собаку, во 2-й раз — кошку, и в 3-й раз — крысу. Разгневался тут король и повелел отвести свою супругу в ближайший лес и там оставить. — Садовник короля случайно подобрал всех 3 | принцев | (2 принца и 1 принцессу) и воспитал их. Садовник умер, и все 3 остались при саде. Пришла однажды старая женщина и сказала принцессе, что для совершенной красоты недостает саду поющего дерева, говорящей птицы и желтой воды. Старший из двух братьев вызвался отыскать все это и оставил свой нож, и если нож начнет ржаветь,

то это значит, что он погиб. Некоторое время спустя нож заржавел, и оставшиеся подумали, что брат погиб. Теперь 2-й брат вызвался разыскать желаемое, но заржавел и его нож. Наконец, сама сестра решила пойти на поиски названных вещей, и пришла она к горе, которая со всех сторон обложена камнями и которую охраняет бородатый старик. Она постригла его, и старик сказал ей, что на этой горе она найдет то, чего ищет; но, поднимаясь на гору, она должна закрыть уши, чтобы не слышать голосов, которые будут звать ее за спиной, и не оглядываться, даже если ее жизни будет угрожать опасность. Она удачно взобралась на гору и нашла там желтую воду, говорящую птицу и поющее дерево. Спустившись, она увидела, что все камни превратились в людей, среди которых она обнаружила и своих братьев; и вернулись они вместе в свой сад, неся с собой найденное. Вскоре разлетелся слух об удивительном дереве и прочем, и пришел посмотреть на них сам король. От говорящей птицы он узнал о судьбе своих детей и вернул свою супругу. |



48 *II. Об Йоханнесе-Водяном
и Каспаре-Водяном*

У короля была дочь-принцесса, и он не хотел, чтобы она выходила замуж; и велел поэтому выстроить ей в лесу дом. Неподалеку оттуда был целебный ключ; и велела принцесса принести ей воды из этого ключа и выпила ее; и получилось, что от этого родила она двух принцев. Вырастила их, и король, которому об этом доложили много времени спустя, послал их учиться охоте. Вот отправились они, и каждый испросил у короля по серебряной звезде, лошади и собаке. В лесу они взяли на прицел двух зайцев, но те стали молить о пощаде и обещать им помощь в любой опасности. То же произошло с медведями. На распустье они разделились и воткнули свои ножи в ближайшее дерево; если какой-либо нож заржавеет, то один из двух, кто будет возвращаться по тому же пути, узнает, что другой погиб. Йоханнес-В<одяной> пришел в город, где все были в трауре; он спросил о причине и узнал, что принцесса должна быть отдана в жертву дракону, и кто ее спасет, станет ее супругом. Пытались обмануть дракона, послав ему камеристку, но напрасно; должна была ехать к нему сама принцесса. Вот появился дракон. Йоханнес-В<одяной> начал с ним сра-

жаться. Собака и медведь гасили травой огонь, который изрыгал дракон; и Йоханнес-В<одяной> отрубил дракону все его 7 голов и взял себе языки. Когда же он от усталости уснул, появился кучер принцессы, | и | заколол его кинжалом и, привезя в замок принцессу, женился на ней.

Пока Йоханнес-В<одяной> лежал мертвый, его звери увидели муравьев, которые опрыскивали своих мертвых соком ближайшего дуба и этим их оживляли. Медведь помазал этим соком Йоханнеса-В<одяного>, и тот ожил. Пошел он в город, где справляли свадьбу принцессы. Собака и медведь побежали во дворец, где принцесса вешает им на шею жаркое и вино. За ними следят до того места, где живет Йо<ханнес>-В<одяной>. Его пригласили на пир, и он пришел. Внесли поднос с 7 драконьими головами, которые прихватил с собою кучер. Йоханнес положил рядом семь языков и был признан настоящим супругом принцессы.

Вскоре после этого поехал он на охоту, где начал преследовать оленя с серебряными рогами; встретился со старухой, которая превратила его и его собаку, лошадь и медведя в камень.

Между тем его брат пришел к тому дереву, увидел заржавевший нож и решил отыскать брата; прибыл он в тот же самый город и по ошибке был принят за супруга принцессы.

Поехал он на охоту, встретил ту же самую старуху и (¹ над строкой) заставил ее вернуть прежний облик своему брату и его спутникам. Братья узнали друг друга, поехали в замок, предварительно договорившись, что супругом принцессы будет тот, кому она первому бросится на шею, и это произошло с Йоханнесом-Водяным.



49 III. О плотнике и столяре

Оба должны были сделать кунштюки; плотник сделал рыбу, которая может плавать; столяр — крылья. Изделие второго было отвергнуто. Столяр ушел и вечером полетел. Увидал это юный принц и попросил дать ему на время крылья; полетел он на них и приземлился в другой стране у башни, которая была освещена многочисленными огнями; он спросил о причине и узнал, что здесь находится самая прекрасная принцесса на свете. Принцу очень захотелось ее увидеть, и вечером он прилетел к ней через окно, но был обнаружен и приговорен к сожжению на костре вместе с принцессой. Возшли они на костер, и, когда пламя уже к ним подбиралось, он улетел вместе с принцессой с помощью своих крыльев. Они приземлились на родине принца и узнали, что отец принца повсюду ищет своего сына; принц открывает, кто он, и его выбирают королем. Через некоторое время принц узнал, что отец принцессы обещает полцарства тому, кто вернет ему дочь. И принц отправился с войском и принцессой к ее отцу и вынудил его выполнить данное обещание, после чего он возвратил его дочь.

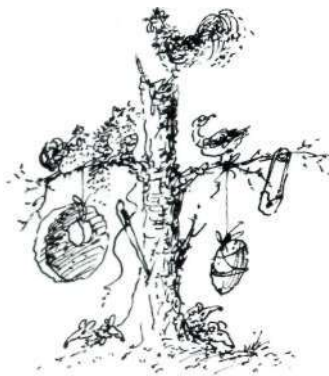


<после 51> *Господин Корбес*

Жили-были курочка и петушок, и захотели они путешествовать; построил петушок красивую карету с красными колесами и запряг в нее четырех мышат; после чего курочка с петушком уселись в нее и поехали. Набежала тут кошка и спросила петушка, куда они едут? И сказал петушок: Собрать кости к господину Корбесу в гости. А кошка и говорит: Возьмите и меня с собой. Петушок отвечает: Охотно, но только сзади нужно садиться, чтобы спереди не свалиться, и прошу аккуратнее быть, чтоб мне красные колесики не загрязнить, а вы, колесики, катитесь, вы, мышата, торопитесь, мы едем на кости, к господину Корбесу в гости.

Так набрались к ним друг за другом жернов, яйцо, утка, булавка и иголка. Уселись они в карету, и, когда приехали к господину Корбесу в гости, того не оказалось дома. Мышки откатали карету в каретный сарай, петушок с курочкой уселись на шест, кошка забралась в камин, утка — в колодезное ведро, булавка воткнулась в подушку стула, иголка — в {подушку на кровати} в кровать, жернов устроился над дверями, а яйцо завернулось в полотенце. Явился господин Корбес домой, подошел к камину и захотел зажечь огонь; и кошка (¹ позднее над

строкой) засыпала ему лицо пеплом. Господин Корбес побежал в кухню, чтобы умыться; но когда {только} он подошел к ведру, как утка плеснула в него водой; когда он захотел утереться, из полотенца выпрыгнуло на него яйцо, разбилось и склеило ему глаза. Господин Корбес сел на стул, и его уколола булавка; тут он совсем расстроился и лег в кровать, где в него вонзилась иголка. Господин Корбес так разозлился, что бросился вон из дома, но едва оказался он у дверей, как свалился на него жернов и убил насмерть.



Жил-был граф, которого звали граф Изанг. И была от него в страхе вся страна, потому что жил он без Бога в душе и ежедневно занимался грабежом и совершал неслыханные кощунства. Однажды ворвался он в святую монастырскую обитель Линдау, похитил прекрасную юную монахиню и произвел над нею насилие. Монахиня была его сестрой, но граф этого не знал, и она тоже не знала, потому что ее юную жизнь родители посвятили Богу именно из-за него. И когда графу монахиня надоела, он отослал ее с богатым покаянием обратно в монастырь и продолжил свою распутную жизнь, и небеса, казалось, не желали его наказывать.

Когда некоторое время спустя его фишмейстер принес ему белоснежную рыбу, пойманную в замковом пруду, да такую, какой доселе никто еще не видывал, граф, очень хорошо знавший толк в подобных вещах, тотчас заметил, что это не рыба, а белая змея, и очень обрадовался, ибо отлично понимал, что будет с тем, кто съест это редкостное блюдо; что благодаря ему графу станет понятен язык птиц. И он повелел приготовить это блюдо и из боязни, что тайна станет известна и другим, приказал своему слуге под страхом строгого

наказания не прикасаться к блюду. Но граф не смог съесть все сразу, и остался небольшой кусочек, который шkodливый слуга тайком проглотил.

Вскоре после этого во дворе закукарекал петух. И, чтобы испытать своего слугу, граф сказал: «Дорогой мой слуга, что прокукарекал петух?» И слуга тут же ответил: «Петух кричит, что замок вскоре будет разрушен!» Граф разозлился и сказал: «Ах ты, злодей, почему ты преступил мой запрет и поел рыбы; раз ты знаешь о нашем несчастье, иди и седлай моего коня, чтобы мы вовремя смогли бежать».

После этого граф Изанг пошел на двор и отчетливо услышал, как куры, гуси и голуби только и говорили что о его пороках, его наказании и близком разрушении великолепного замка. И только петух утешающе кукарекал, что граф сумеет спасти свою жизнь, если только покинет замок до захода солнца. Граф сел на самого быстрого своего коня, а солнечные лучи светили уже из-за гор. А петух неустанно кукарекал:

Убегай, убегай,

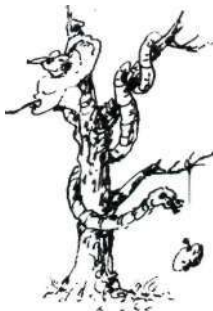
Пока виден солнышка край!

Ударил тут граф шпорами, но еще раз быстро обернулся и разрубил слуге голову, чтобы не распространилось среди людей знание языка животных.

Убегай, убегай,
Уже виден солнышка край!

Последние лучи солнца позолотили вершины крепостных башен, и граф доскакал до небольшой возвышенности; в тот же миг земля задрожала, и, оглянувшись, он увидел, что валы и стены исчезли и всю местность залило большое озеро и плещется у возвышенности, где стоит граф.

Озеро и поныне зовется Зеебургским, Озерным замком, а граф отправился в монастырь и покаялся в своих грехах.



*Комментарий
Информанты Гриммов
Библиография*





Вместе со сказочными сюжетами у Гриммов-филологов, искавших их корни — прежде всего германские — и параллельно составлявших для себя «Конкорданс сказаний» (начат в 1809) *, накапливались и примечания, первые записи которых мы видим на полях рукописей сказок. Задачу их Гриммы видели не в объяснении текстов, а в их дальнейшей разработке и пополнении, в исследовании эпического наследия Германии и поисков его источников с опорой на романтическую, национально окрашенную концепцию «подлинности». В этом смысле гриммовские примечания составляют единое целое с текстами сказок, дают возможность заглянуть в мастерскую книжного формирования знаменитого сказочного сборника.

В соответствии с задачей настоящего издания комментарии состоят из двух частей: примечаний Гриммов и наших. Гриммовские примечания включают три части — печатные примечания к I изданию, дополнения к ним, которые были написаны, когда вышел сигнальный экземпляр, приплетены к части тиража 1812 г. (такой экземпляр имеется в СССР: ГБЛ, МК) и к части тиража издания 1815 г. (обозначены как «Доп.»), и гриммовские рукописные пометы в авторском экземпляре, которые набраны курсивом.

В авторском экземпляре пометы производились с декабря 1812 г.; пометы Вильгельма касаются источников сюжетов и стилистических изменений, а пометы Якоба фиксируют в основном языковые проблемы и литературные и мифологические параллели (перевод

* Не опубликованный и хранящийся с рукописным наследием Гриммов в Государственной библиотеке прусского культурного достояния (Западный Берлин) справочник по мифологическим мотивам, сюжетам, источникам и именам.

гриммовских печатных и рукописных примечаний выполнен по изданию Х. Рёллеке [4], копирующему в этом разделе авторский экземпляр Гриммов); подчеркивания в примечаниях, как и в текстах рукописи в большей части отсылают к «Конкордансу сказаний» [20] и сделаны, очевидно, Вильгельмом, которому, по всей вероятности, принадлежит и карандашная помета Ø, обозначающая сюжеты, подлежащие изъятию.

Наши комментарии содержат рассказ о странствиях сюжетов от первых литературно-документированных текстов до изданий, вышедших перед 1812 г., предположительно и доказанно бывших в пользовании у Гриммов или возможно влиявших на рассказчиков. В случаях, когда текст рукописи не сохранился, мы даём его перевод по изданию 1812 г. либо указываем на номер и заглавие канонической редакции гриммовских сказок (1857); в немецком и всех других, в том числе русском (в переводе Г. Петникова), изданиях эти номера, за исключением нескольких случаев, совпадают. Если сюжет представлен в рукописи неполно или только конспективно, мы либо восстанавливаем его по первоисточнику, либо указываем на номер и заглавие в каноническом издании. В ряде случаев мы подробнее останавливаемся на том, как попал данный сюжет к Гриммам.

Расположение материалов в каждом комментарии: Номера и заглавия сказки в Эленбергской рукописи и канонической редакции; заглавие в I издании и номер при несовпадении с окончательной редакцией.

Принадлежность автографа; краткое его описание приводится лишь в тех случаях, когда сорт бумаги служит дополнительным, а порою и единственным, указанием на источник (по Рёллеке, который первым провел этот анализ).

Литературный или устный источник сюжета. В большинстве случаев он указан Гриммами в рукописи или в авторском экземпляре. Если источник устный, то приводится их указание по «Примечаниям» 1822 г.: *Kinder und Hausmärchen. Gesammelt durch die Brüder Grimm. Dritter Band. Zweite vermehrte und verbesserte Auflage. Berlin, 1822*, которые полнее первых (1812 и 1815) и точнее последующих (1847 и 1856).

Обработка для печати.

Примечания Гриммов в издании 1812 г. вместе с дополнениями и рукописными пометами из авторского экземпляра (в ряде случаев с сокращениями за счет вариантов сюжета или повторов).

Для отдельных, наиболее часто повторяющихся источников используются сокращения:

КНМ (*Kinder — und Hausmärchen*) — «Детские и домашние сказки братьев Гримм» (в окончательной редакции, если рядом не оговорен год).

ОН (*Oelenberger Handschrift*) — «Эленбергская рукопись».

ВР (*Boite, Polivka*) — «Примечания к детским и домашним сказкам братьев Гримм» [29].

ЕМ (*Enzyklopädie des Märchens*) — «Энциклопедия сказки» [35].

HdM (Handwörterbuch des deutschen Märchens) — «Справочник по немецкой сказке» [41].

MNM — «Мифы народов мира» [76].

SBPK NG (Staatsbibliothek Preußischer Kulturbesitz, Berlin-West, Nachlaß Grimm) — Государственная библиотека прусского культурного достояния (Западный Берлин), наследие Гриммов.

В конце приведены сведения об информантах Эленбергской рукописи и библиография.

При цитировании или отсылках к более подробным сведениям в скобках ставится порядковый номер по Библиографии, том и страница нужной книги.

1 *О короле, портном, великанах, единороге и дикой свинье*

КНМ № 20: «Храбрый портняжка» и 1812: «О храбром портном».

Рукопись найдена Х. Рёллеке в 1975 г.; хранится в SBPK с большей частью рукописного наследия Гриммов (Grimm-Schrank. K. C. Konv. «Materialien zu КНМ») и специально для нашего издания любезно прислана директором отдела рукописей библиотеки г-жой Ингеборг Штольценберг. Помощь в транскрипции рукописи оказана профессором Вуппертальского университета доктором Хайнцем Рёллеке.

Автограф В. Гримма, пометы на полях — Якоба; исписаны все 8 страниц; орфография по сравнению с оригиналом Монтануса несколько модернизирована. Источник: сборник шванков «Коротатель пути...»

(Wegkürtzer...) *Мартина Монтануса* (ок. 1537—?), опубл. в 1557, № 5: «О короле, портном, великанах, единороге и дикой свинье» [в 104]. Обработка для печати В. Гримма.

Первый рассказ взят из довольно редкой небольшой книги: «Коротатель пути» — веселой и чрезвычайно развлекательной книжечки *Мартина Монтануса* из *Страсбурга* 12. 1557, листы 18—25. Нам известно еще одно издание — 1607 г. В одной датской народной книге та же история рассказана в стихах; *Нюеруп* * упоминает ее в своем сочинении о датских народных книгах (<журнал> *Ирис и Геба* 1796, окт. стр. 36). Там речь идет о сапожнике, который своим шпандырем убивает одним ударом 15 мух <см. помету на полях рукописи>. Он побеждает кабана тем, что дает ему снотворный плод, потом — единорога и, наконец, медведя, которого запирает в печи для обжига кирпичей. Приводимый здесь голландский вариант взят нами из амстердамской народной книги: <Het wonderlyck en niet mit kluchtic Leven> an kleyn Kobisje alias Koningh sonder Onderzaten <Amsterdam, by Jacobus Boumann 1700: Жизнь маленького Кобисье, или Король без Подданных>, стр. 7—14. У нее, как видно, свои особенности <...> **.

В *Симплициссимусе* <"> <*Х. Я. К. Гриммельсхаузена* (ок. 1621—1676)> кн. 2, гл. 28 — «превзойдя тем храброго портняжку, побившего семерых одним махом <">.

* Эразм Нюеруп (1759—1829) — дат. изданий примеч. и в ВР, 1, 152—154. филолог и библиограф.

** Гол. текст см. у Гриммов во всех

<"> Гаргантюа <"> * 254^b «Я прикончу вас, как мух, 9 одним ударом, как тот портной». пятерых одним ударом. <"> Сказочник Ганс <"> 16.3 **. <J>

На книгу Монтануса указал Вильгельму Клеменс Брентано [письмо от 2 июля 1809. 61, 50]. И во время поездки в Берлин в сент. — нояб. 1809 г. Вильгельм переписал сказку с его экземпляра. В 1812 г. сказка была напечатана без изменений. Арним критиковал братьев за сохранение старого языка: «Ребенку, который в наше время учится немецкому языку, очень многие речевые формы в рассказе Мартина Монтануса о храбром портном <...> будут непонятны» [январь. 1813; 60, 263]. В ответном письме Якоб Гримм оправдывался: «Пусть в языке и пересказе ряда сказок, как в сказке о портном, будет много непонятного» [60, 271]. Однако во 2-м издании сказки в 1819 г. текст Монтануса был привлечен только для второй половины сказки. Первая половина, до того места, где портной покидает великана, дана по гессенскому устному варианту. 10.2.1812 г. сказка была рассказана и Хассенпфлюгами. Устный вариант примыкает к тексту сказки «Почему портные так высокомерны» из анонимного собрания шванков «Дух Яна Тамбаура», опубликованного около 1690 г. [104, 479—483]. Все позднейшие варианты восходят к тексту Монтануса.

Сюжет содержится также в английском сб. Б. Та-

* «Историческая мешанина»., свободная сатирическая обработка, построенная на материале Ф. Рабле, нем. писателя Иоганна Фишарта (1546/47—1590); см. 87.

** Гл. из сб. проповедей (1703) Иоханна Балтазара Шулла (1610—1666): «похвалялся один портняжка: я прикончил пятерых одним ударом».

барта [120, 3,1—37], возможно, повлиявшем на позднейшую литературную обработку.

Старейшие следы мотива обнаружены в индийской «Дхармакальпадруме», санскритском сб. волшебных сказок середины II тыс. до н. э., откуда он, вероятно, перешел в сб. джатак (V в. н. э.) [Джатака о Бхимасене, 95, 204—209]. Далее сюжет попал в Монголию [см. 19-й рассказ сб. «Шидди-Кур», 97 1], откуда через Россию перекочевал в Европу. Есть мнение, что эти сюжеты связаны друг с другом лишь парадоксальными подвигами хвастуна, а остальные части независимы друг от друга*. В настоящее время под влиянием европейских сказочных сборников этот сюжет известен во всем мире.

2 *О кошке и мышке*

КНМ № 2 и 1812: «Кошка и мышь в обществе».

Автограф В. Гримма; перед записью лист был отделен от автографа № 3. Источник устный; Гретхен Вильд, 1808. Примеч. 1822, с. 7: «Из Гессена». Обработка для печати В. Гримма.

Рассказывают также о петушке и курочке, которые нашли в навозе драгоценный камень, продали его ювелиру, купили горшочек жира на зиму и поставили его на шкаф. Курочка потихоньку его съедала, а когда это выяснилось, петушок разозлился и убил курочку. Потом он раскаялся и похоронил курочку, как в ном. 80 <КНМ: «Про смерть курочки»>.

* Polivka J. Märchenwissenschaftliche Studien // Narodopisny Sbornik Ceskoslovensky, 1904. № 10.

Рассказывают также о лисе и зайце, которые нашли горшочек с медом. Лиса поедает мед под предлогом крестин. Первого ребенка зовут Верханет, второго Серединка, а третьего — Весьдодна <J>.

Согласно Т. Бенфею, в основе сказки—сюжет о кладовой голубей в «Калиле и Димне» [96 Крачковский, 270], откуда через «Руководство человеческой жизни» Иоанна из Капуи [96 Geissler 10.1] сюжет попал в Европу. Хотя мысль там другая: голубка, убитая голубем, на самом деле не ела запасенного зерна (см. также в «1001 ночь» ночь 597).

Аналогичный эпизод есть и в известном животном эпосе «Роман о Ренаре», где лис Ренар крадет три окорока, что А. Джерберу представляется модификацией этой сказки. К. Крон считает, что эта сказка родилась в Скандинавии: лис обманывает медведя и лакомится медом*. Сказка распространена во многих странах. В России записана Афанасьевым «Лисаповитуха», где вместо кошки и мышки выступают лиса и волк; детей зовут «Початочек», «Середышек» и «Поскребышек». Эти же имена употребил при переводе гриммовской сказки и Григорий Петников [23, 8—9].

Интересно отметить, что при вторичной обработке сказки для издания 1819 г. Вильгельм увековечил в ней образ своего брата, вставив фразу: «Вот сидишь ты дома в своем темно-сером фризовом кафтане и со своей длинной косичкой и все ворчишь; это оттого, что днем из дома не выходишь», — ласково-иронический намек на нелюдимый характер Якоба. Вообще весь текст акту-

* Krohn K. Bär und Fuchs // Journal de la société finno-ougrienne. № 6, 74—81.

ализирован в новеллистическом ключе, отчего сильно пострадали первозданность и свежесть первоначально-го варианта. Исследователи отмечают неудачную замену заглавия из-за двойного смысла обстоятельства «в обществе» [57, 175]. В русском переводе Петников отредактировал Гриммов: «Кошка и мышка вдвоем».

3 *О вошке и блошке*

КНМ № 30 и 1812: «Вошка и блошка».

Автограф В. Гримма. Перед записью лист был отделен от автографа № 2. Источник устный: Доротея Вильд, 1808. Примеч. 1822, с. 59: «Из Касселя». Обработка для печати В. Гримма.

Сказка представляет собою шуточную народную песню. В различных европейских вариантах персонажи разные. Характерно германской чертой этого варианта сказки является варка пива в яичной скорлупе. В древнескандинавской мифологии пиво — священный напиток богов, изобретенный великанами; Тор и Тюр крадут котел для варки пива у великана Хюмира [84, 49]. В немецких сказаниях варкой пива занимаются в основном обитатели недр: цверги, холли и др. По распространенному народному поверью варка пива в скорлупе — средство от нечисти (см. у Гриммов в: [19, № 45: «Оборотень в Тюрингенском лесу»]).

Ту же сюжетную структуру — цепное нагромождение действий сочувствующих — см. у Афанасьева («Смерть петушка», № 69; «Курочка», № 70). О формировании сюжета в европейском ареале см.: Wessel-

ski A. Das Märchen vom Tode des Hühnchen und andere Kettenmärchen. Giessen, 1933.

4 *Верный кум воробей*

КНМ № 58: «Собака и воробей» и 1812: «О верном куме воробье».

Автограф В. Гримма. Источник устный: Гретхен Вильд, 1808. Примеч. 1822, с. 103: «Из Гессена». Обработка для печати В. Гримма.

О связи этой сказки с поэмой о Райнхарте Лисе см. <журнал> «Немецкий Музей» Шлегеля 1812, майский выпуск.

В письме к Арниму от 1.11.1811 г. Якоб Гримм пишет об историях этого типа: «А еще рассказывают о воробье, который постепенно доводит до гибели одного возницу» [60, 161]. Эти истории были нужны Якобу для его исследований «Райнхарта Лиса», немецкого животного эпоса XV в. [91]. В журнале Фридриха Шлегеля «Немецкий музей» («Издание старого „Райнхарта Лиса" братьями Гримм в Касселе») Якоб Гримм еще раз сказал об этой взаимосвязи и привел там «Историю о воробье» в редакции, промежуточной между записью Вильгельма и публикацией в I издании сказок [4, 350—351]. Этот сюжет сложился из ряда мотивов, восходящих к индийским источникам: ворона мстит змее, которая съела его детей, тем, что крадет у людей золотое украшение и подбрасывает его в логово змеи; люди приходят и убивают змею [96 Сыркин, 1.5—6; 96 Geissler, 2. 8]. Этот сюжет пересказан в

шванке Кирххофа [98, 7,98]. Месть воробья слону: «Лягушка, дятел и комар, придя на помощь воробью, / Слона сумели погубить совместными усилиями» («Панчатантра», 1.18). Широко распространен и мотив опрометчивого удара («медвежья услуга»). В «Панчатантре» услужливая обезьяна убивает мечом пчелу на голове царя [1.30]. Наиболее отчетливо видно родство нашего сюжета с одним из пассажей французского стихотворного эпоса «Роман о Ренаре» (XIII в.), варианте немецкого «Рейнеке Лиса»: воробей Дроин клянется отомстить Лису за то, что тот съел его птенцов, и зовет на помощь изголодавшегося пса Морута: воробей сманивает с дороги возницу и выклевывает глаза у лошади; разозленный возница избивает лошадь, стремясь попасть по воробью; пес меж тем крадет с повозки мясо и вино и, подкрепившись, вступает в бой с Лисом. (ветвь 11, ст. 761). Сюжет известен и в России. См. Афанасьева: «Собака и дятел», № 66, который, видимо, зависит от русских переводов обработок «Панчатантры» [Стефанит и Ихнилат, 96] и европейских средневековых поэм о лисе и волке (Sudre L. Les sources de Roman de Renar. Paris, 1892).

5 *О соломинке, уголке и фасолинке*

КНМ № 18: «Соломинка, уголек и фасоль» и 1812: «Соломинка, уголек и фасоль путешествуют».

Автограф В. Гримма. Источник устный: Доротея Катарина Вильд, в Касселе, вероятно, также в 1808

(ср. № 3). Примеч. 1822, с. 28; «Из Касселя». Обработка для печати В. Гримма.

Ср. ном. 80 <КНМ 1812: «Про смерть курочки»>. Эти и подобные сказки (ном. 23 <КНМ 1812: «О мышке, птичке и колбаске»>. ном. 43 <КНМ 1812: «Странное приглашение в гости»; ОН 9 «Кровяная колбаса»>) показывают, что в басне, кроме животных, могут выступать также растения и предметы.

[Доп., с. LXI] № 18 содержится в краткой форме в *Сrepundia poetica* <«Поэтическая погремушка», 2-й басенной части, популярного в свое время, выдержавшего несколько изданий юмористического сб.> *Nugae venales*<, sive, *Thesaurus ridendi et jocandi. Ad gravissimos, severissimosque viros, patres melancholicorum conscriptos. Accesserunt huic editioni, 1. Pugna porcorum, per P. Porcium poetam. 2. Сrepundia poetica... — Floia certumversicale de Flois swartibus... Autore Gripholdo Knickknackio... Leiden, Fr. Heger, 1648. 12°**, с. 32.33:

Pruna, faba et stramen rivum transire laborant,
seque ideo in ripis stramen utrimque locat.
Sic quasi per pontem faba transit, pruna sed urit
stramen et in medias precipitatur aquas.
Нос cernens nimio risu faba rumpitur ima
parte sui; hanque quasi tacta pudore tegit.
<Уголь, солома, фасоль реку осилить хотели:
для переправы легла с берега солома на брег.

* Шутки на продажу, или Сокровищница смеха и веселья. Для серьезнейших и суровейших мужей, отцов меланхоликов, написанная. Присоединены к этому изданию: 1. Состязание в сви-

ствах, сочиненное С. Свинтусом. 2. Поэтическая погремушка... — В свинячую кожу облеченное якобы стишечное облеченное... автор Стервятникус Хрулсхрумус.

Словно по мосту, по ней первой фасоль прошагала;
уголь же, мост пережгя, в воду с шипеньем упал.
Глядя на это, фасоль расхохоталась так сильно,
что, в изменной части своей лопнув, ей жаться
пришлось.> *

С ном. 18 (Соломинка) ср. также эзоповскую басню о летучей мыши, терновнике и норке (Фурия [88] 124. Кораис [83] 42. [по рус. изд. 130, № 121]).

В одном лат. стихотворении (Страсбургская рукопись <XV в.> с. 102) мышь и уголек идут в церковь исповедоваться в грехах, через ручеек мышь переходит легко, а уголек гаснет и начинает шипеть, и мышь ругает его: Какой, мол, плохой фимиами <

От господнего гнева стремясь, вот мышь собралась

В сантуарий сходить, прегрешения замолить.

Вместе с нею, бок в бок, — обжигающий уголек.

Избавленья сполна ожидая от Бога, она

К ручейку беззаботно спешит, что пред храмом журчит.

Не оглядываясь, в ручей — ныр, и уголь за ней,

И, гасимый ручьем, он окутывается дымком.

Ну, наконец-то, она, думает мышь, спасена.

Уголек трещит, и, всплывая, мышь говорит:

«Кара Господняя, вот — поначадил здесь! Не тот Ладан: такой аромат, милый, не может быть свят!»

«Не богохульствуй, моли, чтобы к тебе снизошли!

Хочешь грехи искупить, новых не надо творить:

Снизойдет благодать лишь на того, кто опять

Не предается сам неблагочестивым делам.

(BP I, 136—137)>. <W>

* Здесь и далее стихи даны в пер.
А. Науменко.

Указание на жанр — «басня» — объясняет, почему эта запись присоединена Якобом Гриммом к первым пяти историям о животных. В XVII в. этот сюжет хорошо известен в Нидерландах. См. пересказ на голландском латинской басни из «Поэтической погремушки» 1646 г. в книге бельгийского иезуита Адриана Поиртерса «Het masker vande wereldt afgetrocken» (Маска, сорванная с мира). 7-е изд. 1741. С. 159. В стихах — то же самое у голландского драматурга Яна Фоса (ок. 1610—1667) в «Klucht van Oene» (Клюхт об Уне, 1642); оба голландских текста см. в ВР 1, 135. Кроме Германии, сюжет известен в Швейцарии, в Эльзасе, где вместо уголька — кошка, под тяжестью которой ломается соломинка к радости мыши, и в Дании. Аналогичные сюжеты о странствии животных с этимологической концовкой в русле эзоповской традиции см. у Кирххофа [98, 4, 160—162] и у Лафонтена [12, 7].

При обработке этой сказки для печати во всех изданиях, как убедительно показал Вессельский [69, 110—114], Вильгельм подгонял ее и стилистически, и содержательно под литературные варианты, указанные им же. Ощутимо отличается от записи со слов уже 1-я редакция 1812 г., а текст 3-го издания (1837, 1, 114) полностью совпадает с сюжетом, рассказанным немецким поэтом XVI в. Буркартом Вальдисом [123, 97], где история начинается с того, что жена варит фасоль для своего мужа. Одна фасолинка выпрыгнула, и к ней присоединились горящий уголек и соломин-

ка, и они сговариваются убежать от хозяйки. В сюжете г-жи Вильд остался только портной (у Вальди-са—сапожник). В последней редакции текст этой сказки окончательно утратил и черты народного языка.

Русский вариант у Афанасьева: «Пузырь, соломинка и лапоть» (№ 87—88) также зависит от средневековой эзопики и от Лафонтена через Сумарокова и Крылова. См. идентичный вариант у А. Н. Зырянова: «Соломинка, уголек и боб»*, возможно, имеющий связь с гриммовской сказкой.

6 *Волк*

КНМ 5: «Волк и семеро козлят» и 1812: «Волк и семеро маленьких козлят».

Автограф Я. Гримма. Источник не определен; по позднейшим пометам и на основании того, что текст записан Якобом, можно заключить, что эта сказка записана со слов в семье Хассенпфлюгов. Примеч. 1822, с. 15: «Из майнских окрестностей». Обработка для печати В. Гримма.

Сказка должна быть по меньшей мере известна также и во Франции. Очевидно, из нее сделал Лафонтен 15-ю басню своей 4-й книги, но как скупо она им рассказана; может быть, он пользовался только более ранней обработкой <Жилия> Коррозе** (*le loup, la chevre et le chevreau* <волк, коза и козлята>***), где молодая коза остерегается и не впускает волка. Но басня намного старше, помимо прочих <авторов>, она есть и у

* Пермский сб. 1859. Кн. 1, отд. 2; библиотекарь, писатель и переводчик. 1860. Кн. 2, отд. 2. С. 121.

** Giles Corrozet (1510—1568) — фр. *** *Les Fables d'Esopé Phrygien en vers françois*. Paris, 1548.

Бонера XXXIII*, где, однако, отсутствует имеющийся, кстати, у Лафонтена пассаж с белой лапой. Нам же помнится фрагмент из не полностью сохранившейся французской детской сказки. Волк идет к мельнику, протягивает ему серую лапу и говорит:

meunier, meunier tremp moi ma patte dans ta farine blanche! non non, non non! — «alors je te mange!» мельник сыпает ему лапу мукой из страха **. — Нереида Псамата наслала волка на войско Пелея и Теламона; волк их всех поглотил и затем окаменел, подобно тому, как здесь ему зашили в брюхо камни ***. Однако сказание об окаменевшем волке по смыслу значительно глубже, чем это возможно здесь изложить.

*В Померании <на месте волка> — призрак, пугающий детей, <в отсутствие матери он поедает ребенка и> падает под тяжестью камней, которых он <при этом> наглотался, и съеденный им ребенок вновь выскакивает из него живым и невредимым.
Гендель Шютц **** <W>*

* В рукописи ошибочно 23; см. 79; убили ее сына Фока, и за это она наслала на них знаменитого волка, который их всех проглотил и затем окаменел (Овидий. *Метаморфозы*. Кн. 11. 365—406. — *А. Н.*)». Nitsch P.F.A. (1754—1794). *Neues mythologisches Wörterbuch nach den neuesten Berichtigungen für studierende Jugend und angehende Künstler*. Leipzig, 1793.

** Эти французские стихи — перевод см. в тексте — Якоб Гримм мог слышать от дочерей Хассенпфлюгов, происходивших из гугенотской семьи; текст упомянутой им французской сказки пока не найден (Рёллеке).

*** См. гриммовскую ссылку на П.Ф.А. Нича на полях рукописи: «Нереида Псамата, спасаясь от влюбленного в нее Эака (отца Теламона и Пелея. — *А. Н.*), становилась то колодцем, то рыбой Фикидой и все же зачала с ним Фока. В дальнейшем Пелей и Теламон

**** Генриетта Гендель Шютц (1772—1849), знаменитая актриса, во время своего визита в Кассель (до 1816) рассказала этот вариант Вильгельму Гримму, который здесь его коротко записал.

Исходные мотивы этого сюжета куда более древние, чем это указано Гриммами; они, как показали раскопки, восходят к эпохе мезолита, когда охотники зашивали камни в убитых ими животных, совершая тем самым магическое действие, смысл которого — сделать животных легко достижимыми на охоте*. Мотив проглоченного живым и вышедшего невредимым связан с представлениями о круговороте жизни и смерти, дня и ночи и т. п., из которых сложился обряд инициации юношей; прыжки в пещеру и обратно через горящий перед входом костер. На житейском осмыслении этих символических мотивов в разных областях и культурах сложились разнообразные в сюжетном отношении родственные друг другу образы и рассказы. Из античных сюжетов к нашей сказке ближе история о жившей в пещере Ламии («глотательнице»), воровавшей и пожиравшей детей; если удавалось ее поймать, детей можно было вынуть из ее чрева живыми**.

Первое литературное свидетельство сюжета о волке и козлятах — басенный сборник «Ромул» [112], где козленок не впускает волка. Ту же басню рассказывает Мария Французская (конец XII в.) в своем стихотворном переводе на французский [101, № 9] с английского перевода т. н. «Нилантова Ромула» (ок. XI в. — нач. XII в.). В этом же виде басня содержится в «Анониме Невелета» [«О козе и козленке»], откуда она перешла в сб. Бонера «Драгоценный камень» [79], где козочка также не впускает волка к себе. История

* Closs F. // Kultur und Sprache. 1952, лиотека». 20.41; Гораций. «Наука поэзии», 340.

** Диодор Сикул. «Историческая биб-

имеется также и в «Эзопе» Генриха Штайнхёвеля [118, 121], и в «Средстве от плохого настроения» Кирххофа [98, 7, 40] под заглавием «Хитрость волка». См. также в «Райнхарте Лисе» в издании Гриммов [91, 346], у Вальдиса [123, 1, 24], в «Пословицах» Айринга [Eyring E. Proverbium coria... Eisleben, 1601, 1.470]. В сб. проповедей выдающегося протестантского теолога И. К. Даннхауэра (1603—1666) «Млеко катехизиса» (3.170) козлята впускают волка, и он съедает их.

В какой степени зависит этот сюжет в передаче Хассенпфлюгов от немецких и от французских книжных источников, определить в записи Якоба трудно. Возможно, в равной мере. При обработке для печати в 1812 г. и позже Вильгельм ориентировался в содержании на Вальдиса и частично Лафонтена, стилистически же — на французские образцы в духе Перро и д'Онуа.

В России см. у Афанасьева: «Волк и коза» № 53—54, зависит от тех же источников, что и гриммовский «Волк».

7 *Зверушка*

КНМ № 65 и 1812: «Зверушка».

Автограф Я. Гримма. Источник: роман одного из сотрудников «Волшебного рога мальчика» Иоханна Карла Нерлиха (1773—1849) «Шилли» (Nehrlich J. C. Schilly, Bd. 1, Jena, 1798, S. 144—154). Обработка для печати В. Гримма (текст), примеч. Якоба.

Однако реану д'ане <Ослиная шкура> Перро полнее и лучше. <"> Принцесса Мышиная шкура <"> № 71

<КНМ 1812 и далее; ОН № 35, см. ниже> — то же мифическое лицо, но рассказ, за исключением деталей, совершенно иной. По другой версии, Зверушка изгнана своей мачехой, потому что иностранный принц подарил в знак любви кольцо Зверушке, а не ее собственной дочери. Затем Зверушка приходит ко двору своего возлюбленного под видом чистильщицы обуви и обнаруживает себя тем, что подкладывает подаренное ей в знак верности кольцо под кусок белого хлеба. Отдельные сходные черты есть у этой сказки с <"> Золушкой <"> № 21 <КНМ 1812 и далее>.

Зверушка значит: Пестрая шкурка. <J>

Здесь же заметим, что перевод Петникова названия этой сказки и соответственно имени главного персонажа — «Девушка-Дикарка» — неверен по смыслу.

Запись передает содержание одного из романов Нерлиха. Сделана она, очевидно, в конце 1807 г. в Касселе, где Арним и Брентано вместе с Гриммами редактировали продолжение «Волшебного рога». В дальнейшем Вильгельм Гримм заменил его устным рассказом Дортхен Вильд (9.10.1812), и уже его Вильгельм выправлял и содержательно, и стилистически по роману Нерлиха. Получившиеся при этом несоответствия в мотивировке Якоб критикует на полях авторского экземпляра: «Кажется неверным». С объяснением Якоба «пестрая шкурка» ср. его же формулировку в «Немецком словаре» (т. 1, клн. 225):

«Зверушка: платье, сшитое из шкурок разных зверей» (Allerleirauh: buntlappige geflickte kleider).

Мотив платья, сшитого из тысячи разных шкурок, восходит к глубокой древности (см. в вавилонском эпосе «Гильгамеш»): шкуры зверей придают их носителю особую силу. Есть основания предполагать, что все мотивы этого сюжета происходят из восточной части Средиземноморья и при сравнении разных вариантов распадаются на две группы: ядро и предысторию, которая легко может быть заменена на другую. Предыстория о короле, который хочет жениться на собственной дочери, с 1200 г. многократно была в европейской литературе самостоятельной темой, всегда построенной на преследовании и торжестве справедливости. В середине XIII в. мотив инцеста переходит в легенду о святой Димпне (Димфне), которая в полном виде приводится в мартирологе испанского иезуита Педро де Рибаденейры (1527—1611) «Цветы святых жизней»: король Ирландии, язычник, воспылил страстью к своей дочери, христианке Димпне, и настаивает на свадьбе. Вместе с советником короля Димпна бежит во Фландрию. Король настигает их и приказывает отрубить Димпне голову. В светской форме сюжет появляется у Страпаролы с 1550 г. [119, 1.4]: салернский князь Тебальдо хочет жениться на своей дочери Дораличе, которая, спасаясь бегством, прячется в шкаф (вариант шкуры) и затем выходит замуж за принца. Безусловно под влиянием Страпаролы была написана «Медведица» Базиле [78, 2.6]:

королевской дочери, попавшей в ту же беду, няня дает деревянную палочку, которая превращает принцессу в медведицу. Параллельно с Италией сюжет становится известен и во Франции. В 1547 г. — у Ноэля дю Фаиля в «Сельских беседах и анекдотах»*. Около 1570 г. француз Бонавентюр Деперье (ок. 1510—?1543/44) рассказывает вперемешку с другими мотивами ту же историю в своем сборнике новелл «Новые забавы и веселые разговоры» [125; № 129]—«Приключения Пернеты». В 1610 г. — у Бероальда де Вервиля (1558—1623) в «Способе добиться успеха в жизни»** сказка об ослиной шкуре, в 1630 г. — у Луа Брюера [80, 45]; у него и у Базиле Шарль Перро, видимо, заимствует мотивы для своей «Ослиной шкуры» [110], которая, по утверждению ряда исследователей, служила Гриммам стилистическим образцом. Однако в данном случае, из-за чрезвычайной распространенности сюжета во Франции и проникновения его в переводы в Германию значительно раньше Гриммов, утверждать это затруднительно. От французских вариантов зависит, видимо, и история, рассказанная Нерлихом. В немецкой устной среде, помимо гессенского варианта, связанного отчасти с сюжетом, рассказанным Музеусом: «Нимфа колодца» [106, 2, 200], зафиксированным в примечаниях Гриммов, существовало еще три падеборнских варианта. Сказка широко распространена по всей Европе и Азии. В России см. у Афанасьева: «Свиной чехол» [126, № 290—291]. Подробнее о странствии этого сюжета см.: 34, 83—126; ВР II, 45—56; 39.

* Faile, Noël du Propos rustique et facétieux, chap. 5 // Oeuvres / ed. Assézat, 1.40: «Кожа ослицы».

** Beroalde de Verville. Francois. Moyen de parvenir. Paris, 1889. P. 337.

8 *Бедная девушка*

КНМ № 153: «Звездные талеры» и 1812 № 83: «Бедная девушка».

Автограф Я. Гримма. Источник: «Невидимая ложа: Биография Жан-Поля <Рихтера>» *. Обработка для печати В. Гримма.

Записана по смутному воспоминанию; если б кто-нибудь ее дополнил и исправил <!>. Жан-Поль приводит ее в своей <"> невид<имой> ложе <"> 1.214. <... один человек рассказывает детям о скитающейся в сумерках без крова маленькой девочке, и когда одна звезда отряхнулась и слетела вниз, девочка заметила на земле хорошенький талер с отчеканенным серебряным ангелом; ангел ожил, начал расти, сверкая все сильнее, расправил крылья и взлетел с талера в небо и со звезд принес крошке все, что ей хотелось, после чего ангел вновь опустил на талер и вновь превратился в изображение. (Jean Paul. Sämtliche Werke. 1840. I. S. 139)>. Использовал ее и Арним в <своих> рассказах <«Три любвеобильных сестры и счастливый красильщик»>.

Расширение печатной редакции, по воспоминаниям Германа Гримма **, восходит к его матери, Доротее Гримм, урожденной Вильд. Если это так, то эту запись и видел в Касселе Арним, использовав затем ее как вставку в своей новелле (1-е изд. Берлин, 1812). Так как в авторском экземпляре Вильгельм не указывает на Дортхен как на источник и никаких следов ее рассказа не сохранилось, то можно предположить, что

* Die unsichtbare Loge: Eine Biographie von Jean Paul <Richter>. Bd. 1. Berlin. 1793. S. 214. ** Beiträge zur Deutschen Culturgeschichte. te. Berlin, 1897. S. 235.

на обработку для печати повлияла скорее новелла Арнима [60, 255].

Текст Арнима в издании 1812 г.: «Да, в темном лесу я брела, охваченная отчаянием, и мало что видела вокруг, не слушала даже птиц и животных, печалась, что у меня нет отца, как у других детей. Так прошло, вероятно, с полчаса, когда мне встретился милостивый ребенок, который Христа ради попросил у меня фартучек, и вся моя скорбь обернулась состраданием, я отдала ему свой голубой в белую полоску фартук, подаренный доброй госпожой Хиллен на Рождество. Вскоре появился второй ребенок, ему было холодно, и он попросил у меня жакетик, и я отдала ему свой коричневый воскресный жакетик; затем я встретила третьего ребенка, и он попросил у меня юбочку, и я отдала ему свою коричневую юбочку; и, наконец, когда стало уже совсем темно, я увидела еще одного ребенка. Жалобно всхлипывая, он сказал, что у него нет рубашки; тогда я сняла и рубашку, чтобы отдать ему <он же оказался Иисусом в образе мальчика; Пресвятая Дева Мария сделала знак> звездам, и в рубашку посыпались серебряные монеты, и я старательно завернула их в нее».

По немецкому народному поверью, падучие звезды — это летящая со звезд пыль, когда они отряхиваются, чистятся, и считаются счастливым знаком. Поверье это пришло в Европу из греческой античности: падучие звезды предвещали корабельщикам благоприятный ветер (Феокрит. Идиллии. XIII. 42—51;

Гомер. Илиада. 4. 75—76). В гольштейнском варианте сказки «Громытхунчик» (КНМ № 55; ОН № 42) девушке, ткущей шелк, звезда падает в подол платья, что предвещает ей счастливый брак. Падучая звезда в немецких народных поверьях — то же, что и посланный Богом ангел. Это своеобразное развитие христианского мифа о падшем ангеле Люцифере, ответвление сложной и многозначной эмблемы богатства: продолжения жизни, страдания и счастья, гибели и возрождения. Отсюда же — распространенное суеверие о загадывании желаний при виде падучей звезды.

9 *Кровяная колбаса*

КНМ — и 1812 № 43: «Странное приглашение в гости», также в 1819.

Автограф Я. Гримма. Источник не определен; судя по лакуне в тексте, устный. Согласно позднейшим пометам о происхождении и на основании того, что текст записан Якобом, можно заключить, что рассказчицей была Амалия Хассенпфлюг. Примеч. 1822, с. 71 к КНМ № 42 и № 43: «Обе из Майнской области и имеют много общего». Обработка для печати В. Гримма.

В обоих сюжетах, ОН № 9 и КНМ № 42, по-разному преподносится один и тот же сюжет о чертовом вертепе. В люксембургском сказании говорится о ведьме с козлиной головой; в баварской сказке «Фея Анна» кума снимает свою голову, чтобы ловить в ней блох, а пока приставляет себе лошадиную*.

* Bünker J. R. Schwänke Sagen, und Märchen in heazinischer Mundart. Leipzig, 1906. № 46.

10 *Двенадцать братьев и сестрица*

КНМ № 9 и 1812: «Двенадцать братьев».

Автограф Я. Гримма. Источник не определен; судя по позднейшим указаниям, вероятно, устный. Ссылка на Цверен была дана дружившими с Хассенпфлюгами сестрами Рамю. Примеч. 1822: «Из Цверена, но там нет того, что девочка обращает внимание на двенадцать детских рубашек и спрашивает о своих братьях, что взято нами из, впрочем, более скудного рассказа, тоже гессенского». Обработка для печати В. Гримма.

V <^> Пентамероне <^> <Базиле, см. 78>, но с большими отклонениями IV, 8 <"> le sette <cottenelle> palomielle <Семь голубей> <"> <J>

По основному мотиву этот сюжет родствен сказкам «Шесть лебедей» (КНМ № 49) и «Семь воронов» (КНМ № 25), различно лишь происхождение и устранение чар: отец в сердцах проклинает сыновей, и они превращаются в воронов (№ 25); злая мачеха заколдовывает детей (№ 48); сестра нечаянно навлекает несчастье на братьев (№ 9).

Первая известная литературная фиксация этого сюжета у монаха Иоанна де Альта Сильва в его «Долофате» («О короле и семи мудрецах», 1184) — обработке восточной повести «Семь мудрых мастеров», действие которой автор переносит во времена правления римского императора Августа и вымышленного сицилийского короля Долофата*, созданной по образцу известной персидской сказки «Завистливые сестры» и породившей в средневековье огромное коли-

* Текст см. в: Hilka F. Sammlung mittelalterlichen Texte. V. 1913.

чество народных книг. Вместо рубашек у де Альта Сильва выступают цепочки. К «Долофату», видимо, восходит и текст Базиле [78, 4.8], на который указывают Гриммы: братья ждут сестренку; сестра рождается, но нянька обманывает их, подменяя сигнал в окне — веретено и прялку; братья отправляются в лес к слепому людоеду; к нему же приходит за огнем их сестра Чанна; людоед преследует ее, но братья успевают вовремя и убивают его; когда Чанна срывает с его могилы розмарин, братья превращаются в голубей; чтобы освободить их, сестра совершает паломничество к Матери времени.

Сюжет распространен во Франции и во всех германских странах. Однако центром его излучения является Средняя Европа, откуда он известен и в России. К гриммовскому варианту наиболее близки датский, исландский и украинский* (братья превращаются в лебедей, когда сестра роняет их рубашки в море, и, чтобы расколдовать братьев, она должна им сшить новые рубашки).

11 *Братец и сестрица*

КНМ № 15 и 1812: «Гензель и Гретель».

Автограф В. Гримма, добавления к заглавию Якоба. Источник не определен; по позднейшим пометам и по тому, что текст записан Якобом, можно заключить об устном происхождении, вероятно, из семьи Вильд. Примеч. 1822, с. 26: «По различным рассказам из Гессена». Обработка для печати В. Гримма.

* Этнографический сб. СПб., 1864.
Вып. 14. С. 102.

Тесно связана с отдельными рассказами о мальчике с пальчик, особенно с франц<узским> маленьким ро-
 uset <большой палец руки; зд. «Мальчик с пальчик»
 Перро [110]>. Совершенно двойственный характер
 мальчика с пальчик (pulgarejo <ростом с большой
 палец руки—исп.>) Pollu(s)x * виден уже в древних
 мифах и в нашем языке лишь полуправно переходит в
 дурака, простофилю **, в то время как старое англий-
 ское thumb <большой палец руки; сказочн. —
 простак> имеет более мягкое значение. Собственное
 объяснение этого примечательного сюжета увело бы
 сильно в сторону. Оберлен *** приводит вариант этой
 сказки на диалекте окрестностей Люневиля в своей
 книге Essai(s) sur le patois <lorrain (Очерки о лотаринг-
 ском говоре). Geneve, 1775. S. 161>.

Гензель представлен как мальчик с пальчик также и
 в немецких сказках. Шестеро детей, он — седьмой. По-
 пав в лес к людоеду, они должны его постричь;
 мальчик с пальчик прыгает людоеду на голову, выщи-
 пывает волосы и возвращается к братьям. После этого
 ночью он подменяет семь <золотых> венцов <до-
 черей людоеда> семью красными колпаками. Все ко-
 шельки с деньгами и драгоценности мальчик с паль-
 чик кладет в семимильные сапоги, cf. глупый Ганс.
 [Доп. с. LXII] Гензель и Гр<етель> ср. с началом
 <"> nenillo e nenella <"> <Мальчик и девочка> в
 <"> Пентамероне <"> <5.8; см. Базиле [78]>.

* Братья Поллукс (-Поллидевк) и Ка-
 стор — Диоскуры, дети Зевса и Леды; а
 также=Кадм, Гермес, кабиры.

** Нем. мальчик с пальчик —
 Daumerling, Däumling: дурак, простофи-

ля — Dummling, Dümmling; последнее
 произошло от слова Dumen=Daumen
 (большой палец).

*** Жереми Жак Оберлен (1735—
 1806 — эльзасский филолог.

*У Грэтера * сказка о сахарном домике имеется на швабском диалекте, но в домике живет не старуха, а волк. <J>*

Грэтеровский вариант стал известен Якобу из письма Арнима: «Как я вижу, истории о сахарном домике у Вас нет. Разве Грэттер ее нигде не опубликовал? Я обнаружил ее на швабском диалекте среди бумаг Грэттера; попросите ее у него или чтобы он ее, по крайней мере, напечатал; на диалекте она очень приятна; я обратил внимание только на тот пассаж, где дети лакомятся домиком, в котором живет волк, и когда он спрашивает их, они отвечают, что это ветер» (нач. янв. 1813; см. также ответ Якоба от 28.11.1813—60, 263—264 и 271—272). Grimмы запросили этот сюжет у Грэттера, но безрезультатно. Стихи о ветре Вильгельм записал со слов Дортхен Вильд 15.1.1813 в Касселе; они вошли в сказку впервые в 1819 г., а затем и во все прочие издания:

Тут ветер один,
Господень сын.

Этот вариант 1220—1221 стихов шпильмановского эпоса XIV в. (рукопись XV в.) о сватовстве св. Освальда, короля Англии (635—642), написанного на средневерхненемецком языке неизвестным священником из Силезии:

Тут знак подает Господень Сын:

Ветер шлет на подмогу им;

(В ситуации, когда в виду неприятеля флот Освальда попал в штиль). См.: *Der Wiener Oswald / Hrsg. von G.*

* Фридрих Давид Грэттер (1768—1830) — филолог-германист и издатель первых немецких германистских журналов «Брагур» и «Идунна и Гермода», собиратель фольклора.

Baesecke. Heidelberg, 1912. S. 46. В позднейшие редакции было вставлено еще два стихотворения, одно из которых также чисто немецкое и восходит к IX—X вв.:

Уточка, уточка на воде,
Гретель и Гензель в беде:
Ни пути, ни моста над стремниной,
Забери нас к себе на белую спину.

Обнаружив зависимость этого сюжета от Перро, Гриммы, опираясь на устные и исторические письменные источники, стремились к германизации сказки, но без особого успеха.

Сам Якоб в 1815 г. в статье «Священный путь и священные столбы» [16, 8, 473—474] указывает на греческое происхождение одного из существенных мотивов сказки — возвращения домой по заранее рассыпанным мелким предметам: «Фазтон, чтобы обозначить себе путь, рассыпал раскаленный, тлеющий пепел, как дети в сказках — хлебные крошки, зерна и белый гравий, по которым они могли найти дорогу домой <...>, как» в Гензель и Гретель». Тот же мотив, но ближе к нашей сказке, имеется в одном средневековом тексте — описании путешествия Макариоса Египетского в сад, посаженный магами-язычниками; он отмечает свой путь стеблями камыша*. Этот мотив входил в многочисленные сюжеты. В XVI в. у Мартина Монтануса [104, 260—266] он входит в основной мотив о детях, брошенных в лесу: Гретлин, от которой хочет освободиться мачеха, дважды находит дорогу

* Historia Lausiaca, с. 19—20 // Patrologia graeca. 34. 1052; Patrologia latina. 73. 114. Ed. J.-P. Migne.

домой по опилкам и по мякине, а в третий раз семена конопли склевывают птицы, и Гретлин попадает в домик земляной коровки (здесь основа и другой сказки Гриммов, КНМ № 130: «Одноглазка, Двуглазка и Трехглазка»). В форме, близкой к тексту Гриммов, этот сюжет появляется у Базиле, который, видимо, черпал его из тех же источников, что и Монтанус. От Базиле, как показали исследования, зависит текст Перро, который был первым, кто ввел в этот сюжет мальчика с пальчик (о переводах Перро на нем. см. в Библиографии). Немецкие рассказы, о которых говорят Гриммы, являются устными обработками Перро, распространенными в бюргерской немецкой или эмигрантско-гугенотской среде (см. об информантах Гриммов). На этот сюжет и указывают Гриммы, комментируя эту сказку, и приводят его как самостоятельный в следующем автографе ОН. Сюжет Ж. Ж. Оберлена в «Очерках о лотарингском говоре» прямо зависит от Перро. Есть предположения, принятые рядом исследователей, что Перро ввел мальчика с пальчик из других сюжетов, которыми Гриммы воспользовались в двух других сказках: «Мальчик с пальчик» и «Портняжка мальчик с пальчик».

К Перро и ряду других источников восходит салонная сказка мадам д'Онуа «Замарашка» [82, 2, 484], которая тоже была переведена на немецкий. Домик из сладостей — ее изобретение. Мотив одиноко живущих людоедов распространен очень широко; в немецких сказках, по утверждению Якоба Гримма [7,

1030], — это, как правило, лесная ведьма. Свидетельства мотива есть уже в античных мифах (см. о Ламии к сказке «Волк»), а людоед есть уже у Штриккера (? — ок. 1250), басню которого о двенадцати разбойниках, заблудившихся в лесу, Якоб Гримм опубликовал в «Древнегерманских лесах» [6, 2, 178—182]. О не менее распространенном мотиве сжигания ведьмы в печи см. в работе Коскена*.

Различные варианты этой сказки известны во всей Европе и Азии. По Лингманну они получили распространение в Средиземноморье между 300-м и 1500 г. с одновременным их проникновением на запад, север и восток Европы [45, 69].

В процессе формирования окончательной редакции текст претерпел сильные изменения. Вильгельм работал над ним особенно много**.

12 *Мальчик с пальчик*

КНМ № 15: «Гензель и Гретель» и 1812: примеч. к № 15.

Автограф Я. Гримма. Источник не определен; судя по сорту бумаги (серого цвета; вод. знак: часть буквы S), вероятно, в семье Хассенпфлюг. Примеч. 1822: «По немецким рассказам». Обработка для печати В. и Я. Гриммов.

Приписка к заглавию указывает на то, что сюжет является вариантом предыдущей сказки. Примечание

* Cosquin M. Le conte de la chaudière bouillante et la feinte maladresse dans l'Inde et hors le l'Inde // Revue des traditions populaires 25, 1.65, 126.

** Подробно см. об этом: Winter E. Ur-

und Endfassung des Grimmschen Märchens «Hänsel und Gretel» // Pädagogische Rundschau, 1962, 16. S. 808—819) и у Хагена [39].

под текстом — ссылка на аннотированный перечень Э. Ньюрупа *Almuens morskabsbøger* (Народные увеселительные книги [лубки]) в журнале *Ирис и Геба* за 1795—1796, № 46: *Svend Tomling* (Подмастерье мальчик с пальчик). Сказки собственно о мальчике с пальчик (см. ОН № 14 и КНМ № 37 и 45) с сюжетом Перро не имеют ничего общего, контаминации редки, и более поздние — после XVII в. См. предыдущий коммент.

13 *Дурень*

КНМ: примеч. к № 63 и 1812: примеч. к № 64/III.

Автограф В. Гримма (заглавие — рукой Якоба). Источник не определен; возможно, из семьи Вильд. Примеч. 1822, с. 115: «Часто в Гессене». Обработка для печати В. и Я. Гриммов.

<текст ОН> Здесь зачин другой: отец прогоняет глупого Ганса, потому что он совсем глуп; Ганс идет на берег моря, садится там и плачет; тут появляется жаба, которая на самом деле — заколдованная прекрасная дева, по ее просьбе Ганс прыгает в воду, борется с жабой, обретает царство и возвращает деве человеческий облик, —...

Этот сюжет, как и почти совпадающие с ним примечания, являются фрагментами вариантов сказки «Три перышка» (КНМ № 63; ОН № 15). Один из таких вариантов с пометой «гессенский» Гриммы напечатали под № 64 в изд. 1812 г., где речь идет не о море, а об озере.

В окончательной редакции вода как стихия искупления заменена повозкой. См. коммент. к № 15 и № 17.

14 *О портняжке мальчике с пальчик*

КНМ № 45 и 1812: «Странствия мальчика с пальчик».

Автограф Я. Гримма. Источник устный: Мария Хассенпflug из Ханау; в Касселе. Примеч. 1822, с. 73: «Из Майнских окрестностей». Обработка для печати В. Гримма.

Эта сказка, кажется, родственна небольшой датской народной книге, которую Ньюеруп приводит в *Iris og Hebe*, 1796, июль, стр. 88, и заглавие которой гласит: *Svend Tommling* и т. д. (один человек ростом не больше пальца хочет жениться на женщине ростом в три аршина и три четверти; он появляется на свет со шляпой и шпагой на боку; пашет землю плугом, его ловит помещик и держит в табакерке, он оттуда выпрыгивает, падает на поросенка, который становится его верховой лошадейю).

[Доп. с. LXVI] Эта сказка рассказана и в сборнике Бенджамина Табарта (новейшее изд. Лонд<он> 1809. ч. I. 37—52): *the life and adventures of Tom Thumb* <Жизнь и приключения Томаса с пальчик; см. 120>, где он не сын портного, а просто мальчик с пальчик, однако и у английского сказания есть свои прелестные особенности. Например, на стр. 41 мать доит корову — а погода выдалась ветреная — и привязывает Томаса ниткой к стеблю бодяка, который корова вместе с

мальчиком затем съедает, и многое другое. Но что еще примечательней для истории мифов: этот Том Тамб, кажется, имеет отношение к другим английским и шотландским сказаниям о Тэмлейне (Tamlane), Томлине (Tomlin) и самом Томасе, мифическом поэте *.
*n<ota>b<ene>. греч. народные сказания о мальчике с пальчик с<мотри> в <> Описании мира <> Претор<ия> ** <J>*

В первый абзац печатной редакции Вильгельм Гримм включил насмешку мальчика с пальчик над скудным харчем: «Картошки по горло, а мяса—едва, король от картошки, прощай навсегда!—напишу я рано утром мелом на двери дома, если вы, госпожа мастерша, не дадите мне лучшей еды». «Самое большое добавление, какое я помню, — писал Якоб Гримм к Арниму 31.12.1812, — Картошки по горло — прощай навсегда, что сообщено нам <...> одной служанкой; это шутка подмастерьев» [60, 255].

Сказка о мальчике с пальчик, распространенная по всей Европе и отличающаяся редкостной однородностью и прочным экотипом, восходит своими основными мотивами к глубокой древности и коренится в культуре плодородия. Гриммы были первыми, кто обра-

* Томас Раймур из Эрсельдуна (ок. 1220 — ок. 1297) — шотландский мистик-прорицатель и поэт; по легендам, он попал в страну эльфов, где женился на королеве эльфов, после чего посетил землю и вновь вернулся к эльфам; его произведения впервые опубликованы в 1603 г. и еще раз в 1875 г.: *The romances and prophecies of Thomas of Erceldoune* (Сказки и пророчества Томаса из Эрсельдуна).

** Johann Praetorius (1603—1680) — немецкий писатель, собиратель курьезных фактов и историй; Музеус, Гете, Брентано и Гриммы высоко ценили его книги как неистощимый источник нарративных традиций. Цит. его кн.: *Anthropo DeMVs PL VtonlCVs, Das ist, Eine Neue Weltbeschreibung* (греч.-нем.: Плутоново пугало человека, или Новое описание мира). Magdeburg, 1666.

тил внимание на сказания о маленьких существах божественного происхождения: в древнеиндийском мифе Брахма в образе крошечного человека плывет по морю на листе лотоса, то же — о Вишну на листе папалы; этот образ совпадает со стихотворной голландской легендой о Брандене, которому встретился в море человек размером с большой палец и плывущий на листе, пользуясь как веслом большой ложкой [7, 418—420] *. Вильгельм Гримм указывает на родство мальчика с пальчик с древнегреческими Диоскурами (Поллуксом), которые отождествлялись с кабирами, низшими хитоническими божеествами плодородия, огня и помощниками в несчастьях, а также с пенатами, римскими богами-хранителями очага, и связанными общим происхождением с обитателями недр — скандинавскими альвами, немецкими домовыми, холлями, кобольдами и цвергами [17, 1, 432—433]. С последними в родстве и скандинавское божество, молотобоец Тор, который в одном из своих приключений оказался в рукавице турса Скрюмира [85, 41—42]. Однако главный источник этого мотива все же Средиземноморье: в IV гомеровском гимне младенец Гермес крадет коров Аполлона и возвращается в дом сквозь закрытую дверь «словно ветер осенний» **; то же см. о поэте Филете Косском и ясновидце Архестрате ***. Связь маленького человечка ростом с палец с ткаческим и портновским ремеслом показана у греческого эпиграмматика Лукиллия (I в. н. э.): Марка унес ветер,

* Подробнее в: Blommaert Ph. Oudvlaemische gedichten XII^e, XIII^e en IV^e eeuwen. D. 1—2, Gent, 1838—1841, V. 1. 118^b; V. 2, 26^a.

** См.: Эллинские поэты / Пер. В. Вересаева. М., 1963.

*** Athenäus 12, 77, p. 551.

и он бы пропал, если бы не запутался в нитках, по которым он вернулся на землю*. Эти и многие другие аналогичные мотивы, объединившиеся с символикой большого пальца руки, о чем подробно пишет Вильгельм Гримм [«О значении немецких названий пальцев», 17, 3, 425—432], и породили мотив мальчика с пальчик. Первое свидетельство связного сюжета о нем датируется в Европе XIII в. в стихотворном фаблио «История поэта Сибуса», где говорится о мальчике с пальчик, найденном под капустным листом**.

В начале XVII в. сюжет Лукиллия в развитом виде появляется в стихотворной немецкой побасенке в чрезвычайно популярном и неистощимом сборнике повествовательных сюжетов и пословиц Эухария Айринга (ок. 1520—1597)***. Дальнейшие книжные следы сюжета в Германии см. в «Курьезном описании путешествия франков» Андрофила****. Однако в полном виде этот сюжет зафиксирован в Англии XVI в. в анонимной поэме, где Том Тамб, создание волшебника Мерлина, выступает придворным карликом короля Артура*****; там он попадает в колбасную массу, которую его мать дарит нищему; потом оказывается в желудках коровы, великана и рыбы. Содержание этой поэмы отразилось в знаменитой книге Реджинальда

* Griechische Anthologie. B. 2.230. № 65.

** См. антологию фр. фаблио Этьена де Барбасана (1696—1770), которой пользовались Гриммы: 77.

*** Eyring E. Proverbium copia... Eisleben; 1601. V. 1. P. 198.

**** Androphilus K. Curieuse Reusebeschreibung der Franken. o.O., 1735.

***** Tom Thumb, His Life-and-Death // Remains of the barly Popular Poetry of England / By Carrew Hazlitt. London, 1630, P. 1—14.

Скота (ок. 1538—1599) «Открытие колдовства»*, где Том Тамб появляется вместе с великанами, кобольдами и феями; существует прозаический вариант 1621 г., пересказанный Табартом, на которого и ссылаются Гриммы (см. выше). Есть мнения, что в английской и французской сказке мальчик с пальчик связан с астральной символикой: самая яркая звезда в созвездии Волопаса — Арктур (Артур отожд. с Томом Тамбом); по-валлийски Волопас — Char Poucet (колесница мальчика с пальчик), по-французски — Chariot de guerre de Arthur (Боевая колесница Артура).

Опорные моменты этого сюжета: 1) вспахивание поля в ухе коровы; 2) попадание в желудок коровы (собственно ядро сказки); 3) попадание в колбасу; 4) приключение с ворами. Весь сюжет наиболее развернут во Франции и Германии. Мотивы сюжета, записанного Гриммами, наиболее характерны для Франции и стран Средиземноморья. В немецких вариантах, например, мальчик с пальчик ворами не помогает, из чего можно заключить, что родиной данной сказки является Франция.

Литературная обработка на протяжении всех семи изданий КНМ производилась Вильгельмом с опорой на сюжет в сборнике Табарта, ряд мотивов из книги Претория и, возможно, Айринга. Все мотивы сгруппированы Гриммами в два сюжета (см. также КНМ № 37). В России см. у Афанасьева: «Мальчик с пальчик», № 300, который восходит к Гриммам, Перро и английской поэме XVI в.

* Scot R. Discovery of Witchcraft. London, 1584.

15 *Дурак*

КНМ — и 1812: примечание к № 64/III.

Автограф Я. Гримма. Источник не определен; судя по сорту бумаги (серого цвета; вод. знак: три лилии), вероятно, из семьи Хассенпфлюг. «Варианты» взяты из записи Ф. Маннелль из Аллендорфа от 6.4.1809 (ср. ОН № 46: «Другая <сказка>»). Примеч. 1822, с. 115: «Часто в Гессене». Обработка для печати В. и Я. Гриммов.

Подобную сказку записал несколькими словами и Клеменс Брентано: «Глупый брат ищет невесту. Лягушка, стеклянная гора, косынка, кольцо, лягушка-невеста» [ср. 2, 174 и 4, 357].

В примечании к 1-му изданию (III) приводится в связном виде текст ОН № 15, объединенный с припиской «Варианты», которая закончена фразой: «Давай, скажи мне, что у тебя за беда. И кошка достает ему наилучший запах».

16 *Белый голубь*

КНМ — и 1812: «О дурачке». I. «Белый голубь». Ø 57.

Автограф В. Гримма (заглавное слово *Dummling* приписано Якобом). Источник устный: Гретхен Вильд, в Касселе, 1808. Примеч. 1822, с. 102: «Зачин как отдельную сказку о дурачке мы слышали от Гретхен Вильд». Обработка для печати В. Гримма.

1. Зачин <"> Белого голубя <"> похож на <"> Золотую птицу <">. № 57. [Доп. с. LXVIII] Книжная датская сказка: *Historie om trendre Brødre, iblandt hvilke den*

yngste efter han havde af sine to brødre lidt stor foragt... omsider blev en Fyrste <История о Трех братьях, младший из которых, претерпев множество унижений от своих двух братьев, ... в конце концов стал князем> и т. д., кажется, принадлежит именно к этому кругу <сказок>. Ньюруп (Ирис, июнь 1795. стр. 281) ее слишком быстро осудил, сказав о ней очень мало.

<"> Народные п<есни> <"> Ньюрупа с. 272. <J>

Обособление зачина в самостоятельный сюжет — случай не единичный, ибо зачин как в ядре содержит в себе все или почти все мотивы со всеми возможными их развития. Обособившийся мотив можно рассматривать как вариант. В данном случае «Золотой птицы». Основу этого распространенного сюжета образует представление о мировом древе и его ипостаси — древе жизни и познания, имеющееся у всех народов и глубоко коренящееся в сознании человека [МНМ, 1, 396—407]. В древнем Египте на сикомору с плодами жизни опускался в образе птицы умерший, чтобы познать свое божественное происхождение от Ра; то же — в древнем Вавилоне. Ср. также райское древо с плодами познания и греческий миф о яблоках Гесперид. Скандинавское верховное божество Один много дней висел в ветвях древа ради познания священных рун [85, 138—139]. Один, связанный в немецких преданиях с мотивами плодородия, принимал и обличия птиц. Птица на древе жизни — древнейший образ вселенских метаморфоз жизни и смерти. В сказках и

мифах восточного Средиземноморья птица обобщена в магического Феникса, «предшественником» которого является, видимо, Бодхисатва в образе золотого павлина [95, джатаки 149 и 491] и место которого занимали орел, соловей и голубь. По аналогии с христианским отождествлением Феникса с Иисусом Христом в средневековье голубь был воплощением Святого Духа. Образ магической птицы смыкался с мотивом воды жизни, живой водой, корни которого также уходят в глубокую древность [МНМ, 1, 240]; ср. у Гриммов — КНМ № 97, «Живая вода».

Первое литературное свидетельство сюжета, сложившегося вокруг вышеназванных эмблем, имеется у провансальского монаха-доминиканца Иоанна Гобия Младшего (XIII в.) в его латинском собрании проповедей «Лестница в небо» (*Scala coeli*), которое было переведено на немецкий и издано в 1480 г. в Аугсбурге*: неизлечимо больной король просит сыновей достать воды из источника жизни; младший встречает старца, который предупреждает о подстерегающих юношу опасностях — встрече со змеем, прекрасными девами, а также рыцарями и баронами, которые будут предлагать ему оружие; и о деве в замке — хранительнице источника; младший, преодолев все преграды, получает королевство и женится на деве. Параллельным старейшим документом этого сюжета, восходящим, возможно, к тому же источнику, что и назидательная сказка Гобия, — к утерянной французской поэме, является голландский стихотворный ро-

* Совр. нем. пер. Й. Клаппера в: *Mittel-Volkskunde*, Н. 20, 11 и в *BP*. 1. *lungen der schlesischen Gesellschaft für* 512—513.

ман Пенника и Питера Востертов «Роман о Валевейне» * (1250), где король Артур требует добыть ему драгоценную шахматную доску (шахматы — эмблема жизни), увиденную им в воздухе. Добывает ее Валевейн, племянник короля, и женится на дочери индийского царя Ассентина — Изабелле. К «Валевейну» восходит, вероятно, датская народная книга «Отличная новая История о Короле Эдвардо Английском, который заболел неизлечимой болезнью, но, следуя мудрому совету Королевы, излечился, и с помощью младшего Сына Короля, принца Артура Чистосердечного, спасшего своего больного Отца поездкой к Царице Аравии, где хитростью заполучил ее Сокровища и увез к себе на родину собственность Царицы, драгоценную птицу Феникс, после чего, перенеся много Испытаний, получил Царицу в жены. С голландского на датские Рифмы переложил П. И. Х. Копенгаген: 1696», которую приводит Э. Ньюеруп ** и автором которой, возможно, является датский поэт П. И. Хегелунд (1542—1614). В Германии сказка публикуется впервые в анонимно изданном сборнике К. В. Гюнтера (1755—1826) «Детские сказки, собранные по устным рассказам» [92] под заглавием «Верный лис» (помощник главного героя еще в «Валевейне»). Этот сборник был хорошо известен в Германии. Вступительный сюжет о яблоне, которую по очереди охраняют трое сыновей, имеется и в гриммовской сказке «Подземный человек» (КНМ № 91).

* Vostaert P. en P. Roman van Walewein / Ug Jonckbloet. Amsterdam, 1846—1848; Draak A.M.E. Onderzoekingen over de roman van Walewein. Amsterdam, 1975.

** Nyerup E. Morskabslaesning in Danmark. København. 1816. S. 227.

В России этот сюжет, распространившийся в конце XVIII в. также преимущественно книжным путем (многочисленные лубки «Жар-птица и серый волк»), связан с западноевропейской традицией. См. у Афанасьева № 168, 169—170, 171—178, у Худякова [129, 1, 1].

17 *Три королевича*

КНМ — вариант № 63: «Три перышка» и 1812: «О дураке» № 64/II.

Автограф В. Гримма (подзаголовок «Дурак» приписан Якобом). Источник не определен; вероятно, из семьи Вильд. Примеч. 1822, с. 115: «Часто в Гессене». Обработка для печати В. Гримма. Гриммовское примечание к этой сказке составлено из кратко изложенных текстов ОН № 15 и № 13.

Эта сказка имеется в брауншвейгском сб. [86], с. 271—286 № 13. «Король Дуранду и трое его сыновей, и там опять другие задачи <:> 1) лодку, сделанную не из дерева, дает ему старец, которого он ублажил, 2) наимельчайший кусочек тончайшего полотна преподносит ему в ореховой скорлупе умная кошка; в скорлупе — еще одна скорлупа меньших размеров, где лежит, наконец, ячменное зернышко, а в нем уже ткань, 3) в прекраснейшую невесту превращается сама кошка.

Есть также общеизвестная поговорка, которой охотно пользуются обычно те, кто хочет или должен ехать на чужбину: «у перышка я справлюсь»;

куда его снесет, туда я и отправлюсь» Авентина бавар<ская> хроника * стр. 98^b. <W>

Этот сюжет составлен из трех основных мотивов: испытание трех сыновей, оракул пути (перья, стрелы) и заколдованная дева-лягушка (мышь или кошка). Мифопоэтический образ лягушка (жаба) = мышь (крыса), символизирующий плодородие и возрождение и соотношенный со стихией земли, огня, воздуха и подземной воды, с двузначностью высшего и низшего, души и плоти [МНМ, 2, 85—86], имеет восточное происхождение. См. в «Гимнах Ригvedы» («Гимн лягушки», VII), древнеиндийском памятнике II тыс. до н. э. и в древнем Египте (кошка—ипостась Ра), а также в древней Греции (мышь—символ Аполлона Сминфийского). Стрелы (перья)—традиционные атрибуты лягушки (мыши), они—столь же древние символы солнечных лучей и связаны с верой в доброе провидение, с небесным предсказанием удачного пути. Вокруг этого образа сложилось множество сюжетов, в центре которых выступает то лягушка, то мышь, то кошка. Европейский тип этой сказки возник, предположительно, в период соседствования кельтских, германских и славянских племен в I-й пол. I тыс. до н. э. [HdM; 72—74]. Не исключено объединение его с ближневосточным вариантом, зафиксированным в «1001 ночи» (сказка о пери Бану). К «1001 ночи» имеет, видимо, отношение основа гриммовской сказки—рассказ из популярной, запрещенной инквизицией книги флорентийского монаха, печатника, переводчика

* Иоханн Авентин (1477—1534)— tberumbten Hochgelehrten Beyerischen баварский историк; автор известной Geschichtsschreibers Chronica ... Franckfort am Mayn, 1555.

и писателя Антонфранческо Дони (1513—1574) «Небесные, земные и преисподние миры академикопилигримов» (1552—1553)*: Мом вовлекает в беседу летящие на небо души; сначала Анаксагора, потом Диогена и т. д., и, наконец, члена Венецианской Академии Пилигримов — Коррьери, который прежде был Пифагором, лошадю, петухом и лягушкой; Мом спрашивает, что он делал, когда был лягушкой; Коррьери отвечает, что в образе лягушки он принес замечательное приданое прекрасному юноше, который, как и два его брата, был отличным стрелком; и пилигрим Коррьери рассказывает Мому сказку якобы по «Жизнеописаниям» Плутарха: выбирая невесту, братья с вершины башни стреляли по окнам домов из арбалетов; старшие выбрали удачно, а младший выстрелил наугад и попал в болото с лягушками; пошел он со слезами за женой-лягушкой, и Коррьери, бывший лягушкой, превратился в нимфу, привел юношу в другой мир, где обвенчал его с прекрасной девушкой и дал в приданое орех; в орехе оказались дворцы, лошади, слуги и т. п., и на всем был герб с лягушкой. Откуда взял Дони, пользующийся славой плагиатора, эту историю, установить пока не удалось. Его книга в 1580 г. была переведена на французский и, видимо, таким образом сюжет попал к д'Онуа [82, 3 «Белая кошечка»]: король посылает своих сыновей за маленькой собачкой; младший попадает в замок Белой кошки, где ему прислуживают невидимые слуги, и через год он получает собачку; отец дает ему новые задания —

* *Mondi celesti, terrestri et infernali de gli academici pelligrini / Composti del Doni.*
Venezia: Domenico Farri, 1583: 125 ff.

достать полотно, проходящее сквозь игольное ушко, и, наконец, самую прекрасную деву; младший отрубает кошке голову и лапы и бросает их в огонь; кошка превращается в красавицу. От этой сказки, получившей широкую известность в Германии, непосредственно зависит сказка брауншвейгского сб., которую приводят Гриммы в примечаниях. А. Вессельский, ссылаясь на партитурное сопоставление К. Шмидта [53, 260—270], утверждает сюжетную зависимость гриммовской сказки от текста д'Онуа и стилистическую, в окончательной редакции, — от текста Дони и «Жабы» филолога И. Г. Бюшинга (1783—1829), опубликованной в 1812 г. в его сборнике «Народные сказания, сказки и легенды» [81, 286—295] и также зависящей от д'Онуа и Дони [69, 46]. В издании 1819 г. этот вариант заменен на другой, сообщенный, предположительно, Доротеей Фиман.

В России в XVIII в. был широко распространен лубок «Сказка об Иване-богатыре, о прекрасной супруге его Светлане и злом волшебнике Карачуне», который послужил основой афанасьевской сказке «Царевна-лягушка» [№ 267—269].

18 *Дурачок*

КИМ № 62 и 1812 № 64. II: «Пчелиная матка».

Автограф Я. Гримма. Против заглавия карандашная помета Брентано: «История Брисонето»*. Источ-

* Рыцарский роман Георга Мессершмидта «О благородном рыцаре Брисонето» (Messerschmidt G. Vom Edler Ritter Brissoneto. Straßburg, 1559); см. подробно: Bolte J. Georg Messerschmidt und sein Roman // *Alemania*. 21, 1893. S. 13—15.

ник: Альберт Людвиг Гримм. Детские сказки *. Записано между 15.4 и 10.7.1809. Обработка для печати В. Гримма.

У «Пчелиной матки» много очевидных соответствий с мотивами сказки о «Раз-два-и-готово» (№ 16 КНМ 1812).

Из-за этих соответствий сказка под № 16, начиная со второго издания, приводилась только в примечаниях к № 62. В этой сказке, рассказанной Гриммам в 1811 г. драгунским вахмистром Фридрихом Краузе, говорится о старом солдате по имени Раз-два-и-готово, который добывает для короля принцессу с помощью певчей птицы, ворона и рыбы [ВР, II, 19—21].

Сюжет о благодарных животных документируется еще в древнеиндийских литературных памятниках, откуда он проникает на Ближний Восток. См. Сказку о Синде и Фатиме в «1001 ночи», где герою помогают благодарные улитки, слоны и духи. Однако в Западную Европу сказка пришла, видимо, из Греции. См. в «Метаморфозах» Апулея сказку об Амуре и Психее. Первое литературное свидетельство именно этого сюжета содержится в стихотворном куртуазном романе Мессершмидта: генуэзец Баптиста Бризонето отправляется в Аравию; помогает в беде муравьиному королю Морету, утиному королю Анатастеру и пчелиному королю Мелиссу; в Аравии он хочет жениться на владычице Страны настоящей любви Верекунде; для этого он должен выбрать просо из терновой изгороди, достать из моря ключ и узнать царицу среди многих

* Grimm A. L. *Kindermärchen*. Heidelberg, o.J. <1809>. № 6: «Три королевича».

женщин, закрытых вуалью. Роман Мессершмидта послужил источником многих сказочных сюжетов.

В 1809 г. Альберт Людвиг Гримм, сотрудничавший в издании «Волшебного рога», опубликовал этот сюжет в своих «Детских сказках» с пометой «по памяти о подобной народной сказке» — т. е. явился фактическим сочинителем ее. Якоб Гримм переписал эту сказку, местами почти дословно, без указания источника; не сделал он этого и позднее, вероятно, из ревности и стремления отмежеваться от своего конкурента, который не ставил задачи собрать подлинные народные сказки, а сочинял их по известным ему мотивам и сюжетам. В предисловии к КНМ 1812 г. Вильгельм писал, что собрание А. Л. Гримма неудачно и с их сборником не имеет ничего общего [18, XIX—XX]. Этот труднообъяснимый факт плагиата установлен Вессельским [67, 99—103] и поддержан Рёллеке и прочими современными исследователями.

Мотив благодарных животных иначе развит в русских сказках о Марье Моревне и о Кашее Бессмертном [Афанасьев, № 156—158 и 159].

19 *Терновая розочка*

КНМ № 50 и 1812: «Терновая розочка».

Автограф Я. Гримма. Источник устный: Мария Хассенпфлюг. Примеч. 1822, с. 87: «Из Гессена». Обработка для печати В. Гримма.

Belle da bois dormant <Красавица, спящая в лесу>
Перро связана с нашей сказкой № 82 <1812: «Три

сестры» по Музеусу; <см. 106. Со 2-го изд. не публиковалась>. Дева, спящая в замке, обнесенном терновой стеной, в ожидании королевича, который ее освободит, идентична Брюнхильд, спящей за огненной стеной, через которую проникает Сигурд *. Есть цветок, который зовется Гретель-в-кустах, потому что весь укутан тонкой узорчатой зеленью, называют его также Гретель-в-палисаде, по-швед<ски> Jungfru i det gröna <Дева-в-зелени>, по англ<ийски> the devil in a bush <черт-в-кустах>. (Nigella, damascena **). — Зачин с опасным веретеном такой же, как в <"> Пентамероне <"> III, 3. с опасной косточкой.

Note <замет> забывание злой феи, когда приглашали (с<мотри> Конкорданс сказаний h<ас> v<осе> <на это слово>) ***. Веретено, которым она себя уколола, = снотворному щипцу, которым Один укалывает Брюнхильд. Фр. fleur dépine <Колочий цветок> — чистое изобретение Гамильтона **** и ничем не связан со старой сказкой. <W>

* Saga о Вельсунгах. Л.: Academia, 1934, Гл. 22 и 24—32; Старшая Эдда. <Речи Сигдривы>.

** По-русски: чернушка (нигелла) дамасская, или *девица в зелени* — растение семейства лютиковых, часто медоносное, с сине-фиолетовыми или белыми цветками. Произрастает в Южной Европе, среди злаков. Любопытный природный аналог сюжета о спящей красавице, свидетельствующий в пользу интерпретации основного мотива как модели вегетационного мифа с этимологическими выходами. Меткое наблюдение Якоба базируется на «Всеобщей полиглотической энциклопедии естествозна-

ния» Р. А. Немниха [108, 3—4, 726—727], которой Гриммы часто пользовались.

*** См. Библиогр. 20; Вл. 364: «Забывание при приглашении <...> б. тринадцатую фею забыли пригласить. Сказка о Терновой розочке <...>».

**** Ангуан Гамильтон (1646—1720) — фр. писатель, автор четырех фантастических повестей в стиле 1001 ночи, одна из которых, «История о колочем цветке» (Histoire de Fleur d'Épine), и цитируется; см. Hamilton A. Oeuvres complètes nouvelle édition <...> Paris, 1805. Т. 2. P. 1—125; под заглавием «Терновая розочка» была переведена на нем.

Эта сказка, как никакая другая в гриммовском сборнике, является порождением чисто литературной традиции и примером создания устной традиции на почве литературы. До Гриммов эта сказка в Германии не бытовала, и своей популярностью, ныне не только в Германии, обязана именно Гриммам.

Многочисленные исследования позволяют установить две группы источников: средиземноморскую и скандинавскую. Из древнеегипетских папирусов о заколдованном царевиче известна сказка, где сыну фараона предсказана смерть тремя божествами судьбы, но его жизнь продлевается любовью девушки *. В античном сказании об Алфее и ее сыне Мелеагре последний, по предсказанию мойр, должен был умереть в 7-летнем возрасте, когда догорит в очаге полено [Аполлодор 1—8, 1—3; Овидий 8, 267]. В мифе о дочери Зевса, харите Талии (Фалии — «цветущей»), Зевс в облике коршуна совершил с ней кровосмешение, от которого родились близнецы Палики, демонические существа, карающие клятвопреступников; спасаясь от гнева Геры, жены Зевса, Талия спрятала своих детей в недрах вулкана Этна. [Эсхил, несохр. трагедия «Этненцы», 470 г. до н. э.]. К этому сюжету восходит, видимо, французский роман о Флорианте и Флорете **, где белый олень заманивает героя на полыхающую огнем Этну; юноша пробивается сквозь огонь и находит на вершине спящую фею Моргану, сестру короля Артура.

На следы сюжета в скандинавской мифологии

* Brunner-Traut E. Altägyptische Märchen. Düsseldorf; Köln, 1976. № 4. S. 24. ** Roman de Floriant et de Florete / Ed. Fr. Michel. Paris, 1873.

указал Я. Гримм [7, 383, 390, 391, 395]: Один, наказывая валькирию Сигрдриву (= Брюнхильд), уколол ее снотворным шипом и окружил спящую стеной огня, через который пробился Сигурд. Мотивы предопределения при рождении ребенка отражены в исландских сказаниях о Старкаде и Норнагесте [Саксон Грамматик в XII—XIII вв. в «Деяниях датчан», 11, 6; см. также «Прядь о Норнагесте»]. В «Зейфриде Ардемонтском», части «Младшего Титуреля» Альфреда фон Шарфенберга (ок. 1270), в основу которого положено сказание о роговом Зигфриде, содержится рассказ об окруженном терниями замке на высокой горе, где живет королева Мундироза (= Роза Мира), и о таинственном замке Грааля, построенном Титурелем. Есть предположение: общие мотивы этих сюжетов сложились в I тыс. до н. э. в районах пограничного расселения германских и кельтских племен, и именно подвижные кельты распространили этот сюжетный архетип по Средиземноморью.

В XIV в. начинается собственно литературная жизнь сюжета. В анонимной каталанской поэме о Брате-Веселье и Сестре-Наслаждении* королевская дочь внезапно падает замертво, но ее не хоронят, а помещают в одинокую башню, куда проникает принц из Флорианды, обменивается со спящей кольцами и возлегает с ней, после чего ищет для нее исцеления; ему помогает хищная птица, излечивающая принцессу травами и склоняющая ее сердце к неизвестному отцу родившегося ребенка. Из этого же времени (ок. 1340)

* Frayre de joy et Sor de plaser. См. Meyer H. Romania, 1884. № 13.

известен анонимный рыцарский роман «Древние хроники Англии, деяния и подвиги Короля Перцефореста и Рыцарей из Благородного Дворца» *, где рассказывает о принцессе Селландине, при рождении которой три богини, Луцина, Темис и Венера, вручают ей свои дары; за столом у Темис не оказалось ножа, и, разгневанная, она возвестила, что Селландина уколется льняным волокном, но Венера обещала выздоровление. Пророчество свершается: Селландина погружается в сон. Через некоторое время принц Троил на спине птицы проникает в закрытый замок Селландины, предается с ней любви и, обменявшись кольцами, улетает. Родившийся мальчик высасывает из пальца матери волокно, и она просыпается. Король устраивает турнир, где Троил побеждает всех, открывается Селландине и бежит с нею.

На роман о Перцефоресте опирается Базиле в своей знаменитой сказке «Солнце, Луна и Талия» [78], в которой, видимо, сыграли свою роль и другие источники: родившейся Талии прорицатели предвещают, что в будущем она уколется волокном и уснет. Волокно попадет Талии под ноготь. В замок со спящей Талией приводит охотившегося принца его крик, подобно тому, как сокол Сигурда указал путь к спящей Брюнхильде [«Сага о Вэльсунгах», гл. 24]; принц возлег с нею, и Талия родила во сне двух близнецов, как в греческом мифе, — Луну и Солнце; дети, не найдя груди, стали сосать палец, и волокно вышло; между тем принц вспомнил лес, замок,

* Anciennes croniques d'Angleterre, faits et gestes du Roy Perceforest et des Chevaliers du Franc Palais; lib. 3, cap. 46. // Flutre L. F. Romania. № 70. 1948—1949. P. 481.

отыскал его и решил взять детей с собой; его жена, узнав историю их рождения, решила убить детей; следует счастливая развязка.

Сюжет Базиле пересказывает Перро, подвергая его своей обработке: на крестинах присутствуют семь юных фей; во время пира появляется старая фея, которую не пригласили; ей тоже дали прибор, но не золотой, как прочим, из-за чего она проклинает новорожденную, но пророчество исправляют: уколотившись веретеном, принцесса только уснет; все засыпают, но не сами, как в гриммовском рассказе, а от палочки феи; вокруг башни мгновенно вырастают деревья и кусты; через 100 лет появляется принц, и лес перед ним расступается; он приседает перед спящей и все просыпаются; принц женится на красавице тайком от родителей и только после смерти отца приводит своих детей, Аврору и День, в родовый замок; мать хочет убить невестку и детей и сварить их на обед; в конце концов в котел попадает сама.

В подражание Перро создает свою сказку мадам д'Онуа «Лесная лань», где героиня Дезирея (Желанная) родилась по предсказанию феи в образе рака; в сон Дезирея погрузилась, уколотившись косточкой.

То, что на немецкий язык сказка была переведена как «Терновая розочка», является, вероятно, метафорическим уподоблением, ставшим в немецкой традиции штампом: от снотворного шипа Одина, Розы Мира в

* La biche au bois // Contes nouveaux ou les Fées à la mode. Paris, 1698; 110
Андреев, 229.

«Титуреле», окруженной терновой изгородью, через поэтическую традицию средневековья, продолженную Возрождением [Ролленхаген, DW 6, Dornrose], барокко [см. комедию А. Грифиуса «Возлюбленная терновая роза», 1660] до «Лесной розы» Гердера, где есть мотивы преодоления терний на пути к любимой. О недоступности розы в терниях есть немало немецких народных песен, которые, возможно, сыграли свою роль в переосмыслении текстов Перро и д'Онуа. Хотя вероятно, что существовал французский источник, который повлиял на Перро [49, 95] и на заглавие фантастической новеллы Гамильтона. Якоб Гримм, во всяком случае, подчеркивал важность именно такого заглавия, имея в виду и исследованную им германскую традицию и образ Терновой чаши в немецком варианте, который «сохранил более значимое <чем у Перро> имя девы» [16, 8, XIV]. Поэтому и мы изменили традиционный русский перевод этого заглавия.

В рукописи нет свежести и непосредственности устного рассказа, заметно вторжение письменного языка. Причиной может быть то, что Якоб записал сказку не со слов, а с записи информанта (см. его остранинное замечание, что это, кажется, взято из Перро). Но возможно и то, что сам рассказчик при записи сверялся с текстом Перро. Как бы то ни было,

* Ср.: в знаменитой книге песен, составленной и записанной в Аугсбурге в 1471 г. Кларой Хетцлерин [(ок. 1430—1476/77): *Liederbuch der Clara Hätzlerin / aus der Handschrift des böhmischen Museum zu Prag*; Hg. von C. Haltaus. Quedlinburg und Leipzig, 1840: Cop.: Berlin,

1966, 2. Abt. S. 152—159], говорится о замке Вечность (Ymmer):

Цветущей чашей терен там
вокруг пророс, закрыв пути,
чтобы никто не смог пройти
извне сквозь иглы невредим;

сказка отличается редкостной замкнутостью формы, стилистическим единством, даже в первом гриммовском варианте.

При подготовке к печати Вильгельм последовательно пользовался текстом Перро.

20 *Дракон*

КНМ — примеч. к № 88: «Певчий попрыгун-жаворонок» и 1812: примеч. к № 68: «О летнем и зимнем саде» по рассказу Фердинанда Зиберта в 1812 г.

Автограф Я. Гримма. Источник: сказка Габриэлле Сюзанны Барбо де Вилльнёв (1695—1755) «Красавица и дракон» в немецком переводе ее книги «Юная американка...» (*Die Schöne und der Drache. Ein Märchen*; 121, 30—231). Обработка для печати В. и Я. Гриммов.

Это, собственно, сказка о Психее, но она ближе <к оригиналу: Апулей. *Метаморфозы*. Сказка об Амуре и Психее> в других вариантах, где злые старшие сестры силой удерживают младшую, когда та приходит к ним в гости.

В <"> юной американке <">, Ульм 1766.1, 30—231 <см. выше>, тоже есть эта сказка, но она плохо использована. Животным является дракон, в саду которого (вовсе не зимой) * отец срывает розу и за это вынужден пообещать в жены свою дочь. Дочь сама идет в замок дракона, который притворяется глупым и неловким; по ночам ей снится прекрасный юноша, и она настолько привыкает к нему, что, в конце концов,

* В КНМ № 68 собравшегося на ярмарку купца младшая дочь просит привезти розу в середине зимы, и купец находит ее в цветущем саду большого черного животного.

влюбляется. Она навещает родителей и возвращается при помощи кольца, которое нужно повернуть. Наконец, однажды ночью она признается ему в любви, наутро чары улетучиваются, и он становится прекрасным юношей. Выясняется также, что она не дочь купца, а подсунута ему феей. В Лейпцигском сборнике это седьмая сказка (стр. 113—130) *. Во время отъезда отца младшая дочь просит привезти ей дубовую ветку с тремя желудями на одном стебле. Отец блуждает по лесу и приходит к роскошному дворцу, где исполняют все его желания. Ночью приходит медведь, приносит три желудя на одном стебле, просит взамен дочь, и отец в конце концов соглашается. Дома запираются все двери, но медведь еще дважды является в полночь и требует невесту; в третий раз вещи оказываются упакованы сами собой, и на них водружены три желудя, а дочь разодета как невеста, волосы на голове завиты, и всего этого она не ведает; медведь становится рядом и своей лапой надевает ей золотое кольцо и прикалывает ей три желудя. Она уезжает с ним и в дальнейшем видится с отцом и сестрами в зеркале, но домой не ездит, и после того, как она рождает ребенка и ребенку исполняется три года, чары спадают, и медведь превращается в прекрасного юношу. Хорошо и подлинно только зачин, в конце многое кажется искусственным.

Истоки этого в позднейшем литературного сюжета уходят своими корнями в крито-микенскую эпоху,

* Peter Kling; наст. имя: Johan G. Münch (1779—1837) — нем. психолог, юрист-криминалист. В его «Das Märleinbuch für meine lieben Nachbarsleute» (Книге

сказочек для моих дорогих соотечественников. Leipzig, 1799) собраны не сказки, а сказания, единственная сказка — это «Жаворонок».

т. е. до 2 тыс. до н. э. (Мега, EM I; 471—472), и имеют множество ответвлений. Старейшая из литературно-документированных версий имеется у древнегреческого писателя Аристида Милетского (II или I в. до н. э.) в его «Милетских рассказах» (*Μιλῆσιακα*), которые были переведены на латынь популярным римским писателем Корнелием Сизенной (118—67 до н. э.) * и были распространены среди римских легионеров **. У Сизенны сказку заимствовал Апулей (124—? н. э.), включив ее в свои «Метаморфозы» как сказку об Амуре и Психее, единственную сохранившуюся сказку античности, воздействие которой на литературы Европы чрезвычайно обширно. В XIII в. сюжет о женихе в облике животного пришел в Европу и через перевод «Панчатантры» [96, 119]; этот сюжет как зачин был использован Базиле (см. ниже). В XI в. апулеевский сюжет излагает в своих лэ Мария Французская [102]. Родственный сюжет имеется у Страпаролы [119, 2, 1]. Мотив жениха в облике животного, объединяясь со средневековой легендой о Мелюзине, невесте-змее, ставшей женой знатного юноши Раймондина (см. роман Жана де Арроса «Мелюзина», 1387), породил множество сказочных сюжетов. О женихе-змее повествует Базиле [78, 2, 5]: бездетные супруги воспитали змееныша, который женился на дочери короля, выполнив все условия короля; увидев в брачной постели прекрасного юношу, а на полу змеиную кожу, король сжег кожу, и юноша превратился в голубя; вылетая в окно, он смертельно поранился о стекло; принцесса

* См. *Sisennae reliquiae Milesiarum* // ** Плутарх. «Жизнеописания». Красс. *Petronii Saturae* / Rec. F. Bücheler. 5 ed. XXXII. Berlin, 1912.

узнала от лисы, как можно его вылечить. В 1669 г. Лафонтен публикует роман «Любовь Психеи и Купидона», в котором опирается на Апулея и который служит образцом для сказки мадам Вилльнёв «Красотка и чудовище» [82, 26, 154], включенной в роман Лафонтена, послуживший Якобу источником в поисках «подлинной» основы сказки.

Это ему не удалось, и в первое издание вошла сказка, рассказанная Фердинандом Зибертом. Но Гриммы, видимо, сочли ее недостаточно «народной» и зависимой от литературных образцов, в частности от перепева Вилльнёв у Марии Лепренс де Бомон (1711—1780) в ее одноименной с Вилльнёв сказке*. Именно Бомон распространила этот сюжет по всей Европе, правда, не без помощи Ж. Ф. Мармонтеля (1723—1799), который списал его для своих «Нравственных рассказов»** и по либретто которого «Земира и Азор» в 1771 г. А. Гретри создал одноименную оперу. К тому же с 1772 г., наряду с многочисленными немецкими переводами Вилльнёв и Бомон, 4 раза публиковались немецкие переводы «Амура и Психеи» (1772, 1780, 1789—дважды, 1805) Г. Геллиуса, А. Роде, Л. Т. Козегартена и И. И. Линкера. Сюжет вошел и в анонимный брауншвейгский сб. сказок о феях [86]. Вскоре после выхода первого сб. КНМ Гриммы услышали вариант этого сюжета в устах Гретхен Вильд; он показался им «подлинно народным»; с ее слов 7 января 1813 г. в 8.30 вечера была записана сказка «Певчий попрыгун-жаворонок» (Der singende und springende

* Marie Leprince de Beaumont // *Magasin des enfants*. Francfort, 1760. Т. 1. V. 1—2. Paris, 1761. P. 61.

** Marmontel I. F. *Contes*. Moraux.

Löweneckerchen), которая вошла в окончательную редакцию под № 88. Однако этот вариант — такой же продукт книжной культуры, как и предыдущие два. Название желанного подарка — Löweneckerchen — звучит, например, по-вестфальски как Lauberken и для невестфальцев созвучно слову Laub (листва). Так и называется один из вариантов — «О звенящем и поющем листе». И название сказки популярного брауншвейгского сборника — «О звенящем и поющем деревце» (BP, II, 229), откуда недалеко до трех желудей, трех лилий, розы и т. п. Сам сюжет Дортхен — объединение сюжета Вилльнёв-Бомон-Мармонтеля с сюжетом Базиле и Лафонтена.

Благодаря переводам с французского эта книжная новеллистическая сказка стала известна в России в конце XVIII в. У Афанасьева: № 276 «Заклятый царевич» и № 234—235 «Перышко Финиста-ясна сокола». См. также литературную обработку С. А. Аксакова «Аленький цветочек. Сказка ключницы Пелагеи», которую он вставил в роман «Детские годы Багрова внука» (1858) и которая повторяет рассказ Вилльнёв.

21 *Король Дроздобород*

КНМ № 52 и 1812: «Король Дроздобород».

Автограф Я. Гримма. Источник устный: семья Хассенпфлюг. Примеч. 1822, с. 88: «Три рассказа из Гессена, Майнских окрестностей и Падеборна». В рукописи зафиксирован майнский вариант. Обработка для печати В. Гримма.

Он зовется также *Крошкород*, так как во время еды в бороде у него застревают хлебные крошки. Королевская дочь заявляет, что отдаст свою руку только тому, кто угадает, какому зверю принадлежит расстеленная шкура без головы и лап. А это была шкура волчицы. Крошкород узнает тайну, но намеренно ошибается и, переодетый нищим, возвращается, чтобы решить задачу правильно. В <"> Пентамероне <"> IV.10 *la soberbia castecata* <78; «Наказанная гордыня»>, где многое <рассказано> иначе. [Доп., с. LXVI] Крошкород и Дроздобород близки настолько, что их можно перепутать, так как у Ульфила-са * «крошка» переводится <на готский> как: *draus*; ** но точно так же это имя можно получить из слов «дроссель» <дрозд>, «дрюссель» <разг.: нос>, «рюссель» <хобот>, «мауль» <морда>, «назе» <нос> или «шнабель» <клюв; разг.: нос>, и варианты сказки подходят и к тому, и к другому.

*В песне Господина Нитхарта *** говорится о кресть-*

* Ульфила (ок. 311 — ок. 383) — готский епископ.

** Правильно: *drauchsnos* — соответствие греческому ψαχίον в: Лука 16, 21: «И желал напитаться крошками, падающими со стола богача; и псы, приходя, лизали ступя его» (притча о нищем Лазаре); см. издание Ульфила, с которым работали Гриммы: *Ulfilas gothische Bibelübersetzung, die älteste germanische Urkunde nach Ihre'ns Text...* Weissenfels, 1805 (Ульфила готский перевод Библии, старейшего германско-готского документа текст); именные ипостаси

короля Гриммы выводят из созвучия готского «дрохснос» (крошка) и немецкого «дроссель» (дрозд).

*** Найдхарт фон Ройнталь (ок. 118? — ок. 1250) — рыцарь из баварского рода, нем. миннезингер, пародировавший культ чистой любви в стихах на сельские темы, среди которых много сказочных мотивов; в XIV—XV вв. сложены шванки и песни о крестьянах, которые приписывались Найдхарту: один из таких текстов (*Pseudo-Neidhartlied*) и был известен Гриммам.

яние Крошкохарте *. М. б. Крошкобород? Отождествление возможно очень давнего происхождения. «Крошка» у Ульф<иласа> — дроз<дрохсно>. <J>

Под текстом «Дроздоборода» в издании 1812 г. в авторском экземпляре Вильгельмом записано: «Зачин от Хассенпф<люгов>. Концовка от Дортхен». В рассказе Дортхен говорится о том, что король Дроздобород сам разбивает горшки, и о том, как он пристыдил принцессу на свадьбе. К Дортхен относится помета «Из Гессена». Вариант, зафиксированный в примечаниях Гриммов, был известен из устного источника и от Brentano: «Блоха, старуха взперти, бросает бумажку, он решает задачу, уводит ее под видом нищего, разбивает горшки, посуду, она вынуждена красть из кухни, женится на ней» [2, 174].

Этот новеллистический сюжет, распространявшийся в Европе почти исключительно литературным путем, зародился на Востоке. Следы центрального мотива имеются в монгольском «Шидди-Куре» [97, 2, XVIII и XIX], который является переработкой индийской «Веталпанчавинсати»**, восходящей, в свою очередь, к «Панчатантре» [ЕМ, 2, 424—425]. От восточной редакции зависит средневековое французское фавлю «Беренжье длиннозадый» Боккаччо [«Декамерон», 3, I] и № 62 «Ста старых новелл» (Cento novelle antiche. Bologna, 1525. — По кодексу XIII в.). Последняя, безусловно, связана с анонимным стихотворным рассказом, приписанным Конраду Вюрцбургскому [1220/30—

* См. у Георга Фридриха Бенекке в: S. 291.

Beiträge zur Kenntnis der altdeutschen Sprache und Literatur. I. Göttingen, 1810,

** Двадцать пять рассказов веталы. М., 1958.

1287; 93; 1, 211, 224]: королевская дочь, рука которой обещана в награду за победу на турнире, высмеивает рыцаря Арнольда, руками разломившего грушу и предложившего половину принцессе; она называет его «рыцарь полгруши». По совету верного слуги Генриха он переодевается и, притворившись слабоумным глухонемым, попадает в спальню принцессы; у камина от тепла и близости принцессы его чресла напрягаются; под рваной накидкой на нем ничего нет, и похотливая гордячка, распаленная, приказывает служанке Ирменгарт уложить нищего к ней в постель и заставить его двигаться ударами хлыста; в конце принцесса восклицает: «Ой, придержи его, Ирменгарт!» Утром рыцаря вышвырнули, в тот же день он появляется на турнире, побеждает всех и в ответ на насмешки принцессы говорит: «Ой, придержи его, Ирменгарт!» Посрамленная принцесса выходит за него замуж. Тот же сюжет — у трубадура Вильгельма из Пуатье (1071—1127) * в Турском кодексе XIII в. «Собрание своеобразных притч» ** и, пополненный новыми эпизодами, в измененном варианте у Бонавентюры Деперье (1510/15—1544) под заглавием «О парижском инфанте» [125, № 64]. Аналогично развит сюжет у итальянского новеллиста Луиджи Аламанти (1495—1556) ***: дочь тулузского графа насмехается над сватающимся к ней графом Барселонским за то, что он съедает упавший на землю гранат; в отместку граф переодевается ювелиром и соблазняет гордячку за бриллианты; почувствовав себя беременной, она бежит с лжеювели-

* Liebrecht F. Zur Volkskunde. Heilbronn, 1879. S. 146—147. № 26.

*** См. Passano. Novelisti italiani in

** Compilatio singularis exemplorum; 68, prosa²; 2, 5.

ром; далее — как в «Дроздобороде». Все эти варианты восходят к ныне утерянному латинскому стихотворению, содержание которого нам известно по пересказу норвежского епископа Иона Халлдорссона (?—1339) в его знаменитой «Sage о Кларе»*: Клар, сын саксонского императора Тибурция, испачкался яйцом во время трапезы у франкского короля Александра, к чьей дочери Серене он сватался; над ним смеются и прогоняют; возвратившись под другим именем, он соблазняет Серену тремя роскошными шатрами; она проводит с ним ночь и выходит за него замуж; наутро после свадьбы она видит рядом с собой грязного шпильмана, который заставляет ее возить себя на спине и просить подаяния на паперти. Нищенкой она видит Клара, который вместо милостыни дает ей пощечину; потом Клар ей открывается, а шпильман оказывается советником принца и женится на ее подруге. В XVI в. этот шванк стал в Скандинавии шуточной песней** о кузнеце Германде, сватающемся к дочери священника.

В сказке Базиле «Наказанная гордыня» [78, 10, 4] отвергнутый принцессой Чинтиеллой король Прекрасной страны переодевается садовником и за красивую мантилью, юбку и лиф покупает ночь с принцессой; Чинтиелла бежит с мнимым садовником, тот заставляет ее красть хлеб и одежду; он застаёт ее за кражей и унижает; лишь после рождения близнецов король открывается ей. В XVII—XVIII вв. сюжет был широко распространен в Средиземноморье, Средней Европе

* Clarus saga. Clari Fabella. Islandice et København, 1895. S. 329—335.
latine / Ed. G. Cederschiöld. Lundae, 1879.

** Danmarks Gamle Folkeviser. № 6.

и в славянских странах. Во Франции и Германии он был подкреплён сюжетом из «1001 ночи» (ночи 597—598). По сборнику Барбасана и Меона [77, IV, 365—368], которым пользовались Гриммы, сюжет о наказании строптивых женщин, изложенный поэтом Сибусом (ок. 440—486) и известный также в немецкой редакции*, был известен во Франции и Германии. Однако основу «Дроздоборода», уже лишённого мизогенности, составили, видимо, французские переводы Базиле и германская лубочная традиция.

В Россию эта сказка-новелла пришла в XVIII в., видимо, из Польши. По петербургской рукописи ее издал в 1882 г. Я. А. Шляпкин — «История о златовласом Василии, царевиче чешском».

22 *Золотая утка*

КНМ — примечание № 135: «Белая и черная невеста» и 1812 — примечание к П/49: «Белая и черная невеста».

Автограф Я. Гримма. Источник: «Золотая утка. Национальная сказка древности» в: «Сказаниях богемской старины из некоторых окрестностей старых замков и деревень» (Die goldene Ente. Ein Nationalmährchen des Alterthums: Sagen der Böhmisches Vorzeit aus einigen Gegenden alter Schlößer und Dörfer. Prag, 1808. S. 141—185). Гриммы пользовались 2-м изданием; 1-е вышло в 1798 г. в Праге и Вене. Для нас существенно обратить внимание на то, что говорится в «Предуведомлении»: «<...> несколько сочиненных [!] рассказов старины, сохранившихся до наших времен

* Vrouwenzucht von Sibôt // Lambel H. Erzählungen und Schwänke. Leipzig, 1872. S. 313—331.

посредством устной традиции». Такое утверждение давало Гриммам право искать «старую основу», присматриваясь одновременно к литературной форме. Оставшийся неизвестным, автор с дидактических позиций стремился «развлечь» читателей рассказами, которые «неожиданным образом поражают их любопытство чудесами и необыкновенностью развития сюжетов» (В1. 4^r). В этой книге собраны пять историй, обозначенных как «народные сказки» (В1. 4^v) и созданных по образцу Музеуса [106]. Хотя братья и обозначили эту книгу как «непригодную», в поисках немецкой мифологии они неоднократно пользовались ею и дважды, вопреки формальному отказу, как и в многочисленных других случаях, взяли ее тексты за основу: «Белой и черной невесты» и «Золушки» (наряду с Перро). Обработка для печати В. и Я. Гриммов.

<...> В основе всей сказки лежит одна из современных плохих переработок в Сказаниях богемской старины. Прага. 1808, стр. 141—185. Имеется обычный зачин с вычесыванием цветов и жемчужин. Своеобразно то, что полученная в дар красота должна быть защищена от наружного воздуха и солнечных лучей. По дороге злая ведьма разбивает окно кареты, врываются воздух, солнце, и она <девушка> превращается в золотую утку <...>

Маргиналия в рукописи указывает на родственный мотив в истории о часовщике Богсе, сочиненной совместно Brentano и Йозефом Гёрресом: «Она приче-

сывалась бриллиантовым гребнем, и жемчужины сыпались из прядей ее волос»*.

Эта книжная литературная сказка составлена из нескольких типичных мотивов: вознаграждение доброй и наказание злой девушки, злая мачеха, любовь по изображению, оберегание от солнечных лучей и воздуха, подставная невеста, превращение в птицу. Мотив подставной невесты и преследования, объединенный с широко распространенным восточным мотивом любви по изображению (см. многочисленные примеры в «1001 ночи»), проник в Европу через поэзию трубадуров и в XVIII в. закрепился во Франции, Англии и Германии переводами с арабского и персидского. У брабантского крестоносца и трубадура Адене ле Руа, по прозвищу Маленький Адам (ок. 1240—1261), своими сюжетами сильно пополнившего повествовательное наследие Европы, в эпосе «Большеногая Берта» [25, 4] рассказывается о том, как король франков Пепин (Пиппин) влюбился в портрет венгерской принцессы Берты и договорился с ее отцом, Бланшефлёром, о свадьбе; в сопровождении няньки Маргисты и ее дочери Алисты Берту присылают во Францию; завистливая Маргиста уверяет Берту, что в брачную ночь Пепин ее убьет и потому ей надо поменяться с Алистой; Пепин таким образом женится на Алисте, похожей на Берту; после свадьбы, боясь, что обман раскроется, Алиста убеждает Пепина, что Берта хотела ее убить; Берту приказано казнить в лесу, но слуги ее отпускают; при визите в Париже отец Берты

* Clemens Brentano's *Gesammelte Schriften* / Hrsg. von Chr. Brentano. Frankfurt am Main, 1852. S. 346.

замечает, что у завуалированной королевы не такие большие ноги, как у Берты; обман раскрыт. Берту находят в доме лесника, справляют новую свадьбу, рождаются Жиль, мать знаменитого Роланда, и Карл Великий. Этот сюжет Адене заимствовал в несохранившейся «Книге истории франков», написанной на латыни неизвестным монахом из Сен-Дени в 726—727 гг. История Берты широко распространилась во Франции, Германии, Испании и Италии с XVII в. В 1803 г. была еще раз напечатана в Германии в «Вайен-стефанской хронике», составленной мюнхенским поэтом и живописцем Ульрихом Фюетрером в 1426—1436 гг. *, которой, видимо, пользовался Гримм, проверяя выписанный сюжет на «подлинность». Мотив любви по изображению и подставной жены см. также в «Романе о Тристане» (Бранжъена) и в «Саге Тристрама и Исонды» (Брингветта). Преображенный другими мотивами сюжет о Берте отразился в сказке д'Онуа «Принцесса Розетта» [82, 2, 230].

Вопреки своему суждению о непригодности сильно контаминированного и явно литературного сюжета, Я. Гримм включает перепев «Золотой утки» и в КНМ 1812, и в КНМ 1815, чтобы в КНМ 1819 вновь вернуть сюжет о белой и черной невесте, потому что в праобразе девушки-утки, Берте, Я. Гримм, отождествлявший Берту и ее дочь Жиль по прозвищу Гусиная лапка, видел германскую лебеденую Фрейю, богиню любви, красоты и плодородия, владеющую тайнами превращений, часто предстающую лебедем и плачу-

* Fr. von Aretin. Älteste Sage über die Geburt und Jugend Karls des Großen. München, 1803.

шую золотыми слезами, в близком родстве с которой валькирия Труда; видел воплощение этого образа и в пророчествующем ангеле из германского эпоса «Кудруна», предстающем там как водоплавающая птица [7, 398—402, 1055]. Укрывание красоты от солнца и воздуха Якоб также связывал с германскими мифами: великаны и холли под лучами солнца превращаются в камни, а камни связаны с небесными знаменьями и опосредствованно с птицами (ср. в КНМ 1815). Современные исследователи эту герменевтику не поддерживают.

23 *Сказка о голове Фанфрелюша*

КНМ — не вошла.

Автограф Я. Гримма. Источник: «Библиотека романов», издававшаяся в Риге Х. А. О. Райхардом *, — «Файт, или Гвидо Хэмптонский: Рыцарский роман», вставной рассказ о голове Фанфрелюша (<H. A. Reichard> Bibliothek der Romane. Riga: Hartknoch, 1790. Bd. 17. S. 64—70).

В поисках мифопоэтических следов этой литературной сказки Гриммы наткнулись в каталоге замечательного немецкого библиографа Георга Вильгельма Панцера (1729—1805) «Каталог книг Панцера»** на книгу Гийома д'Отеля***, имени которого они почему-то не указали, — «Фанфрелюш и Годишон», опублико-

* Генрих Август Оттокар Райхард (1751—1828) — военный советник в Готе и писатель; в своей «Библиотеке романов» (в 21 т. Рига, 1782—1794) опубликовал множество старых текстов, в том числе и народных книг.

** Catalogus librorum Panzeri. Norimbergae, 1807. Vol. 3.

*** См. дост. изд.: Mithistoire de Franfreluche et Gaudichon... / par Guillaume des Auteles. Paris: Publice par A. Veinant, 1850.

ванную, по сведениям Панцера, дважды только в XVI в. Жанр книги — *contes blues* (небылицы, рассказы, побасенки; дословно — синие рассказы). Жанр «синих рассказов (сказок)» расцвел во Франции XVI в.; как исключительно литературный и компилятивный по содержанию он питался всем, что было популярно и в отношении сюжетов, и в отношении форм; он прародитель бульварной, или, как ныне говорят, колпортажной, или массовой литературы (ср., например, «литературу ужасов»). Понятие «фанфрелюш» Гриммы обнаружили также у Франсуа Рабле, подражателем которого был Гийом д'Отель, и в поисках символического смысла (см. предисловие) обратились к «Словарию вульгарной латыни или манер народной речи»*. Рассказ из указанного романа мы цитируем по Рёллекке [4, 361—363]: «Файт начал рассказывать сказку о голове Фанфрелюша. Вот она: Жил-был рыцарь, который скакал и скакал, и знаете, куда? Он преследовал пройдоху колдуна, который под предлогом изготовления золота украл у рыцаря все деньги. Рыцарь настиг его на дороге и хлопнул по плечу: — Эй! Приятель! — обратился он к колдуну, — добываем денежки, чтобы в рай попасть? — Нет, — ответил колдун. — Хорошо, тогда давайте мне все деньги, что у вас есть. — У меня их нет, я в рай не собираюсь. — И все же отправляйтесь-ка вы в рай! — сказал рыцарь и отсек ему голову своим сарацинским мечом.

Бедная голова! Тело сложилось в крест и замерло на земле. Рыцарь вывернул карманы колдуна и нашел

* *Dictomnaire du baslangage, ou des manières de parler usitées parmi le peuple.* Paris, 1808. T. 1. P. 375.

свои деньги, переложив их к себе, он увидел, что голова стоит торчком в некотором отдалении и пялится на него. — Как, проклятая голова, ты еще не мертва? — и он замахнулся, чтобы разрубить ее пополам. Но голова упала ему в ноги и униженно замолила о пощаде. Однако рыцарь знать ничего не хотел о пощаде, и голова вприпрыжку обратилась в бегство, словно птица, дразнящая безоружного путника.

Голова вприпрыжку мчалась вперед, и рыцарь во весь опор — за ней. Он бросал в нее камни — она их отбивала, он швырял в нее грязью — она ее тщательно счищала своими руками.

Они достигли реки, река была велика и без моста. — Ага! — закричал рыцарь, — вот здесь ты, проклятая голова, и остановишься! — Но не тут-то было! Голова поплыла, гребя руками и ногами, к другому берегу.

— Но, дорогой Файт, — прервала его Виолетта, — ведь у отрубленной головы не может быть рук и ног? — Это не существенно, — ответил Файт, — однако я забыл сказать, что, мчась вприпрыжку по дороге, голова оставляла за собой следы крови, которая лилась из обрубка шеи, и длинная кровавая полоса обозначала ее путь и в реке, которую голова вознамерилась переплыть. — Гм! — подумал про себя рыцарь, — если я и дальше буду преследовать эту окаянную голову, то первый встречный-поперечный догадается, что это я отделил ее от тела, и если ему еще и вздумается обвинить меня в грабеже, то я, неровен

час, влипну в большие неприятности; пусть себе бежит, так будет лучше! — И он поехал прочь.

Но голова тотчас развернулась и вприпрыжку начала преследовать рыцаря. — Черт побери, эта голова причиняет мне слишком много хлопот. Что делать? Подпустить ее и попробовать укокошить? — Он остановился, голова тоже остановилась; он двинулся на нее, и она опять начала удирать; он вернулся, и голова вприпрыжку последовала за ним. Наконец, он лег на землю и сказал: — Останусь здесь и не сойду с места, пока голова что-нибудь не решит. — Голова торчала посреди дороги, вытаращив большие, страшные глаза, которые стерегли каждое движение рыцаря. Можно себе представить его растерянность; отделаться от головы или как-то ее поймать. Время от времени, думая, что голова занята чем-то другим, он подползал чуть ли не на животе, чтобы перехитрить ее, но голова была начеку, и как бы рыцарь ни крутился и ни поворачивался, она все время оказывалась обращенной к нему. — Ради Господа Бога! — воскликнул, наконец, рыцарь, — заклинаю, отвяжись от меня! — Ах, рыцарь! — ответила голова. — У меня такое странное чувство на сердце!

— Но, дорогой Файт, — сказала Виолетта, — ведь у головы нет сердца! — Это не существенно! — ответил Файт. — Достаточно, что голова сказала, будто у нее на сердце странное чувство, и рыцарь, ему тоже было не по себе, ответил: — Чем я могу тебе помочь? — Потри мое тело теплой фланелью. — Но у меня нет

теплой фланели. — Тогда обними меня. — Бедная голова, — подумал про себя рыцарь, — ты не совсем в уме; ведь если я тебя обниму, ты будешь у меня в руках! — И он встал, чтобы обнять голову.

— Как же он решился обнять мертвую голову? — воскликнула Виолетта. — Она была не мертва, — сказал Файт, — едва лишь рыцарь приблизил свое лицо к голове, как она подпрыгнула и пребольно и крепко вцепилась ему в нос. Потом она расправила крылья и, издаваясь над рыцарем, запорхала вокруг него. — Хорошо, — утешал себя рыцарь, — она мне уже отомстила, и я, по крайней мере, теперь от нее освобожусь.

— Он был прав, — перебила Виолетта, — раз уж тебе отомстили, да еще такой мелочью, то больше и не думаешь об этом. — Напротив, — продолжал Файт, — голова оседлала затылок рыцаря. Когда же он попытался ее схватить, чтоб освободиться от такого новомодного головного убора, голова стукнула его по пальцам, да так больно, что рыцарь мгновенно отдернул руки. Напрасно пытался он стряхнуть своего всадника — тот все крепче сдавливал уши рыцаря, и на всем свете еще никто не бывал так растерян, как этот рыцарь.

— Дорогой Файт, — сказала Виолетта, — прошу тебя, закончи свою сказку, потому что мне очень жаль бедного рыцаря. — О, Виолетта, еще не конец, эта сказка рассказывается по меньшей мере три дня и три ночи. — Добрый рыцарь! Какое это мучение быть так долго в растерянности! Но что же с ним случилось? —

Кажется, его повесили. Узнав об этом, его возлюбленная обручилась с королем, не знаю, какой страны.

— О, теперь-то я вижу твою хитрость. Но скажи мне, Файт, кто рассказал тебе сказку о голове? — Принцесса Бланка, она обычно рассказывала ее, чтобы усыпить меня; она называла ее сказкой о голове Фанфрелюш, потому что эта голова была головой одной женщины: когда ее преследовали, она убегала; когда от нее убегали, она преследовала; когда ее ждали, она тоже выжидала; когда ее обнимали, она кусалась и вырывалась; поймать ее было столь же трудно, как и отделаться от нее; наконец, она приделалась к телу одной дамы в наказание за то, что дама вышла замуж не за своего любовника, а за другого! — Файт! Файт! Замолчи; лучше не рассказывай свою сказку, раз она того не стоит. Но который может быть час? — Скоро полдень! — С твоей сказкой я совершенно забыла, что с полуночи не покидала седла.

В этой сказке Якоб надеялся вычленивать то «подлинное» (т. е. остатки прамифа), что отразилось в многочисленных мифах, легендах, сказаниях и сказках о чудесах обезглавливания, содержащихся в житиях святых (например: Иоанн Креститель, св. Дионисий, св. Винфреда, Варвара, Катерина, Павел, Влас и др. — см. знаменитый мартирологий «Золотая легенда» Джакобо ди Вораджине XV в.), хрониках, героических сказаниях. Немало легенд о говорящих или гримасничающих головах (Карл I Английский, Шарлотта Корде). В XVI в. такие легенды часто рассказывали о

протестантах, тела которых после обезглавливания складывались крестом (см. начало сказки [64, 152]), и чудеса обезглавливания связывались с колдовством. Отрубленная голова была темой многих шванков, фаблио, анекдотов, детских историй и всевозможных историй, наподобие «Фанфрелюша». Источником этой темы не только Я. Гримму, но и современным исследователям представляются сказания одного из наиболее древних европейских народов — кельтов, для которых голова была символом божественности и сверхъестественных сил; головы мертвых они помещали в колодцы и пруды, подобно тому как Один поместил в святой колодец (источник) отрубленную голову великана Мимира в «Эдде» *. Одну из сказок об отрубленной голове Гриммы включили в свой сб. (КНМ № 89: «Гусятница»).

24 *О рыбаке и его ненасытной жене*

КНМ № 19 и 1812: «О рыбаке и его ненасытной жене». Обработка для печати В. Гримма. Источник: запись Филиппа Отто Рунге на померанском диалекте (по памяти или по устному рассказу) в Гамбурге в 1806 г. 24 янв. 1806 г. эту сказку вместе со «Сказкой о можжевельнике» (КНМ № 47) Рунге послал издателю Йоханну Георгу Циммеру для 2 т. «Волшебного рога мальчика». Так как в «Волшебном роге» публиковались только песни, Арним опубликовал «Сказку о можжевельнике» в «Газете для отшельников» **, а рукопись «О рыбаке» передал Гриммам. В 1809 г.

* Ross A. Pagan Celtic Britian: Studies in Iconographie and Tradition. London, 1967. P. 61—126. ** Zeitung für Einsiedler, 9.12.1808.

Вильгельм переписал сказку и отдал ее Брентано; тот хотел включить ее в свой сказочный сборник, который так и не состоялся; рукопись Рунге у Брентано пропала (именно поэтому Гриммы не послали Брентано свою копию в 1810 г., хотя намеревались сделать это). В 1812 г. при ничем не оправданном редакционном вмешательстве издателя Раймера (см. его письмо к В. Гримму от 1.12.1812 в 56) вышел текст, максимально близкий к оригиналу Рунге. В 1808 г. Рунге в иной редакции сам опубликовал свою сказку, вероятно, в Гамбурге, которая была включена в 1822 г. в сборник «Сад девицы»*. С опорой на эту редакцию и на копию фон дер Хагена за три месяца до выхода КНМ Иоханн Густав Готтлиб Бюшинг (1783—1829) опубликовал эту сказку в своих «Народных сказаниях, сказках и легендах» [81, № 57, см. также текст в ВР. 1. С. 138—143]; Гриммы, видевшие в Бюшинге своего конкурента, оценивали эту публикацию как небезошибочную, пока Арним не объяснил им, что Бюшинг пользовался другой редакцией [60, 269]. Обеспокоенные обилием редакций, Гриммы привели в примечаниях 1822 г. вариант брата О. Рунге Даниеля, который стремился восстановить утерянный оригинал 1806 г.**, и с 5-го издания (1843), следуя этому тексту и, вероятно, печатной редакции самого Рунге [52, 410], подвергли текст 1812 г. существенной переработке. Обработка для печати В. Гримма (при вмешательстве Г. А. Раймера).

Эта сказка сыграла выдающуюся роль в формиро-

* Der Mägdlein Lustgarten. Erlangen. von P. O. Runge, Maler. 1. ed. / Von dessen ältestem Bruder. Heidelberg, 1840. 1822. T. 1. S. 381—391.

** См. текст в: Hinterlassene Schriften S. 430—435.

вании деятельности немецких романтиков по переработке и изданию литературных и фольклорных памятников старины. Она стала одним из воплощений романтической мифопоэтической концепции мира. Наряду со «Сказкой о можжевельнике» она оказала огромное влияние на формирование гриммовского сказочного стиля и романтического понятия «народной сказки» вообще. Об этом свидетельствуют и сами Гриммы. В наброске плана письма к населению Германии с призывом собирать народные сказания, сказки, легенды и песни, который Якоб послал Брентано 22.1.1811, говорится: «Как в отношении достоверности, так и великолепного изложения, мы не смогли бы назвать лучшего примера, чем покойного Рунге в опубликованной на нижненемецком диалекте в «Газете для отшельников» сказке о можжевельнике, которую мы выдвигаем как безусловный образец» [64, 161—162, 167]. Сюжет восходит к восточным литературным памятникам: «Джатакам», «Махабхарате», «Типитаке». Зачин напоминает известную «Сказку о рыбаке» в «1001 ночи» (3-я ночь). В связи с мотивом женского честолюбия Гриммы указывали на сюжет о Танаквил, жене пятого императора Рима Тарквиния Гордого*, которая побудила своего супруга уехать из Тарквинии, предрекая ему владычество, на историю библейской Евы, а также на шекспировскую трагедию «Макбет». Приводят они и валлийское сказание о ясновидящем барде Тализине при дворе короля Мэлгвина: Тализин

* В кн. Тита Ливия «Римская история от основания города» (I, 47).

был вытасчен из пруда Эльфином во время рыбной ловли [6, 1, 69—71].

Первая европейская запись сюжета—в 1250 г. в Англии: богач встречается с голым человеком, дает ему куртку и далее исполняет все желания, пока тот не становится королем и властителем и не желает никого более признавать. В том же XIII в. существовал французский рассказ в стихах о волшебнике Мерлине и отчаявшемся дровосеке, опубликованный Меоном в 1808 г. во 2-м изд. «Фаблю» [77, 2, 242], которое было известно Гриммам. В XVII в. сюжет об исполнении желаний воплощен в стихотворной сказке Перро «Смешные желания» (*Les souhaits ridicules*).

Независимо от Гриммов этот сюжет в 1808 г. опубликовал Альберт Людвиг Гримм под заглавием «Ганс Дудельду» [90, 77; см. 67, 55—62] и поэт Карл Филипп Конц (1762—1817) в стихах под заглавием «Ганс Энтенде—детская сказка» в «Поэтическом альманахе» Юстинуса Кернера (1786—1862) в 1812 г. К этим версиям восходит рассказ, записанный Гриммами со слов Доротеи Вильд, «О человечке Домине», который опубликован в примечаниях к КНМ 1819 г. В 1811 г. под заглавием «Три желания» сюжет фигурирует у швейцарского писателя Иоханна Петера Хебеля (1760—1826) в его сборнике календарных историй и анекдотов «Шкатулочка рейнского семьянина», восходящая своими сюжетами к Викраму и Паули.

Сказка Рунге—Гриммов к 1820 г. стала известна в России (по переводам с немецкого) и была исполь-

зована А. С. Пушкиным для своей поэтической «Сказки о рыбаке и рыбке» [М. Азадовский, 73, 65—75], от которой зависят, в свою очередь, афанасьевские варианты № 75 «Золотая рыбка» и № 76 «Жадная старуха».

25 *Королевская дочь и заколдованный принц Король-лягушка*

КНМ № 1 и 1812: «Король-лягушка, или Железный Генрих».

Автограф В. Гримма (подзаголовок Якоба Гримма). Источник не определен; судя по сорту бумаги (вод. знак: орнамент с гербом, как в ОН № 4), использованной Вильгельмом, — вероятно, из семьи Вильд в Касселе. Примеч. 1822, с. 3: «Из Гессена». Обработка для печати В. Гримма.

Одна из старейших и прекраснейших сказок, которая в Германии особенно известна под заглавием <"> о железном Генрихе <"> по имени верного слуги, сковавшего свое скорбящее сердце железными оковами. Ролленхаген [111] причисляет ее к старейшим немецким домашним сказкам *, на нее ссылается и Филандер Зиттенвальдский **. «Ее сердце у меня в руках / крепче,

* В своем главном произведении, обширном животном эпосе, переведенной обработке древнегреческой пародии на «Илиаду» (Batrachomimachia — VI—V в. до н. э.?) «Война лягушек и мышей» (1595): 111; XXIV: «чудесная домашняя сказка <...> о железном Генрихе <...>, которая, минуя запись, постоянно передается из уст в уста, от поколения к поколению».

** Ханс Михаэль Мошерош (1601—

1669), выдающийся писатель-сатирик XVII в., в своем сатирическом переводе-обработке «Сновидений» (публ. 1627) великого испанского писателя Франсиско де Кеведо (1580—1645) — «Чудотворные и доподлинные лица Филандера Зиттенвальдского» (1640/42) (см.: 105, 42), где речь идет об интерполированном «лице» Ratio status, которому, впрочем, посвящена вся 5-я книга.

чем в железных обручах». Еще чаще и в более общем смысле говорят об оковах заботы, о камне на сердце; красиво говорит миннезингер: «Сердце сильно мне сдавила / колдовской она броней» *. Генрих фон Сакс ** (1.36) даже подчеркнуто: «Мое сердце сталь сдавила» [103, 1, IV: «Лес, хотя и расцветает...»], и в песне о Генрихе Льве стр. 59. «в оковах ее сердце» ***. Основа сказания продолжает жить и в Шотландии. В the complaynt ****, написанной в 1548, среди прочих старых рассказов названа the tale of the wolf of the warldis end <сказка о волке конца света>, которая, к сожалению, безвозвратно утеряна (быть может, это сказание о скандинавском Локи, более того — о Фенрире *****). Дж. Лейден в с<воем> изд<ании> Complaynt, Эдинб<ург>. 1801, стр. 234.35. говорит, что слышал фрагменты этой сказки в различных песнях и байках, что слышал отрывки песен, где фигурирует колодец конца света (well of the warldis end) и называется the well Absolom

* Буркарт фон Хоенфельс (свид. 1212—1242) — миннезингер при дворе Генриха VII и сына императора Фридриха II; текст см. 103, 1, XI: «Там, где воздух жаром солнца...»

** (1129—1195) — легендарный герцог Саксонии и Баварии, основатель Ганноверской династии Великобритании и Ирландии.

*** Песня о Генрихе Льве впервые напечатана в 1585 г.: Paul Zimmermann. Heinrich Göttings Gedicht von Heinrich dem Löwen // PBB 1888, № 13. S. 301.

**** «Complaynt of Scotlande» (Стена Шотландии, 1549) изд. шотландским

поэтом и востоковедом Джоном Лейденом (1775—1811) в Эдинбурге в 1801 г.

***** Гигантском волке, порожденном великаншей Ангробдой от Локи на погибель богам; в «Эдде» описывается, как перед концом света Рагнарёк [МНМ, 2, 362—363], когда Один скачет к Мимриру, хозяину источника (колодца) мудрости. Фенрир срывается с цепей, которыми боги его приковали. Ссылка Гриммов, однако, неверна: название сказки — «The tale of the wolf of the warldis end» — сказание не о скандинавском Фенрире [7, 224], а о мировом колодце [BP, 1, 4], [4, 366].

<колодец Авессалома> и the cauld well sea weary <холодный колодец (источник) скорбей>. И приводит нашу сказку, так как мировой колодец довольно хорошо ложится в различные сказания, но в немецком сказании мы не чувствуем связи с тем волком (или в оригинале должен быть волк вместо well). Со слов Лейдена: «according to the popular tale a lady is sent by her stepmother to draw water from the well of the worlds end. She arrives at the well, after encountering many dangers; but soon perceives that her adventures have not reached a conclusion. A *frog* emerges from the well, and, before it suffers her to draw water, obliges her to betrothe herself to the monster, under the penalty of being torn to pieces. The lady returns safe; but at midnight the frog lover appears at the door and demands entrance, according to promise to the great consternation of the lady and her nurse.

«open the door, my hinny, my hart,
open the door, mine ain wee thing;
and mind the words that you and I spak
down in the meadow, at the well-spring!»

the frog is admitted, and addresses her:

«take me up on your knee, my dearie,
take me up on your knee, my dearie,
and mind the words that you and I spak
at the cauld well sae weary <.>»

the frog is finally disenchanted and appears as a prince in his original form.» <По известной сказке, девушку благородного происхождения мачеха посылает набрать

воды из колодца на краю света. Избежав множество опасностей, девушка добирается до колодца, но вскоре понимает, что ее злключения еще не кончились. Из колодца появляется *лягушка* и, прежде чем разрешить девушке набрать воды, требует обещания выйти за нее замуж, а если девушка откажется, то лягушка разорвет ее на части. Девушка возвращается домой, и в полночь лягушка появляется у дверей и требует ее впустить, к ужасу девушки и няни напоминая об обещании выйти замуж:

«дверь мне открой, моя пони, олень,
дверь мне открой, моя крошка, мой свет;
вспомни слова, что меж мной и тобой
сказаны были, где кладезь с водой.»

лягушку впустили, и она продолжила:

«к себе на колени возьми ты меня,
к себе на колени возьми ты меня,
и вспомни слова, что у холодной воды
в тоске прозвучали меж нами двумя <.>»

Наконец, лягушка расколдована и предстает принцем, которым она была ранее.>

Место в the romance of Roswall and Lilian *:

«the knoght that kept the pavent well
was not so fair as Roswall»

<Тот рыцарь, что в *колодце* жил,
Не так красив, как Розволл, был>

вряд ли подходит к нашей сказке».

La grenouille bienfaisante <Лягушка-благодетельница>
мадам д'Онуа [82, 3] ничем не походит на нашу сказку.

* «Романс о Розволле и Лилиан» — Lilian» // Englische Studien № 16, 1893.
шотландский романс 1663 г. (Lengert O. S. 322.
Die schottische Romanze «Roswall and

(Ср. новый вариант Мари 8 марта 1813 *) <W>
Имя Генрих является народным и в другом смысле
<;> у Шютце ** под именем Hinnerk значитсЯ: Kn--
kern Hinrk <Костлявый Хинрк —> худой человек,
isern Hinrk <железный Хинрк —> сильный. Храбрый
(Генрих III, граф Гольштейнский) *** звалсЯ ferreus
<железный — лат.>. как Людвиг в Тюрингии **** sül-
bern Hinrk <серебряный Хинрк —> знаменитый вор.
holten Hinrk <деревянный Хинрк —> чурбан, неуклю-
жий человек, stolten Hinrk <гордый Хинрк —> цве-
ток, *senecio vulgaris* <крестовник обыкновенный —
сорное растение> сра<ни> у Немниха [108]:
злой = большой = добрый = гордый Генрих, сплошь рас-
тения.

ср. разл<ичные> ст<ихи> о бедном Генрихе ***** и
rauper Henrices'e <бедном Генрихе — лат.> *****,
У Фишарта 109^a ***** добрый Генрих ***** 134^a

* Рассказан Марией Хас-
сенпflug; напечатан во 2-м т. КНМ
1815 под № 13: «Король-лягушка».

** Йоханн Фридрих Шютце —
известный в свое время немецкий лекси-
кограф: Schütze J. F. Holsteinisches Idi-
otikon, № 11. Hamburg, 1801. S. 139; эта
книга привлекалась и к работе над
«Волшебным рогом мальчика».

*** Генрих III (1017—1056) — сын
Конрада II, король Германии с 1039 г.,
император — с 1046 г.

**** Людвиг III Младший — сын
Людвига Немца, правил в 876—882 гг.

***** «Бедный Генрих» — поэма Гар-

тмана фон Ауэ (ок. 1170 — ок. 1210),
после Вольфрама фон Эшенбаха и Гор-
фрида Страсбургского наиболее выда-
ющегося эпического поэта и миннезин-
гера средневековой Германии; была из-
дана Гриммами в 1815 г. по страсбург-
ской и ватиканской рукописям: 94.

***** Ср., напр., изд. Klapper J. Er-
zählungen des Mittelalters. Breslau, 1914.

***** Йоханн Фишарт (1546/47—
1590) «Историческая мешанина»;
Я. Гримм цитирует по изд. 1594 г.

***** 87, 1891; 165: «растение Доб-
рый Генрих» у немцев.

слепой Генрих *. англ<ийский> поэт blind Harry **. Генрих Финкелер, Птичник ***. и в слуге Генрихе есть тоже что-то мифическое. В фаблю о груше он значитя как верный слуга ****, так напр., стихи 128—130.138.499. <J>

В эленбергском наследии Brentano имеется автограф Я. Гримма (204x175 мм серого цвета, верже; вод. знак: корона и монограмма, похожая на WK). Это — отдельный лист, обратная сторона которого пустая. Под двумя предложениями, написанными с разным наклоном, наклеен еще один лист бумаги того же сорта (90/5x163/6), содержащий ссылку на работу Фридриха Давида Грэтера (1768—1830) в его германистском журнале «Брагур» (7 т. 1791—1802):

«Железный Генрих

по предисл<овию> Ролленхагена к
Войне лягушек и мышей, это старая
немецкая домашняя сказка.

conf. Детские песни, 2 фрагмента стр. 85, 86, 87.

Грэтэр в с<воем> трактате о народных
песнях <Über die teutschen Volkslieder und

* 87; 1891; 206: лошадь «скакалка, такая, что короля Генриха дослепу за-скачет».

** Слепой Гарри — так называли шотландского поэта Генри Менестреля (1470 — после 1492), автора знаменитой поэмы «Жизнь и деяния сэра Уильяма Уоллеса» (ок. 1484).

*** Генрих I (876—936) — немецкий король с 919 г.; по сказанию XII в., назван Птичником потому, что князья, искавшие его, чтобы объявить императором, застали Генриха за ловлей птиц

вместе с его детьми [12, № 472].

**** Аноним XIII в. «Полгруши» (см. коммент. к «Дроздобороду»); ссылка на стихи:

128 Имел он стойкого слугу,
который верен был ему
и верой-правдою служил,
131 и звали его Генрих.

.....
139 Сказал тут юный Генрих,
.....

500 молодцеватый геннер [93, 1, 211—224].

ihre Musik» в Брагуре тоже говорит:
в сказках о трех королевских дочерях
и заколдованном в лягушку принце
весь рассказ в прозе, а беседы
с лягушкой и ее требования
в стихах. Так, например, она <лягушка>
говорит, придя к закрытым дверям
младшей принцессы:

Младшая принцесса,
дверь открой,
разве ты не помнишь,
что пообещала
ты мне у колодца с прохладною водой <?>
Младшая принцесса,
дверь открой!»

Автограф этот, вероятно, в 1807—1808 гг., и самое раннее в сентябре 1808 г., когда вышли из печати заключительные тома «Волшебного рога мальчика», дополнил ссылку на «Детские песни»: стр. 85—86—«Младшая принцесса...» (Из детской сказки)—и стр. 87—«Вьется, вьется речка...» (Игровая песенка королевской дочки)». (Des Knabens Wunderhorn. Alte deutsche Lieder. Heidelberg, 1808, Bd. 2—3). Лист с выпиской из журнала Грэттера («Брагур». III, 1794, с. 241—242) был наклеен до внесения этой ссылки в редакционный экземпляр. Этот документ—свидетельство того, как объединились в заглавии сказки два мотива—о железном Генрихе и короле-лягушке. Моментом соотнесения стало заглавие произведения Рол-

ленхагена — «Война лягушек и мышей» (досл.: Лягушко-мышатник — Feosch-meuseler), которое было принято Гриммами как старейшее свидетельство сказки о Генрихе. Оно-то и побудило, очевидно, Якоба дать сказке подзаголовок: «Король-лягушка». «Крохобора, сына мышиного короля, дела с королем лягушек» — гласит название первой части эпоса Ролленхагена. Якоб изъял этот лист до нумерования автографов сборника. Вильгельм, очевидно, использовал его при записи всей сказки, так как стихи буквально совпадают с копией Якоба (а не с печатным вариантом Грэттера и основанном на нем тексте «Волшебного рога»). Как попал этот лист к Брентано, однозначно объяснить невозможно. Можно предположить, что в посылку к Брентано 25.X 1810 Я. Гримм сунул его по рассеянности или в спешке. (Этот автограф и коммент. к нему буквально взяты из Рёллеке — 4, 365—366; см. также 2, 161.)

Основные мотивы, образующие эту гриммовскую в собственном смысле слова, т. е. по преимуществу книжную, сказку и давшие авторам обильный материал для символической этимологизации, довольно древние и перекликаются с мотивами сказок «Три королевича» и «Дракон» (см. коммент.). Новым в этой сказке является мотив колодца, который все же одного мифопоэтического порядка с пещерой, источником, прудом и т. п. и восходит к мировому древу скандинавской мифологии (см. в примеч. Гриммов). Сказка о заколдованном принце-лягушке имела, возможно, в

античности и раннем средневековье. Ср. у римского писателя Гая Петрония (I в. н. э.): «Кто был лягушкой, ныне — царь» *. Была также и латинская поговорка: *Si quis amat ranam, ranam putat esse Dianam* (Влюбленный в лягушку думает, что эта лягушка — Диана). На эту поговорку или на существовавшую в Германии XIII в. сказку (возможно, и литературную) имеется наигрыш у знаменитого проповедника-францисканца Бертольда Регенбургского (ок. 1210—1272) в его сборнике «*Rusticanus de Sanctis*» (Сельский священник о святых), составленном по записям в 1250 г.: «Глуп и порочен тот, кто влюблен в лягушку настолько, что предпочитает лишиться глаз, рта и носа, всего себя, чем потерять ее» **. По фольклорным записям XIX в., составные части гриммовского сюжета распространены преимущественно в англо-германском и западнославянском ареале.

26 *Найденыш*

КНМ № 51: «Птенец-найденыш» и 1812: «О птенце-найденыше».

Автограф неизвестного человека; по помете Вильгельма в авторском экземпляре I издания, сказка прислана Фридерикой Маннель. Оба подзаголовка приписаны Я. Гриммом. Источник устный: семья Маннель. Примеч. 1822, с. 88: «Из окрестностей Швальма в Гессене». Обработка для печати Я. Гримма.

* Сатирикон / Пер. и предисл. Zeugnisse Bertholds von Regensberg zur B. И. Ярхо. М.; Л., 1924. Гл. 77. Volkskunde. Wien, 1900. S. 142, 7, 101

** Schönbach A. E. Studien zur Geschichte der altdeutschen Predigt. 2. Stück: (см. также Лейпцигский кодекс, 498 л. 166, 1).

Злая жена лесника в других местах повариха. Вопросы и ответы между слугами и ею формулируются и по-другому, например: вам надо было сорвать только розу, а куст сам бы пошел за вами. Эта часть сказки имеет большое сходство с одной из следующих (№ 70) *. *такое преследование есть и в сказании о Рольфе Краке гл. 2* **<J>

По своим составляющим мотивам эта сказка примыкает к КНМ № 56 («Милый Роланд»), 79 («Унди-на»), 113 («Королевские дети»), 193 («Барабанщик»). После упомянутой Я. Гриммом «Саги о Рольфе Вороне» сюжет зафиксирован у И. Г. Фосса (1751—1826), немецкого поэта-просветителя, в его примечании к одному из стихотворений его знаменитого сборника «Идиллии» (1785) в изд. 1801 г.: «Из сказок, слышанных мною в детстве, я запомнил следующую. Волшебник, убегающий от ведьмы, надевает свои волшебные сапоги и говорит: «День у меня впереди, ночь у меня позади», — и несется по воздуху, делая с каждым шагом по девять миль. Когда же ведьма настигает его, он пытается ускользнуть от нее, превращаясь в разные предметы, в конце — в бурное море, которое ведьма выпивает». За год до появления фоссовской идиллии «Гигантский холм», к которой относится примечание, ряд мотивов этой сказки переработан у Музеуса в «Нимфе колодца» [см. 106].

* КНМ 1812: «Окерло» — далее не печаталось.

** Датская «Сага о Рольфе Вороне», гл. «Дочь Бодвара Биарке и братья». —

Hrolf Keages Saga // Saga-bibliothek af Peter Erasmus Müller. Кюbenhavn, 1818. Andet Bind. S. 505; об этой саге см. у Я. Гримма 16, 8. 472—473.

27 *Золотой гусь*

КНМ № 64: «Золотой гусь» и 1812: «О дураке» — IV «Золотой гусь».

Автограф Я. Гримма. Источник не определен; судя по сорту бумаги (вод. знак: три лилии), вероятно, из семьи Хассенпфлюг. Примеч. 1822, с. 117: «По одному рассказу из Гессена». Обработка для печати В. Гримма.

IV. *Золотой гусь*

*Как прилипает к гусю всякий, кто к нему прикасается, так и Локи прилипает к палке, которой он ударил орла (Тьяци), и палка пристала к орлу, и так он был утащен, см. <"> Младшая Эдда <">. <"> Язык поэзии <"> [84, 56—57]. Испытание сыновей на способность поделиться куском пирога — старый обычай. Энгельхарт (в старом романе Конрада Вюрцбургского) * получает от с<воего> отца в дорогу три яблока. Он должен отдать яблоко первому встречному. Если незнакомец съест яблоко целиком, не оставив ему ни части, то ему <Энгельхарту> надо его избегать, если же тот вернет часть яблока, то надо принять его дружбу. И только третий <незнакомец> оказывается хорошим <человеком>. С<мотри> отрывок у Эшенбурга. стр. 44 **. <W>*

Этот сюжет, воплощающий неотвязность сновидения, в котором возникают все новые образы с каждой

* К. Вюрцбургский (между 1220 и 1820) — нем. литературовед и эстетик. 1230—1287) — эпический и дидактический поэт; его стихотворный роман «Энгельхарт и Энгельдрут».

** Иоханн Иоахим Эшенбург (1743—1820) — нем. литературовед и эстетик. Denkmäler altdeutscher Kunst / Beschrieben und erläutert von J. J. Eschenburg ... Bremen: bei Friedrich Wilmans, 1799. S. 39—60 — с изд. 1573 г.

попыткой от них освободиться, в разных версиях распространен по всей Европе. Первое литературное свидетельство у Гомера: искусный Гефест связывает невидимой сетью свою прелюбодейку-жену Афродиту с Аресом и призывает богов «тяжкообидное, смеха достойное дело увидеть», говоря, что не снимет «сети, пока не отдаст мне отец всех богатых подарков, / им от меня за невесту, бесстыдную дочь, полученных» (Одиссея, 8, 268—366. Пер. В. Жуковского). В английском сатирическом стихотворении, подобно Гефесту, крестьянин мстит своей неверной жене и ее любовнику, священнику Джону, с помощью заколдованного ночного горшка, к которому прилипают сэръ Джон, изменница, служанка, ризничий, извозчик; их освобождают с условием, что священник уплатит сто фунтов штрафа *. Через юмористичность сюжета к сказке, возможно из другого источника или сюжета, присоединился мотив «насмешить девушку».

В «Младшей Эдде» дочь великана Тьяции, никогда не смеявшуюся великаншу Скади, поставившую условием мира между нею и асами, чтобы асы ее рассмешили, Локи рассмешил тем, что обвязал веревкой козла за бороду, а другим концом — себя за мошонку, причем оба тянули в разные стороны и кричали [84, 57]. Мотив «насмешить девушку» есть у Джованни Серкамби (1347—1424) в его «Новеллах» и у Базиле [78; II, 5: «Змея», версия «Амура и Психеи»]; старейшая фиксация его в Германии — у Вольфрама фон Эшенбаха в «Парцифале», где Парцифаль рассмешил

* The tale of the basyn // Hazlitt W. Remains of the early popular poetry. London. 1866. 4. 42.

девушку своим комическим видом (ст. 151). Вместе с тем Парцифаль является и одной из старейших литературных ипостасей дурака; Я. Гримм называет его «умным дураком» [6, 1, 356] и «блаженным дураком» [6, 1, I]; сам автор говорит о нем, как о «ленивом мудреце» (1, 108). По немецким народным поверьям, именно дуракам достается священный золотой гусь, символ плодородия, изготовленный искусными цвергами, в нашей сказке — серенькими человечками. Этот сюжет о дураке, который с помощью благодарных цвергов решает трудные задачи, стал рамкой для сюжета о предмете с волшебными свойствами. Среди задач, поставленных королем, заслуживает внимания чудесный корабль. О «складном корабле» эфиопов, переносимом по суше, говорит еще Плиний Старший в «Естественной истории» (5,9); о таинственной колеснице-корабле повествует Тацит в своей «Германии» как о собственности германского божества Нерта, которого Я. Гримм отождествляет со скандинавским Фрейром [7, 197, 230, 231], также владевшим чудесным кораблем — Скидбладниром: «куда бы ни лежал его путь, <ему> всегда дует попутный ветер, лишь поднимут на нем парус, и можно свернуть этот корабль как простой платок, и положить, если надо, себе в кошель»; «построили Скидбладнир некие карлы, сыновья Ивальда, и отдали этот корабль Фрейру» [84, 72, 40], из чего можно предположить опосредствованное мифопоэтическое родство дурака из «Золотого гуся» через функцию плодородия с Фрейром.

В России этот составной сюжет представлен двумя сказками — «Диво дивное, чудо чудное» и «Несмеяна-царевна» (Афанасьев, № 256 и 297), которые зависят от тех же западноевропейских источников. Обе сказки тоже часто объединяются.

28 *История о воробье*

КНМ № 157 и 1812 № 35: «Воробей и его четверо детей».

Источник в примечаниях к КНМ 1812 указан самими Гриммами. Это глава «Сказочник Ганс» из собрания проповедей Иоханна Балтазара Шуппа [115, 837—838] и «Война лягушек и мышей» Ролленхагена, II/2, 7, [111, 260—269: «Совет доктора воробья»]. Обработка для печати В. Гримма.

Эту проповедническую сказку Вильгельм почти слово в слово, лишь слегка обновив орфографию, переписал из сборника Шуппа, принадлежавшего Брентано, в сентябре — ноябре 1809 г. Яркие, проникнутые народным духом произведения Шуппа привлекались уже для работы над «Волшебным рогом мальчика». Кроме того, историю о воробье до Гриммов использовал Арним в своем вышедшем в 1810 г. романе «Нищета, богатство, грех и покаяние графини Долорес» в главе «Школа опыта» (IV/5; Berlin, 1810. S. 172—175). В современных русских изданиях КНМ эта сказка не печаталась. Поэтому приводим ее перевод по тексту 1812 г., который сохранился неизменным до окончательной редакции включительно: «У

воробья вывелось четверо птенцов в ласточкином гнезде, и, едва оперившись, озорные юнцы разломали гнездо, и порывом ветра их всех унесло. Старик пригорюнился, полетели его сыновья по свету, а он не предостерег их от всяческих опасностей, не дал им добрых наставлений.

Осенью на хлебном поле собралось много воробьев, и старик, встретив своих четверых молодцов, радуясь, зазвал их домой: «Ах, дорогие мои детишки, все лето вы заставили меня волноваться, так как улетели вы с ветром без моих наставлений; послушайте меня, вашего отца, и будьте осторожны: маленьким птичкам всегда угрожает опасность!» Потом спросил он старшего, где тот пережил лето, как добывал себе пропитание? «Я держался больше садов и, пока не созрели вишни, искал гусеничек и червячков». — «Ах, сын мой, — сказал отец, — охота клювом дело неплохое, но уж очень опасное и потому остерегайся, особенно когда по садам ходят люди с длинными зелеными палками, которые изнутри пустые и на конце имеют дырочки». «Да, отец, — это когда на дырочки налеплен воск листочек?» — говорит сын. «Где ты такое видел?» — «В саду одного купца», — отвечает юнец. «О, мой сынок, — говорит отец, — торговый народ — ловкий народ, коли побывал ты у мирян, то, верно, вдоволь нагляделся на мирскую изворотливость, промышляй себе на здоровье, но берегись, не очень-то доверяйся опыту».

Потом он спросил другого: «А где ты обретался?» — «При дворе», — говорит сын. — «Воробьям и неумным птичкам нечего делать в тех местах, где много золота, бархата, шелка, оружия, доспехов, ястребов-перепелятников, сычей и скоп, держись-ка лучше конюшни, где кидают или молотят овес, там и без опасностей может улыбнуться счастье, дав ежедневный корм». «Да, отец, — говорит этот сын, — а если конюшие засовывают овес в щели, а под соломой раскладывают петли да силки, призадумайся». — «Где ты это видел?» — говорит отец. «При дворе, у конюших мальчиков». — «О, мой сын, придворные мальчишки — злые мальчишки, коли был ты при дворе да при господах и не оставил там ни одного перышка, то ты многому научился, и в миру ты сумеешь вовремя упорхнуть, но будь начеку, волки подчас поедают и самых умных собачек».

Подзывает отец к себе третьего: «А где ты пытал счастья?» — «Охотился по улицам и по дорогам на плохо завязанные мешки, и нет-нет да и сыпались хлебные или ячневые зернышки». — «Это дело, — говорит отец, — это добрая пища, но смотри не рискуй, блюди себя прилежно, особливо когда кто нагибается, чтобы поднять камешек, не замешкайся». — «Это правда, — соглашается сын, — а если у кого уже заранее камень за пазухой или в руках или в кармане?» — «Где ты такое видел?» — «У рудокопов, папочка. Когда направляются они на гора, то всегда держат камень в руке». «Рудокопы да мастеровые оборотистый народ,

раз побывал ты у крепильщиков да забойщиков, значит кое-что повидал и усвоил.

Лети, но у рудокопов остерегайся беды;

Немало наших зашибли куском кобальтовой руды».

Наконец перед отцом младший сын: «Ты мой слабачок-дурачок, всегда ты был самым глупым и слабым, оставайся-ка ты со мной, в мире много грубых и недобрых птиц, у которых хищные клювы и длинные когти, они то и делают, что подстерегают бедных птичек и пожирают их, держись себе подобных, поклевывай паучков да гусеничек на деревьях и в домах и будешь долго счастлив». — «Да, дорогой отец, кто добывает себе пищу, не причиняя вреда другим, тот проживет премного, и не повредят ему ни сокола-перепелятники, ни коршуны, ни орлы, ни луны, ежели вседенно и всюнощно препоручает он себя и свое честное пропитание всеблагому Господу Богу, творцу и помощнику всех лесных и сельских пташек, кто к крику не глух и к молитве даже крошечных воронят, и без воли его не падет на землю ни воробей, ни комочек снега». — «Где ты этому научился?» — Отвечает сын: «Когда порыв ветра унес меня от тебя, попал я в церковь и все лето ловил на стенах мушек да паучков, внимая этим святым словам, и Родитель всех воробьев все лето кормил меня и сохранил ото всех несчастий и недобрых птиц». — «Правильно делаешь, дорогой мой сын, что ищешь прибежища в церкви, где помогаешь убирать пауков и жужжащих мух и, подобно вороньятам, возносишь свое щебетанье Господу Богу

и вверяешь себя вечному творцу, так ты всегда пребудешь во благе, даже если весь мир наполнится дикими и коварными птицами:

Ибо того, кто Богу препоручает себя,
Молча страдая, надеясь, молясь и кротко любя,
Веру и чистую совесть ревниво хранит,
Бог, помогая в несчастье, всегда защитит».

Первый известный литературный документ этой популярной басни — эзопический сборник «Ромул» [112, № 55: «Как ворон учил своих детей»]. С одной из его редакций, т. н. «Нилантового Ромула» (ок. XI — нач. XII), Мария Французская (конец XII) перевела эту басню для своего «Эзопа» [101, № 92]. Далее сюжет был переработан у знаменитого немецкого ученого поэта Хуго фон Тримберга (1230 — ок. 1313) в его аллегорической поэме «Скаковая лошадь». От Марии Французской или одной из многих средневековых редакций «Ромула» зависит история о сороке и ее птенцах у Б. Деперье [125, № 87]. В Германии сюжет подхватили мейстерзингеры* и Ганс Сакс (1494—1576): «Волчица и ее волчата». Видимо, из средневековой эзопки или отчасти из Тримберга почерпнул материал для своей 7-й проповеди о Мартине Лютере немецкий сподвижник великого реформатора и ревностный проповедник катехизиса Иоханн Матезиус (1504—1568): см. «Сказка Иофамы»**. Непосредственно из Матезиуса взял сюжет известный немецкий теолог, литературовед, поэт, переводчик Натан Хитреус.

* См.: Кольмарский кодекс изд.: н. э.); Mathesius J. Ausgewählte Werke / Bartsch, 1862. S. 263: «Три басни Эзопа». Hg. von Georg Loesche, 2. Aufl. Bd.

** Библия, «Книга судей», 9 (X в. до 1—3, 1906—1908, Bd. 3, S. 151.

(1543—1598)*, текст которого переложил на стихи Ролленхаген. В сущности, вторым изданием матезианской «Сказки Иофама» является текст Шуппа и третьим—гриммовская сказка. Не совсем точно указывая источники, но привлекая новые, сюжет исследовал Вильгельм Гримм в своем докладе 11.I.1855 для Берлинской академии наук «Басни о животных у мейстерзингеров» [11, 4, 366—394], где обратил внимание на неслучайность такой эстафеты сюжета о поучении детей.

29 *Господин На все-руки*

КНМ — примечание к № 61: «Мужичок» и 1812: «О портном, который быстро разбогател». Источник не определен; формулировка заглавия (ср. также № 51: «Господин Корбес») и тот факт, что сказка записана Якобом, указывают на семью Хассенпфлюг, которая в 1811 г. еще раз сообщила похожую историю. Примеч. 1822 с. 111: «По третьему рассказу <из Гессена?>». Обработка для печати В. и Я. Гриммов.

По другому рассказу человека зовут господин На все-руки, которого крестьяне ненавидят за его ум <...>

В сказке о крестьянине Кибице, которую рассказывает Бюшинг на стр. 296 [см. 81], некоторые моменты представлены иначе. Кибиц позволяет крестьянам убить свою жену; мертвую с корзиной, полной фруктов, он сажает на парапет, с которого один слуга сталкивает ее в воду, после того как обратился к ней с просьбой продать ему фрукты

Ср. также иначе преподнесённые варианты цверенской фрау <Доротеи Фиманн> <J>

* Chytraeus N. Hundert Fabeln, 1571, № 16: «Воробей».

для своих господ и не получил никакого ответа; за это Кибицу дают коляску со всеми принадлежностями. Вымогательство денег скандалом — одна из хитростей Гонеллы * (у Флэгеля ** в <">Ист<ории> придворных шутов <"> *** стр. 309) —

Скарпачифико
<">Газета
для элегантно-
го света <">
1813. 70.71 ****
<J>

Обман пастуха есть у Страпаролы. 1. 3. в рассказе о священнике Скарпачифико [119, 29—34]. — В напечатанной в 1794 г. в Эрфурте народной книге: <"> Ручки или жители Чепухоерундовии <"> **** использованы различные моменты из этой сказки: покупка старого ящика, в котором сидит любовник, в обмен на шкуру коровы (стр. 10), использование мертвой женщины. — Ручки кладет ей в подол масло и сажает на край колодца, аптекарь хочет купить масла и, не получив ответа, теребит ее, она падает в колодец — аптекарь вынужден заплатить Ручки тысячу талеров (с. 18.19). В конце — обман овчара, тоже совершенно по-другому: Ручки приговорили к смерти, заперли в платяном шкафу и понесли к пруду, но пруд был покрыт льдом; они поставили шкаф и пошли за топорами, чтобы сделать прорубь. Как только они удалились, Ручки услышал, что мимо идет скототорговец, и закричал: «Я не пью вина! Я не пью вина! Мне не хочется пить!» Скототорговец спрашивает, чего он

* Придворный шут маркиза Николаи ди Эсте (ум. 1441) и его сына, феррарского герцога Борзо (ум. 1471).

** Карл Фридрих Флэгель (1729—1788) — известный культуролог и литературовед.

*** Flögel K. F. Geschichte der Hofnarren. Liegnitz, 1789.

**** Rutschki oder die Bürger zu Quarakenquatsch. Erfurt, 1794.

***** Leipzig, Zeitung für die elegante Welt. 12.1.1813. Sp. 69—72: в двух вариантах история о проданном анекдоте, который продавец выкупает обратно, потому что покупатель его плохо рассказывает.

хочет; Ручки просит отодвинуть задвижку и рассказывает, что его выбрали бургомистром и он бы охотно согласился, работы не много и 500 талеров жалованья, но есть обычай, по которому каждый бургомистр, приступая к своим обязанностям, должен выпить кубок бургундского, а он вина не пьет, вот его и выставили на мороз, чтобы ему захотелось выпить чего-нибудь горячительного; но это не поможет, потому как он совсем не пьет. Скототорговец занимает его место в обмен на стадо. Ручки запирает его, приходят крестьяне, прорубают лед и спускают шкаф под воду. На обратном пути им встречается Ручки со скотом и говорит, что нашел его на дне, где простирается прекрасный летний луг. И все крестьяне кидаются в воду (с. 22.23). — Впрочем, все обманутые крестьяне, очевидно, в родстве с жителями Глупобурга*.

Сюжетный архетип этой сказки, основной мотив которой можно обозначить как «хитрость и легковерие», документирован в Европе латинским стихотворением «Versus de Unibove» (Поэма об Однобыке); впервые, хотя и не совсем полноценно, оно опубликовано Якобом Гриммом и мюнхенским германистом Андреасом Шмеллером (1785—1852) вместе с другими латинскими стихами X—XI вв.** Автор его —

* Герои народной книги о глупобургах (Laienbuch. Wunderseltzame abentwewerliche, unerhörte und bisher unbeschriebene Geschichten und Thaten der Laien... zu Laieburg. <Straßburg>, 1597), автором которой был, предположительно, Фридрих фон Шёнберг (1543—1614), предводитель дворянского восстания против саксонского князя; анекдоты

этого сборника взяты отчасти из литературных и фольклорных источников, отчасти сочинены.

** Lateinische Gedichte des X.—XI. Jahrhunderts / Hg. von J. Grimm und A. Schmeller. Göttingen: Dieterichsche Buchhandlung, 1838. S. 354. Авторский экземпляр Я. Гримма хранится в Музее братьев Гримм в Касселе: 1950. С. 5.

неизвестный эльзасский или французский или голландский монах. Крестьянина преследовало несчастье: ему никак не удавалось заиметь больше одного быка; как только он покупал второго, тут же один подыхал, из-за чего и получил прозвище Однобык (Unibos). Однажды, возвращаясь из города, после продажи шкуры очередного быка, он нашел котелок с деньгами. Чтобы измерить количество денег, он попросил у старосты осьмину. Увидав столько денег, староста обвинил Однобыка в воровстве, но крестьянин ответил, что получил эти деньги за шкуру. Староста, управляющий и священник решили забить своих быков. Но ничего на этом не заработав, а лишь потерпев ущерб, они решили отомстить Однобыку. А Однобык в ожидании их вымазал свою жену свиной кровью и велел ей притвориться мертвой. Враги Однобыка испугались. Однобык сказал, что у него есть средство оживить жену, и заиграл на флейте. Жена встала, умылась и оказалась краше прежнего. Староста, священник и управляющий купили у Однобыка флейту и убили своих жен. Когда те не ожили, в ярости они хотели убить и обманщика. Но тот засунул в зад своей кобыле деньги, и кобыла начала ими опорожняться. Увидав это чудо, враги Однобыка выкупили у него эту кобылу за 15 фунтов. После всех каверз Однобыка они, наконец, потребовали, чтобы тот сам выбрал себе казнь. По его желанию он был связан, посажен в бочку, которую должны были сбросить в море (подробно об этом типе наказания см. в «Правовых

древностях» Я. Гримма: 8, 2, 278—279). Однобык дал своим врагам денег, чтобы они выпили за упокой его души. Пока те сидели в трактире, Однобык поменялся со свинарем, которому сказал, что сидит в бочке за нежелание быть старостой. Через три дня он повстречал своих врагов и сказал им, что на дне моря множество свиней, и те бросились в воду и утонули. Следующее свидетельство этого сюжета зафиксировано у Джованни Серкамби (1347—1424) в новелле «Об удаче»*: у молодого миланского крестьянина Пикаруоло (Хитреца) гибнет осел; Пикаруоло продает его шкуру и, захватив с собой ворона, отправляется странствовать; далее — сцена в доме зажиточного крестьянина, как в КНМ 61. В анонимной «Истории о крестьянине Камприано»**; возникшей около 1500 г., и у Страпаролы вновь проявляется уленшпигелевская натура героя, мстящего торговцам, которыми был обманут. У Д. Ч. Кроче (1550—1609) в его поэме «Бертольдо и Бертольдино» Бертольдо заманивает в мешок, куда был посажен, своего стража***. Так же поступает капитан Родомон в фарсе Жана Табарена (1584?—1633)****. От Страпаролы зависит 106-я сказка Томаса Симона Гёлетта (1683—1766) в его сборнике «1001 четверть часа» [82, 22, 132], ставшем известным и в немецких переводах. Сюжет об Однобыке имеет и собственно немецкую историю. В 1559 г. его обработал Валентин Шуманн (ок. 1520 — после 1559) в своем

* De bono fatto. // Sercambi G. *Novelle inedite* / A cura di R. Renier. Torino, 1889.

** *Storia di Campriano contadino* / A cura di A. Zenatti. Bologna, 1884.

*** Guerrini O. *La vita e le opere de G. C. Croce*. 1879. P. 243.

**** Tabarin J. S. *Oeuvres complètes...* / Par G. Aventin. V. 1—2. Paris, 1858. V. 1. S. 234.

собрании шванков «Книжечка для чтения перед сном» *. У Шуманна взял сюжет Георг Кристиан Руккард для своего смехового сборника, ставшего ныне большим раритетом: «Смеющаяся школа» **; но еще раньше эта история была опубликована у Иоханнеса Хульсбуша в «Букете уморительнейших проповедей» *** и у знаменитого драматурга, подражателя Ганса Сакса, Якоба Айрера (1544—1605) в фастнахтшпиле «Пекарь, ожививший свою жену игрой на скрипке» ****.

История о хитром крестьянине, не выбирающем средств, чтобы разбогатеть, распространена в разных вариантах по всей Европе, в т. ч. и в России.

30 *Об украденном геллере*

КНМ № 154 «Украденный геллер» и 1812 № 7: «Об украденном геллере».

Автограф В. Гримма не сохранился; или он не был послан Брентано по ошибке, или утерян Брентано. Источник устный: Гретхен Вильд, в 1808 г. Примеч. 1822, с. 247: «Из Касселя». Обработка для печати В. Гримма.

В русских изданиях КНМ последнего времени эта сказка не печаталась. Приводим ее по тексту 1812 г., который до окончательной редакции претерпел очень незначительные изменения:

«Однажды сидел муж с женой, детьми и пришед-

* Schumann V. Nachtbüchlein / Hg. v. J. Bolte, Stuttgart: 1893; 1, 6.

** Ruckard G. Ch. Die lachende Schule in auserlesenen und kurtzweiligen Historien. Halle; 1725, № 142.

*** Hulsbusch J. Sylva sermonum iucundissimorum. Basilea. 1568. P. 195.

**** Ayrer J. Dramen. Bde 1—5 / Hg. A. v. Keller. Stuttgart: 1865, 4, 2809.

шим в гости другом за обедом. Когда пробило двенадцать часов, гость увидел, что дверь открылась и вошел бледный мальчик в белоснежной одежде; не глядя ни на кого и не говоря ни слова, он прошел в соседнюю комнату; вскоре он вернулся и так же тихо удалился. Этот мальчик приходил и на второй и на третий день; и гость спросил у хозяина, чей это красивый ребенок. Отец ответил, что не знает, о чем идет речь, что он его никогда не видел. На другой день ровно в двенадцать снова вошел ребенок; гость показал на него отцу, но ни он, ни мать, ни дети никого не увидели. Гость встал, подошел к двери, приоткрыл ее и заглянул в комнату. Бледный мальчик сидел на полу и что-то старательно выковыривал из щелей пола, а, увидев гостя, исчез. Гость рассказал о том, что видел, и подробно описал мальчика. И тут мать воскликнула: «Ах! Ведь это мое дорогое дитя, что умерло четыре недели назад!» Тогда они подняли доски пола и нашли два геллера, которые мальчик должен был отдать нищему, но не отдал, а спрятал в щели пола, решив купить себе на них масляных сухарей; и вот теперь он мучается в гробу, приходит каждый полдень и ищет геллеры. Они отдали эти деньги бедняку, и мальчик перестал приходить.» Такие рассказы современные исследователи причисляют не к сказкам, а к назидательным легендам, в которых не указываются ни конкретные имена, ни места. В данном случае это легенда о покаянии, которое, по христианскому учению, должно происходить в три

этапа: раскаяние, исповедь и отпущение, — и необходимо при совершении любого из смертных грехов, к коим относится и воровство, для таинства покаяния необходимо посредничество церкви. В немецких народных легендах церковь и исповедь отсутствуют. Отпущение может быть достигнуто просто добрым делом.

Этот сюжет относится к большой группе легенд о покаянии неотпущенных мертвых, которые ходят среди живых в обликах животных или призраков.

31 *Старая ведьма*

КНМ и 1812 — не вошла.

Автограф Я. Гримма. Источник: новеллистическая сказка плодovitого бульварного прозаика и поэта Августа Фридриха Эрнста Лангбайна (1757—1835) «Спящий красавец» из его сборника «Свободные вечера» (Feierabende von A.F.E. Langbein. Frankfurt und Leipzig, 1794. Bd. 1. S. 1—68: Der schöne Schläfer). История эта очень длинная, и Я. Гримм отразил в своей выписке лишь те моменты, которые показались ему сказочными. Позже в письме к брату 1.11.1814 Якоб вспомнил об этом сюжете, который ему настолько не понравился, что он не только не включил его в сборник, но даже не упомянул ни в каких примечаниях: «У Онуа недурна и сказка о принце Одноножке, о старом короле Шелкопряде (которую Ты когда-то слышал у Хакстхаузен^{*} и которая Тебе, естествен-

* С главой семейства Хакстхаузен^{ов}, сыгравшего большую роль в формировании КНМ, графом Х. Вернером (1780—1842), Гриммы познакомились на рубеже 1807—1808 гг. через Иоханнеса Мюллера, генерального директора про-

свещения королевства Вестфалии. Вернер со своим братом Фритцем (1776—1845) занимался тогда изучением фольклора. В августе 1811 г. Гриммы впервые гостили в их имении в Бёкендорфе, что положило начало т. н. «бёкендорф-

но, показалась плохой), о танцующих улитках и т. п., словом, это та же сказка, что и о старом короле с бичом и т. д., рассказанная Лангбайном. Значит, она, вероятно, есть и в Германии, и в своем подлинном виде, если удастся таковой заполучить, она наверняка хороша» [10; 367].

Следов этой безусловно литературной сказки обнаружить пока не удалось.

32 *Золотой олень*

КНМ — и 1812: примечание к № 11: «Братец и сестрица».

Автограф Я. Гримма. Источник не определен; судя по характеру примечания, вероятно, устный (м. б. семья Хассенпфлюг). Обработка для печати В. и Я. Гриммов.

В примечании Гриммы приводят текст ОН. Рукой Вильгельма сделана приписка на полях: «См. в конце частичное дополнение», — которая касается второго рассказа Марии Хассенпфлюг 8.3.1813 (братец превращается в оленя) (текст см. в: ВР, I. S. 82—84). Первый рассказ был 10.3.1811 г. в Касселе (братец превращается в дикого козленка), именно он и вошел в КНМ. Под примечанием подписано:

В 13-й сказке <КНМ, «Три лесовичка»> появляется умершая мать, чтобы накормить и обиходить своего ребенка; точно так же и в древнедатской песне

скому сказочному кружку», в котором большую роль играли все члены семьи: жена Вернера — Элизабет, графиня, урожд. Харфф (1787—1862), младшая сестра Вернера — Анна (1801—1877) и младший брат — Август Франц Людвиг

Мария, барон (1792—1866), издатель и собиратель народных песен, с которым Гриммы были особенно дружны и которому передали около 1815 г. свою коллекцию народных песен, увидевшую свет лишь в 1985 г. [22].

<"> *Мать в гробу* <"> * <W>

По В. Лингманну [45, 103—105], первым свидетельством этого сюжета можно считать миф о Фриксе (кудрявом) и Гелле (лани), которых преследует мачеха Ино и которые спасаются бегством в Колхиду на золоторунном баране, о чем рассказывает Эврипид в утраченной трагедии «Фрикс» (*Hugine Fabulae*, 2). См. об этом также у Павсания (*Periegeta*, 9.34.5) и в схолиях к Эсхилу (*Persal*, 71), Ликофору (22) и Аполлону Родосскому (1.256). Но Р. Доукинз предполагает, что эта история сложилась в славянском ареале **. Старейшим литературным свидетельством является по-ренессансному аллегорическая латинская поэма польского поэта Кшиштофа Кобылинского под названием «Первая книга метаморфоз девочки и мальчика» (*Metamorphoseos puellae et parvuli liber unus*) в его «Книге разнообразных стихотворений к Станиславу Розимонтану» ***, возможно, под влиянием латинских и итальянских образцов, на которые опирался Базиле в своей сказке «Мальчик и девочка» [78, 5, 8]. Из Базиле, в свою очередь, черпала баронесса д'Онуа для своей сказки «Лесная лань» [рус. пер. в: 110 Андреев; 229—283]. Сюжет переплетается с «Гензель и Гретель» и с «Белой и черной невестой» (см. коммент. к «Братцу и сестрице» и «Золотой утке»).

Фридрих фон дер Ляйен предполагает влияние гриммовской сказки на русские варианты ****. Однако

* *Moderer under mulde*, переведенной Вильгельмом Гриммом [5, 147].

** Dawkins R. M. *Modern Greek Folktales*. Oxford, 1953, № 2 with comm.

*** Kobyliński Ch. *Equitis poloni. Vari-*

orum epigrammatum ad Stanislaum Rozimontanum Libellvs. Cracoviae, 1558.

**** Leyen Fr. *Welt der Märchen*: Bd. 1—2. Düsseldorf; Köln, 1952/53: Bd. 1. S. 275.

афанасьевская сказка «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», № 260—263 и все ее варианты (рус. — 24, укр. — 12, белорус. — 5) восходят к первой публикации в «Погудке» [128].

33 *О мышке, птичке и жареной колбасе*

КНМ № 23: «О мышке, птичке и колбаске» и 1812: «О мышке, птичке и жареной колбасе».

Источник: Ханс Михаэль Мошерош (1601—1669) «Чудотворные лица Филандера Зиттенвальдского» (1640/42), сатирический перевод-обработка «Сновидений» испанского писателя Франсиско де Кеведо (1580—1645). У Гриммов был экземпляр лейденского издания 1646 г., который ныне хранится в библиотеке Берлинского университета (ГДР): Y 4362 (Moscherosch H. V. Gesichte Philanders von Sittenwald, II). История о мышке, птичке и колбасе имеется в изданиях, начиная с 1650 г., в конце «7-го лица» («Реформация». S. 927—930). Помимо оригинала, Гриммы пользовались сокращенной и модернизированной публикацией Клеменса Брентано в «Бадише Вохеншриффт»*. Поэтому Гриммы и не послали Брентано рукопись этой сказки. Выписку из «Бадише Вохеншриффт» сделал, вероятно, Якоб, ибо сохранились и другие принадлежащие ему выписки и конспекты из этого журнала (SBPK, Grimm-Schrank № 1754). Обработка для печати В. Гримма.

Мошерош приводит эту сказку как притчу о гибели Германии в результате раздора между тремя сослови-

* Badische Wochenschrift / Hg. v. chenschrift», Ib. FDH 1973. S. 241—346. A. Schreiber, 11.7.1806. № 2, Sp. 21— Текст Мошероша см. также в BP I. 26; Rölleke H. Neuentdeckte Beiträge S. 204—206. Clemens Brentanos zur «Badischen Wo-

ями — бюргерским, феодально-княжеским и крестьянско-ремесленным — в ходе Реформации. Гриммам, стоявшим в вопросе о единении Германии на либерально-консервативных позициях, эта сказка представлялась политическим предостережением и в начале XIX в.

Является ли эта сказка вымыслом Мошероша или заимствована из эльзасского фольклора, установить трудно. Во всяком случае Гриммам она казалась настолько подлинной, что никаких существенных изменений в тексте Мошероша они не предприняли.

34 *Дитя Марии*

КНМ № 3 и 1812: «Дитя Марии».

Автограф В. Гримма (две пометы на полях — Я. Гримма). Источник устный: Гретхен Вильд в Касселе в 1807 г. Примеч. 1822, с. 7: «Из Гессена». Обработка для печати В. Гримма.

Похожа <на эту сказку> легенда о св. Оттилии <эльзасской святой>, как ее рассказывает Науберт в своих народных сказках [107] ч. 1 <с. 276—360>. Основная идея о позволенных дверях и одной запретной встречается неоднократно и с разными введениями, как, например, в связи с невестой мертвеца <КНМ № 46: «Чудо-птица»> и в «Синей бороде» <1812, № 62; заимствованной из Ш. Перро [110, 29—37] и в дальнейшем не печатавшейся>...

[Доп., с. LXI] Также и в <"> Пентамероне <"> [110, «Три короны»] Маркетта открыла запретную комнату Орки, за что и была изгнана.

По мнению шведского исследователя В. Лингмана, эта сказка сложилась в средние века [45, 202—205, 367] и связана с черными иконами Марии в католических церквях и черными изображениями Деметры, греческой богини плодородия. Прототип сюжета можно усмотреть в «1001 ночи» (ночи 14—16, где царевич провел один счастливый год во дворце сорока невольниц, но, открыв запретную дверь, был наказан изгнанием и потерей одного глаза) и в арабской версии «Семи мудрых мастеров», попавшей в Европу в 1184 г. через обработку Иоанна де Альта Сильва «Долофат» *. Похожий рассказ имеется в хронике английского монаха Матфея Париса (ок. 1200—ок. 1259) «Большая история» ** в описании жизни легендарного английского короля Оффы, сына Вармунда (*Vita duorum Offarum*). Часть мотивов содержится у Страпаролы [119, 1, 4] и у Базиле [78, 1, 8: «Козье лицо»; 4, 6: «Три короны»]. Однако у последних отнесенность к сюжету сказки о Марии недоказуема. В виде притчи о пробы на послушание и стойкости в страдании сказка могла сложиться только после 1566 г., когда был опубликован «Римский катехизис» (*Catechismus Romanus*), где была изложена доктрина об абсолютном раскаянии (*contritio cantate perfecta*) с привлечением 15 положений этого предписания для духовенства. В сказке о Марии изображается таинство раскаяния как акт свободной воли, предваряемый неизменными условиями раскаяния: искренностью (болью души), всеоб-

* Hilka A. *Sammlung mittelalterlichen Texte*, V, 1913.

** 1571, см. 3-е изд.: *Mattheus Paris*.

Historia major / Ed. W. Wats. London. 1684. P. 965—968.

щностью, превосходством над всеми прочими чувствами, сверхъестественностью и совершенством. О последнем и идет речь на примере одного из смертных грехов — лжи. Совершенное раскаяние основано на совершенной любви (*caritas*), сверхъестественной дружбе человека с Богом, и если она искренна, то непрощаемых грехов не существует*. Непосредственный литературный документ этой сказки не установлен. Однако одним из вариантов ее можно считать легенду о св. Оттилии (Одиллии), отразившуюся в тексте Науберт (см. выше) и записанную также Гриммами [19, 85: «Гора Оттилии»; Рёллеке опубликовал ее впервые]: по просьбе матери Мария крестит девочку и берет ее под защиту, когда она опасно заболевает. Мария уносит девочку на небеса, где возникает ситуация запретной комнаты с последующим изгнанием; Мария спасает Оттилию от преследований нежеланного жениха тем, что заключает ее в недра горы, из которой начинает бить источник. Помимо эленбергского автографа существует еще один — автограф Якоба, посланный им в апреле 1808 г. для детей Савиньи (хранится в Университетской библиотеке Марбурга, MS. 784/200, 2—4, опубл. в: 4, 371—372). Запись Якоба сделана по записи Вильгельма.

Включение в КНМ христианских сюжетов объясняется тем, что Я. Гримм, стремившийся реконструировать немецкую мифологию и считавший христианское учение наследием языческой религиозности, рас-

* См.: Diekamp F. *Katholische Dogmatik* / Hg. v. K. Jüssen. B. 1—3. Münster Westfalen, 1954, Bd. 3. S. 260—312.

сма­три­вал хри­сти­ан­ские ле­ген­ды как ва­ри­ант язы­че­ских и свет­ских мо­ти­вов. Осо­бен­но ин­те­ре­со­вал его культ Ма­рии, «ос­но­ва ко­то­ро­го была уже в язы­че­ском вы­де­ле­нии от­дель­ных бо­гинь, по­чи­та­нии про­ри­ца­тель­ниц и му­дрых же­нщин» [16, 8, 63, 225, 585]. Ма­рии было при­да­но мно­же­ство черт, ко­то­рые в ста­ри­ну считались сво­й­ства­ми Фрейи, Хольды, Берты [16, 8, 162] и Ве­не­ры [16, 8, 192].

Сказка рас­про­стра­не­на по всей Ев­ро­пе.

35 *Принцесса Мышиная шкурка*

КНМ — и 1812 № 71: «Принцесса Мышиная шкурка».

Автограф В. Гримма. Источ­ник уст­ный: ве­ро­ят­но, от Жанетты Хас­сен­п­ф­люг не позд­нее ок­тя­бря 1810 г. По м­не­нию Рёл­ле­ке, по­ме­те «Жанетта», сде­лан­ной ру­кой Вильгельма в ав­тор­ском эк­зем­п­ля­ре, до­ве­рять осо­бен­но не­льзя. Пер­вая сказка Жанетты, при­слан­ная ею для КНМ, да­ти­ро­ва­на но­яб­рем 1810 (ОН № 51: «Гос­по­дин Кор­бес»). Са­ма же она да­ти­ру­ет свое лич­ное зна­ком­ство с бра­тья­ми 1811 г.

Так как эта сказка яв­ля­ется ва­ри­ан­том к ОН № 7 («Зве­ру­шка»), то ин­фор­ман­том мо­гла быть одна из се­стер Вильд [4, 373]. Об­ра­бот­ка для пе­ча­ти В. Грим­ма.

У Перро эта сказка об ослиной шку­ре [см. 110 Ан­д­ре­ев, 121—139], хо­тя и с боль­ши­ми от­кло­не­ни­я­ми, в чем ви­но­ва­то, воз­мож­но, рас­ши­ре­ние сю­же­та; за­чин там сов­па­да­ет с ис­то­ри­ей о пре­к­рас­ной Еле­не; луч­ше,

когда принц находит кольцо в пироге, испеченном реау d'ane <ослиной шкурой>.

[Доп. с. LXVIII] Как отец здесь, так и король Лир спрашивает своих дочерей*.

Из-за сходства с сюжетом о Зверушке после 1812 г. сказка больше не печаталась. В авторском экземпляре 1812 г. против заглавия № 71 стоит знак Ø.

36 *Месяц и его мать*

КНМ — и 1812: примечание к № 25: «Три ворона».

Автограф Я. Гримма. Источник: «Гротески, сатиры и наивности на 1806 г.» богослова и филолога, писателя-сатирика Иоханна Даниеля Фалька (1768—1826) (Falk J. D. Grottesken, Satyren und Naivitäten auf des Jahr 1806 / Hg. von J. D. Falk, Tübingen: o. J, S. 104—107). Обработка для печати В. и Я. Гриммов.

Здесь мы приводим еще один сказочный рассказ о месяце, который сохранился во фрагментах Менандра или малых сочинениях Плутарха и может быть также сравнен с эзоповской басней (edid, Fugia [88] 396). — Месяц сказал однажды своей матери: «Ночи так холодны, я мерзну, шей мне теплое платье!» Она сняла мерку, и он убежал, а по возвращении оказался таким большим, что камзол был ему повсюду тесен. Тогда мать принялась распарывать и расставлять камзол, но у месяца было мало времени, и он пошел своей дорогой. Мать прилежно шила и не раз сидела при звездном свете. Месяц вернулся и, так как он

* Скажите, дочери, мне, кто из вас / Шекспир, «Король Лир». Пер. Б. Пас-
Нас любит больше, чтобы при разделе / тернака.
Могли мы нашу щедрость проявить. —

много бегал, то совсем похудел, стал тощим и бледным, платье оказалось ему велико, а рукава болтались до колен. Тут рассердилась мать, думая, что месяц над ней издевается, и запретила ему возвращаться домой. Так бедняга ходит по небу голый и бледный, пока не найдется человека, который купит ему платье.

*Послов<ица>: месяцу платья не сошьешь. Леманн * 827. <W> conf. Абр<ахам> а С<анта> Кл<ара> ** <"> Избр<анные мысли, анекдоты, басни, фарсы и сказки. Из сочинений патера Абрахама а Санта Клара. Вторая часть, Вена, 1812> *** II, 102—Юз. **** <J>*

Иоханн Фальк сочинил свой сатирический шванк, основываясь на тексте Плутарха в «Пире семи мудрецов» *****: «Клеобул: <...> месяц просил свою мать, чтобы она сделала ему одежду по размеру. Та ответила: „как же я сделаю ее по размеру? Сейчас я вижу тебя полным, а в другой раз — только половинкой, а в третий раз — растущим"».

Текст Фалька:

* Кристоф Леманн (ок. 1570—1638) — немецкий писатель, автор сборника пословиц (Lehmann Chr. Florilegium politikum. o. O.: 1630).

** Выдающийся народный проповедник и писатель, деятель католической контрреформации (1644—1709).

*** Auserlesene Gedanken, Anekdoten, Fabeln, Schnurren und Märchen. Aus den Schriften des Pater Abraham a St. Clara. Wein. 1812. 2 Th.

**** *Басня*. Зевс говорит месяцу: Думаю, что портные стали бы осаждать небо, если бы я дал распоряжение

сшить тебе платье. Но как же его для тебя сделать, если ты то крив, как серп, то кругл, словно мишень, то жирен, будто откормленная свинья, а то снова тощ, как печеная селедка, и вообще ты непристойный дурень.

***** Convivium Septem sapientium, cap. 14; в нем. пер. И. Ф. Кальтвассера: Kaltwasser I.F.S. Flutarchus <...> Moralische Abhandlungen aus dem Griechischen übersetzt <...> Bde. 1—12. Frankfurt am Main: bey Iohann Christian Hermann. 1783—1800. B. 2, 1784.

О месяце и о его матери

Шванк

С греческого

Сказал однажды месяц: «Можешь
Ты сделать, мать, по мне одежду?
Ведь по ночам теперь прохладно».
И мать в ответ: «Ну что же, ладно.
Как исхудал ты, мой сынок!» —
Сняла размер, и месяц в срок
Взошел на темный небосклон.
Когда же в нетерпенье он
Вернулся, телом тароват,
Что твой лоснящийся прелат,
Не смог он свой камзол натянуть.
Взялась тут мать его расставить:
Спорола нитки в рукавах,
В плечах, в спине — не впопыхах.
Ждал месяц, ждал и не стерпел,
И закричал: «Я не у дел!»
За все на матери вина:
Что не умеет шить она,
Что полнолуние настало,
Что времени осталось мало.
И мать сказала: «Ладно, мчись,
И поскорей домой вернись.
Пока же лунным светом белым
Служи прилежно престарелым,
Чтоб им поменьше нагорело

В лампадах. Это честь большая
Светить от края и до края!»
И он поплыл своей стезей,
И стал в пути совсем худой.
Вернувшись, просит об одежде
Мать, что в потемках и в надежде,
Что будет впору, над камзолом
Трудясь, все пальцы исколола.
И вновь он ставит мать в тупик:
Теперь камзол ему велик:
Из полнотелого, большого
Наш месяц стал худей портного,
Что с грамотой и клиентурой,
В скитаньях поднабрав культуры
В *Немецкой, Римской и Святой*
Империи, пришел домой.
Глаза ввалились, щеки тоже —
На таз цирюльника похож он.
Мешком висит на нем камзол,
Метет он рукавами пол.
Взглянула мать и ну ругаться:
«Над матерью так издеваться
Земной не смеет вертопрах,
Не то что месяц в небесах!
Чтоб угодить тебе — такого
Вовек не сыщешь ты портного!
Ты мне не сын, прочь, убирайся
И никогда не возвращайся!»
С тех пор шельмец наш бледен, гол

По небу ходит, а камзол —
Камзол, быть может, кто-то купит
И месяцу его уступит.

Я. Гримм, убрав сатирические вставки, передал стихотворение в прозе. В апреле 1808 г. он послал другой вариант этой истории детям Савиньи (Университетская библиотека Марбурга, Ms. 784/201, 1—4; текст см. в: 4, 375).

В КНМ история о месяце не вошла, ибо показалась Гриммам слишком литературной и, главное, недостаточно серьезной; шуточность, вслед за Гегелем, они считали не свойственной эпической традиции.

37 *Сурок*

КНМ — и 1812: примечание к № 24: «Госпожа Метелица [Холле]».

Автограф Я. Гримма. Источник: «Водяные нимфы или русалки» в «Юной американке, или Коротании досужих часов на море» Габриэлы Сюзанны де Вилльнёв (см.: 121, I, 232—358, II, 1—348]. Обработка для печати В. и Я. Гриммов.

<...> Несколько общих родственных черт с этой сказкой имеется у первой сказки в брауншвейгском сборнике <аноним [86, № I] — «Вознагражденная щедрость»> и у одной в Пентамероне [78, 4, 7].

В этой французской сказке Якобу Гримму виделись следы немецкого мифа о германской богине Холле (Хольде, Перхте, Берте), заведующей одновременно небесами и недрами, богине плодородия: Холле

«любит обитать в озерах и колодцах <...> Смертные проникают в ее жилище через колодцы <...> она дарит земле плодородие... Холла изображается как пряха <...> Прилежным девушкам она дарит веретена и за одну ночь напрядает им полную катушку» [7, 246—247]. «Свои длинные, год не чесанные волосы Холле заставляет расчесывать девушек. Девушка, которую она награждает, вычесывает из своих волос жемчужины и драгоценные камни» [7, 433]. Однако исторические корни этого мифа и его литературной передачи Я. Гриммом исследованы не были. «Немецкая мифология» в значительной мере опирается на сказочный материал, собранный самими же Гриммами.

Первое литературное свидетельство сюжета о Холле содержится в повлиявшей на Мильтона комедии выдающегося английского актера, поэта и драматурга Джорджа Пила (1558—1597?) «Бабушкины сказки» (1595). Я. Гримм подметил сходство со сказкой Перро «Феи» [110, Андреев; 46—49], которая, вероятно, повлияла на Вилльнёв. В Германии до 1812 г. сюжет был рассказан Науберт [107, 1, 136—179], возможно, зависевшей от Вилльнёв, и В. Райничем*. Сказания о Холле с другими сюжетами известны в Германии с XVI в. [12, № 4—8].

В. Гримм заменил выписку Якоба из Вилльнёв на рассказ тогда 18-летней Дортхен Вильд о госпоже Холле (13.10.1811 в Касселе). И. Больте и Г. Поливка предполагают, что к формированию опубликованного варианта был привлечен также рассказ ганноверского

* Reynitzsch W. Buch über Thruten und Thrutensteine. Gotha, 1802. S. 128—131.

священника Георга Августа Фридриха Гольдманна (1785—1855) [ВР, I, 207].

Посланной Гриммами сказкой Клеменс Brentано полностью воспользовался в своей «Сказке о Сурке» (написана около 1811 г.; опубликована в 1846—1847 гг.), созданной им в сатирических целях: для нападок на гейдельбергского поэта-просветителя И. Х. Фосса (1746—1818), боровшегося за чистоту немецкого языка [30, 235—276].

38 *О соловыхе и веретенице*

КНМ — и 1812 № 6: «О соловыхе и веретенице».

Запись Я. Гримма либо не была послана Brentано, либо утеряна самим Brentано, либо пропала во время странствий его наследия. Источник указан самими Гриммами: «Традиции и обычаи Солони» <области во Франции> (Tradition et Usages de la Sologne / Par M. Légier, du Loiret, 11 // Mémoires de l'Académie Celtique. Paris, 1808, V. 11). Обработка для печати Я. Гримма.

Т. к. этот текст был опубликован только в 1812 г. (в авторском экземпляре против № 6 стоит карандашная помета Якоба Ø), даем перевод: «Жили-были соловыха и веретеница, у обеих было только по одному глазу, и долго жили они вместе в мире и дружбе. Однажды соловыху пригласили на свадьбу, и она сказала веретенице: «Не хочется мне идти на свадьбу одноглазой, будь добра, дай мне твой глаз,

утром я тебе его верну». И веретеница исполнила ее просьбу.

Соловьихе так понравилось иметь два глаза, ведь она могла теперь смотреть по сторонам, что, вернувшись на другой день домой, она не захотела отдавать бедной веретенице взятый глаз. И веретеница поклялась, что отомстит соловьихе, ее детям и детям детей.

«Поди-ка достань меня, — сказала соловьиха, —

Отныне на липе гнездо буду вить,

В выси, в выси, в выси,

И ты не сумеешь меня погубить!»

С тех пор у всех соловьев по два глаза, а у веретениц ни одного. Но везде, где соловьиха вьет гнездо, внизу, в кустарнике, есть веретеница, которая непременно старается влезть на дерево, чтобы продырять и высосать яйца своей бывшей приятельницы». В примечании Гриммы пишут:

<...> Эта сказка и поверье распространены среди жителей Солони. Французские рифмы удачнее воспроизводят соловьиный щекот:

je ferai mon nid si haut, si haut, si haut! si bas!

que tu ne le trouveras pas!

ср<авни> *тю-вить * стр. 329 [18]. <J>*

Текст французского оригинала [см. в: 4, 376] Якоб Гримм подверг небольшой литературной обработке; ему принадлежит и рифмованный немецкий перевод песни соловьихи. Сказка была изъята из дальнейших изданий, видимо, потому, что Гриммы не обнаружили

* КНМ № 69: «Йоринда и Йорингель»:

А птичка с красненьким кольцом

Поет: не жить ему, не жить, —

Про смерть дружка она поет, —

А мне тужить, цю-вить, тю-вить.

на немецкой почве следов этого, по утверждению М. Лежье, кельтского, этиологического сюжета. Поверье об обмене глазами жаворонка и жабы существовало в Англии. См. у Шекспира:

Не трели он, а любящих разводит,
И жабы будто у него глаза,
Нет, против жаворонков жабы — прелесть.

Ромео и Джульетта, 3 акт, сц. 5.

Пер. Б. Пастернака

После публикации Гриммов сказка распространилась в ряде областей Германии.

39 *Добрый пластырь*

КНМ — и 1812 во «Фрагментах», № 85/d: «Добрая тряпка».

Автограф Я. Гримма. Источник не определен; судя по сорту бумаги (вод. знак: три лилии), вероятнее всего, — семья Хассенпфлюг. Обработка для печати В. Гримма.

d) В «1001 ночи» см. о медной лампе, которую по глупости обменяли на новую. Отчасти родственно этой сказке фаблю о ястребе-перепелятнике и зайчике, которых дочь покупает, когда мать уходит в церковь*.

Под текстом в первом издании в авторском экземпляре написано рукой Я. Гримма: «малоценно». Следуя этому вердикту, Вильгельм изъял сказку из дальнейших изданий.

По отношению к рукописному варианту печатный слегка изменен, но не восполнен.

* «Der Sperber», «Das Häslein» — средневерхненемецкие стихотворные рассказы о том, как рыцари добиваются благосклонности простодушной девушки с помощью этих животных 193, II, 5—35].

Литературные прототипы не установлены.

40 *Три ворона*

КНМ № 25: «Семь воронов» и 1812: «Три ворона».

Автограф Я. Гримма. Источник не определен; вероятно — устный, в двух вариантах от семьи Хассенпфлюг. Примеч. 1822, с. 47 (к 1-й части): «Из майнских окрестностей»; (ко 2-й части): «Кроме того, из окрестностей Ханану». Обработка для печати В. Гримма.

Ср. с этой сказкой № 9*, о стеклянной горе рассказывают также и иначе: жила-была заколдованная принцесса, с которой можно было снять чары, лишь взобравшись на стеклянную гору, где находилась принцесса. Пришел тут в харчевню молодой парень, и на обед ему предложили вареную курочку. Он тщательно собрал все косточки, спрятал их и пошел к стеклянной горе. Подойдя к ней, он взял косточку, воткнул в гору и поднялся, потом воткнул еще косточку и потом еще одну, и так он взобрался почти на вершину, и, когда оставалось совсем немного, оказалось, что не хватает одной косточки; и тогда он отрезал себе мизинец, воткнул его в гору, поднялся на вершину и расколдовал принцессу. — Так расколдовывает Сивард *stolt Bryniel af Glasbierget***, взбираясь наверх на своем жеребце***; см. также в дитмаршской песне:

так из стеклянной ты горы меня освободил.

* «Двенадцать братьев»; аналогичный рассказ имеется в записи Клеменса Брентано [2, 174—175].

** Гордую Брюниль на Стеклянной

горе (*dat.*).

*** См. «Древнедатские героические песни» в пер. В. Гримма [5, 31: «Убийство Сиварда»].

на лошади наверх поднявшись *.
Так Дитерих Волк заколдован в гробу, где:
четыре по углам
горы стеклянных гладких,
прозрачных было там,
по <"> Дрезд<енской книге о героях"> **<"> Дитерих
Волк <">, строфа 289; в печатном варианте строфа
1171: ***

стеклом там все покрыто,
и крепость и могила,
чтоб не могла и птица
проникнуть в бург закрытый.

Это напоминает раввинский миф о Шамире, которым
глухарь разбивает стекло, которым покрыли его
гнездо **** См. также в <"> Райнфриде Браун-

* Из книги Антона Фита «Описание и история земли Дитмаршен... (Anton Viethens... Beschreibung und Geschichte des Landes Ditmarschen...: Hamburg, gedruckt und verlegt von seel. Thomas von Wierings Erben, 1733. S. 109—110): песня «О суетных невозможностях» (Von eiteln unmöglichen Dingen), нач. 6-й строфы.

** Dresdener Heldenbuch — средне-верхненемецкий кодекс, обширное собрание героических эпосов, записанное в 1472 г. Каспаром фон дер Реном для герцога Балтазара Мекленбургского: впервые напечатан в Страсбурге в 1483 г.

*** Цит. изд. Г. Грана: Das Heldenbuch mit synen figuren... gedruckt Henrich

Gran hurger zu Hagenaw in dem koste des... her Hansen Knoblauch druckerher zu Straßburg. Anno MDIX, в котором содержится анонимный эпос о Дитерихе Волке. Это издание Якоб Гримм переписал от руки в 1806 г. по экземпляру из кассельской библиотеки, тщательно срисовав и шмуцгитул и титульную гравюру (листы 1—313); автограф хранится в SBPK, Ms. herm. 4^o 971.

**** Из «Агады», книги притчей в «Талмуде»: легенда о таинственном черве Шамире, с помощью которого Соломон строил Храм Господень из огромных камней без единого инструмента. — Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и мидрашей. В 4-х ч. Берлин, 1922. С. 165—167.

швейгском <"> *. На стеклянном острове живет у феи Морганы и король Артур ***, возможна прямая связь, и не только словесная, со скандинавским Глэсисволлем ****, о котором следует говорить отдельно. *Стекло́нная го́ра <"> Титу́-
рель <">
6177 **
<J>*

Сказке в целом сродни li siette palomille <семь голубей> <"> Пентамерона <"> [78]. IV, 8, где Чанна также отправляется в странствия, чтобы расколдовать своих семерых братьев; там много своеобразных, красивых пассажей. В связи с тем, что сестрица доходит здесь до края света, см. № 1 в шотландской сказке *****. Так же и Фортунат, герой одноименной народной книги, едет до тех пор, пока он, наконец, не может больше ступить ни шагу, ***** и Ньюеруп на с. 231 ***** приводит в связи с этим следующее место из одной песни:

* Куртуазном романе XIII в.; был у Гриммов в рукописной копии Готайского кодекса; ссылка касается басни о страусе: Reinfried vom Braunschweig / Hg. von K. Bartsch. Tübingen: 1871. V. 20881—20870.

** «Младший Титурель» — куртуазный эпос, приписываемый Альбрехту фон Шарфенбергу, ок. 1270; у Гриммов имелся в рукописной копии инкунабулы 1477 (SBPK, Grimm-Nachlaß 37, 48, см. также позд. изд.: Der jüngere Titurél / Hg. von K. A. Hahn, Quedlinburg, 1842). Имеются в виду стихи 6177. 6—7: Гора стеклянная настоль гладка, Что кораблям пристать к ней невозможно.

*** См.: John Dunlops Geschichte der Prosadichtungen oder Geschichte der Romane, Novellen, Märchen Aus dem Englischen übertr und vielfach vermehr von Felix Liebrecht. Berlin, 1851, S. 473, Anm. 169.

**** См.: Glaesisvellir // Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder. 5, København; 1960. Sp. 362.

***** См. коммент. к «Королю-лягушке».

***** См.: Buch der Liebe / Hg. von J. G. Büsching u. F. v. der Hagen, Berlin: 1809.

***** Nyerup E. Morskablaesning in Danmark. København, 1816. S. 161.

gamie Sole ligge der,
og forslidte Maaners Här,
hvoraf Stjerner klippers.
<старый Соль * там возлежит
и, худой, свои крепит
Ман** власы к Звездам на высях.>

с этим сравни другую песню в <"> Волшебном
роге <"> I, 300 [24], о высоких горах, упирающихся в
луну, см. также в <"> Титуреле <">:

край света темен, мрачен,
так низко он положен,
там поворот, а значит,
вершину неба тронуть пальцем можно.

<строфа 4749>

В своем сочинении о старой космогонии Иоганн Генрих Фосс приводит следующий фрагмент: «пряжи рассказывают о молодом подмастерье портного, который, странствуя, шел все дальше и дальше и, после приключений с грифами, заколдованными принцессами и великанами, перебрасывающими горы, достиг края света. И обнаружил, что край света не таков, каким он его себе представляет, что это не дощатый забор, через щели которого видно, как св. Ангелы готовят в котлах погоду, куют молнии, переплавляют старый солнечный свет в новый лунный, изношенные лунные и звездные лучи перерабатывают в северное сияние, радуго и светлые сумерки летних ночей. Нет, синий свод неба был поставлен на землю, словно печь для хлеба. Луна как раз собиралась взойти с края пустой

* Скандинавское божество — Солнце.

** Брат Соля — Луна, Месяц.

крышки, и портной для потехи *коснулся ее указательным пальцем*. Раздалось шипенье, и кожи с мясом до ногтя как не бывало». Частично эта сказка напоминает древнедатскую песню о Вернере Равне, проклятом мачехой, которому сестра отдала своего ребенка, чтобы с помощью крови из его сердца и глаз брат вновь смог бы обрести человеческий облик ***.

n<ota>
b'<ene> у
Эшенбурга *
Орkania**
р. 16° <J>

Ср. комментарий к ОН № 10: «Двенадцать братьев и сестрица».

41 **Жених-разбойник**

КНМ № 40 и 1812: «Жених-разбойник».

Автограф Я. Гримма. Источник устный: Мария Хассенпфлюг. Примеч. 1822, с. 70: «Из майнских окрестностей». Обработка для печати Я. Гримма.

В 1-м издании текст ОН напечатан с минимальными отклонениями от рукописи. Начиная со 2-го издания, он заменен двумя контаминированными рассказами из Нижнего Гессена. Аналогичный сюжет записал для себя и Брентано: К дочери одного короля сватается граф. У графа есть замок в лесу, граф кажется ей подозрительным, она идет со своей служанкой по

* Иоханна Иоахима (1743—1820), в его издании «Памятников древнемецкой литературы» эпическая поэма Вольфрама фон Эшенбаха (ок. 1170—1220) «Виллехальм».

** Орканией звалась та сторона, что так близка к земельному началу, что некуда продвинуть там орало, и восходящие там звезды столь близки, что поднятой касаются руки того, кто встанет во весь рост у края.

(Eschenburg J. J. Denkmäler altdeutscher Dichtkunst. Bremen, 1799. S. 61—81, 35. 4—9).

*** «Древнедатские героические песни» в пер. В. Гримма [5, 150: «Ворон-ночь»], где в примеч. говорится: «Известно также из датской сказки о том, как к принцессе поднимался на вершину ее возлюбленный по ступенькам из куриных костей, которые он втыкал в гору» (стихи 496—497).

лесу, находит замок, первая комната полна мечей, вторая — пистолетов, в третьей стоит бочка с кровью у кровати графа, они слышат, что идут люди, принцесса прячется под кроватью, а служанка за кухонной дверью, разбойники тащат девушку, отрубаяют ей мизинец с кольцом, он падает под кровать, туда прыгает собака, разбойники думают, что она съела палец, а принцесса дала собаке калач, разбойники разрубаяют девушку на части и ложатся спать, принцесса спасается бегством, натывается на кровати, разбойники дерутся в темноте, она убегает и возвращается со служанкой домой, рассказывает все отцу, графа приглашают, она рассказывает все как сон. Сон в руку. Протягивает ему палец, он хочет ее убить, его казнят [4, 378, ср. 2, 175].

Прототип этого сюжета — человек в разбойничьем вертепе — сложился, видимо, давно. Следы его — в «1001 ночи». В данной же форме он возник, вероятно, в XVI—XVII вв. в Западной Европе. Его косвенное свидетельство содержится в комедии Шекспира «Много шума из ничего», где есть намек на английскую сказку «Мистер Фокс» (I акт, 1 действ. реплика Бенедикта)*. Всеевропейское распространение сказка получила в XVIII в., времени расцвета рыцарских и разбойничьих романов [44, 136].

Сказка имеется и в России (см. у Афанасьева № 344: «Королева и разбойники»). Всего рус. вариантов — 27, укр. — 15, белорус. — 6. Высказывались предположения о зависимости пушкинской баллады «Же-

* Blakeway. Malones Variorum Schakpeare. London, 1790, также 1821, 7, 163.

них» (1825) от гриммовского сюжета. Через Гриммов сказка распространилась и в Скандинавии, и в других областях Германии. Возможно обратное влияние и на Францию.

42 *Громыхтишунчик*

КНМ № 55 и 1812: «Громыхтихунчик».

Автограф В. Гримма (помета рядом с заглавием — Я. Гримма). Источник не определен; вероятно, — устный из Гессена, в начале 1808 г. Примеч. 1822, с. 97: «пятый рассказ». Обработка для печати В. и Я. Гриммов.

Уже у Фишарта есть свидетельство немалого возраста этой сказки, в <">Гаргантюа<"> [87, 1891 г. 264], где приводятся игры <Гаргантюа>, под № 363 значится игра: Rumpelstilt oder der Poppart. <Громых тихонько или колотушка>. Говорят также Громыхтишунчик <~Rumpenstünzchen>. Здесь рассказ начинается иначе: маленькой девочке дали моток пряжи, из которой она должна была спрясть нитки <J>, но как она ни старалась, на ее мотовилочке получались только золотые нити и ни одной льняной. Расстроенная, она села на крышу и прядла три дня кряду, но опять выходило только золото. И тут появился маленький человечек: я помогу тебе в беде; проедет мимо молодой королевич и женится на тебе, а за это ты должна отдать мне своего первенца и т. д. Человечек появляется и иначе. Служанка королевы идет ночью в лес, видит, что человечек скачет на поварешке вокруг большого ко-

стра и т. д. В конце человек вылетает на поварешке в окно.

Во многих немецких сказках выступают мельник и дочь мельника (см. № 31 <КНМ 1812: «Девочка-безручка»>), эта же сказка совершенно особым образом напоминает скандинавских Фенью и Менью, которые могли намолоть все что угодно, и конунг Фроди приказал им намолоть мира и золота*. Требование отдать детей встречается во многих мифах.

[Доп. с. LXVII] Другой рассказ начинается так: женщина проходит мимо сада, где много красивых вишен; ей захотелось их отведать, она вошла и поела; тут из земли появляется черный человек, которому за украденные вишни она вынуждена пообещать своего ребенка. Когда он родился, черный человек пробивается сквозь расставленную мужем стражу и соглашается оставить ребенка, если только она угадает его имя. Она идет за человеком, видит, как он входит в пещеру, увешанную поварешками, и слышит, как он называет себя Пжрунчиком-Порхунчиком <Fleder Fritz>. Наша сказка тождественна французской сказке <"> Рикдинридон <"> в *Tour ténébreuse <et les Jours Lumineux. Contes Aglais. Paris, 1705. — Прогулка в сумерках и солнечные дни>* м-ль Леритье**, по которой сделана датская печатная обработка: *en smuk Historie om Rosanie... tjent ved Fandens Hjelp for*

* «Младшая Эдда», 84; 79—81. См. 7; 498.

** Леритье де Виллодон Мари Жанн (1664—1734) — фр. писательница. См. 82, 12, 31: жена принца должна не угадать имя незнакомого помощника, а

удержать его в памяти в течение трех месяцев, после чего она должна вернуть ему его волшебную палочку. От этого сюжета зависят многие немецкие, датские и исландские варианты.

Spindepige <og omsider en regjerende Dronning, af italiensk paa dansk oversat af Bastian Stub. København, 1708 (1735). — Изящная история о Розании... служившей Пряхой у Помощника Черта и ставшей, в конце концов, царствующей Королевой, с итальянского на датский перевел Бастиан Стуб> (<журнал> Ирис <и Геба>, июнь, 1795, стр. 244—46). Прядение золота может указывать на тяжелую, мучительную работу по изготовлению золотых нитей, которая была уделом бедных девушек; так в древнедат<ской> песне в Kämppe Viser <Датские героические песни>, стр. 165, ст. 24 *

Nu er min Sorg saa mangefold,
som Jongfruer, de spinde Guld.
<Вдохнуть заботы не дают,
как — девам, злато что прядут.>

Ср. <"> Дитерих-Волк <"> 89 ** и <"> Ивейн <">
<ст.> 6165 ***

совсем похожее сказание о необходимости отгадать имя (в 1001 дне <история о Турандот и Калафе>) см. общ, свод сказаний <под словом> имена [20] <J>

Существует еще одна редакция этой сказки — обработка Якоба данной рукописи Вильгельма, посланная Якобом Гриммом в апреле 1808 г. для детей Савиньи [4, 379—380; хран. в Университетской б-ке Марбурга: Ms. 784/201, 2—4].

* См. в пер. В. Гримма: 5, 249.

** Анонимный героический эпос в нем. «Книге о героях», см. коммент. с. 373.

*** Рыцарский роман Гартмана фон Ауэ

(ок. 1170—1210), выдающегося миннезингера (Ywein. Romanische Bibliothek. 5 / Hg. v. Foerster. Halle, 1891—1902. S. 6, 12, 13, 261).

Якоб Гримм ссылкой на Фишарта указал, что немецкое имя серенького человечка (кобольда, цверга) происходит из глагола *rumpeln* (громыхать, шуметь): «духами, производящими шум» (*Rumpelgeist* = громыхунами), в Германии называли домовых [7, 473], а также рудничных цвергов. О последних, звавшихся Железная шляпка или Хмелевая шляпка, имя которых также следовало угадать, повествуют сказания из Нижней Саксонии*. Этимологически исследуя вторую, альтернативную, часть игры Фишарта, Я. Гримм приходит к выводу, что она идентична первой части посредством значения глагола *ropeln*, *ropern* (быстро и тихо постукивать, колотиться), образующего существительное *Roppart* (колотушка — огородное пугало) с обычным побочным значением — пугало для детей [7, 473], на что мы и опирались при переводе имени цверга и игры Фишарта. Однако доказательства того, что имя цверга восходит к Фишарту и что Фишарт имел в виду именно эту сказку, у нас нет. Равно как нам неизвестно и то, какая именно игра подразумевается под № 363 [48, 280].

Если отвлечься от Фишарта, то происхождение сказки куда более позднее. Она является объединением народных верований, экотипичных для германского ареала, с христианской традицией отпугивания черта (*Dicas mihi nomen tuum* — лат. заклинание: скажи мне твое имя). Когда Лютер и Фишарт говорят о Громыхуне (*Rumpelgeist*), они имеют в виду черта [48, 291]. Эта традиция, в свою очередь, восходит к древним тотемиче-

* Harrys H. Sagen, Märchen und Legenden aus Niedersachsen. Abth. 1—3. Celle, 1840. A. 1. S. 18.

стическим представлениям о силе имени, отраженным во многих мифах дохристианской и христианской эпохи. Кто знает имя, тот повелевает и носителем его: Одиссей на вопрос Полифема о его имени называет себя Никто; умирающему Фафниру Зигфрид называет себя «гордым оленем» (*göfugt dyr*); Лоэнгрин должен вернуться в страну Грааля, как только Эльза узнала его имя [44, 53—54].

В Германии прототип сюжета о Громыхтихунчике представлен у выдающегося писателя-компилятора, собирателя сказаний и курьезов Иоханна Претория, по прозвищу Крюгер (1630—1680), в его уникальном трехтомном собрании сказаний о Рюбецале, горном духе *. Однако непрерывное литературное развитие сюжет получил во Франции. Старейшее свидетельство — у Катрины Бернар (1662—1712) в ее новелле «Инесса из Кордовы» **, где безобразный король гномов Рике сватается к прекрасной принцессе Мама. Тема была подхвачена Ш. Перро в назидательной сказке «Рике-с-хохолком» [110, 60—70] и Леритье. В 1790 г. сказка Леритье была переведена на немецкий Иоханном Готтвертом Мюллером (1743—1828) в «Страусовых перьях: Собрание повестей и рассказов» ***, где гном окончательно превратился в черта. В 1799 г. актриса и плодовитая писательница Софи Альбрехт (1757—1840), также опираясь на Леритье, издала

* Praetorius I. DaeMonoLogla RVBIN-ZaLII sLesII, Das ist, Ein ausführlicher Bericht, Von ... Dem Rüdenzahl ... / Gezogen durch M. Johannem Praetorium... Leipzig: O. B. Öhler, 1662—1665. Th. 1—3.

** Bernard C Inés de Cordue. Paris, 1696.

*** Strauß federn. Eine Sammlung kleiner Romane und Erzählungen. Bde 1—3. Berlin und Stettin, 1787—1798. Bd. 2. S. 1—122.

сказочную повесть «Серый человечек, или Крепость Вороний Холм» *, в которой девушка должна отдать черту своего первого ребенка. Переплетенный с немецкими мотивами, французский книжный сюжет формирова л эту гриммовскую сказку, единственную, которая претерпела серьезную содержательную и стилистическую переделку [57, 160—163]. Гриммы знали семь вариантов, которые они беззастенчиво, в филологическом смысле, свели в один, что, вопреки своим утверждениям, делали часто [48, 280].

В результате сложилось исключительно литературное сочинение, отличающееся ясностью и драматичностью сцен, сбалансированностью, прозрачностью композиции и чисто новеллистическим посланием. Лако ничность, сказочная глубина и изолированность (отсутствие психологических мотивировок реального мира) в ОН оказались принесенными в жертву бюргерски мотивированной прагматичности окончательного варианта, где девушка и отец-мельник обманывают принца, для которого главное — богатство и «рентабельность» жены; заинтересованное лицо и сам Громыхтихунчик — все хотят каких-то благ и добиваются их вполне реальными средствами. Многочисленные работы, посвященные этой сказке, см. у Л. Рёриха [48].

В разных вариантах эта сказка распространена во всей Западной и Средней Европе.

43 *Белоснежка*

КНМ № 53 и 1812: «Белоснежка».

* *Graumämmchen, oder die Burg Rabenbühl* / Von S. Albrecht. Hamburg, 1799.

Автограф Я. Гримма. Источник не определен, т. к. сказка была у Гриммов уже в начале 1808 г. и дважды была записана Якобом (1-й вариант с записи Фердинанда Гримма [Бредехорн 71, 537]), но второй раз, вероятно, рассказана Марией Хассенпфлюг. Примеч. 1822, с. 90: «По разнообразным рассказам из Гессена». Обработка для печати В. Гримма.

Эта сказка относится к наиболее известным; в областях, где преобладает верхненемецкий, сохраняется тем не менее нижненемецкий вариант имени Sneewittchen в отличие от Schneewichen (верх. нем.) <...> Зачин совпадает со сказкой о можжевелнике <КНМ № 47, по нижненемецкой записи О. Рунге> более всего в той редакции, где королева, поехавшая с королем на охотничьих санях, чистит ножом яблоко и ранит себе палец. По другому зачину ... <пересказ «Другого начала»>. Во втором рассказе королева едет с Белоснежкой в лес и просит ее нарвать букет роз; Белоснежка остается одна и попадает к цвергам и т. д. Наконец, нам известен третий вариант: у короля умерла супруга, осталась у него единственная дочь Белоснежка; он женится на другой, которая рождает ему трех дочерей. Мачеха втайне ненавидит падчерицу еще и потому, что та удивительно красива. В лесной пещере живут семь цвергов, которые убивают всех приближающихся к их дому девочек. Королева это знает и, не желая убивать Белоснежку сама, надеется отделаться от нее тем, что подводит ее к пещере и говорит: <"> войди и подожди, пока я приду <">. Она

уходит, а Белоснежка спокойно ждет ее в пещере. Появляются цверги и сначала хотят убить девочку, но из-за ее красоты щадят и предлагают ей вести их домашнее хозяйство. У Белоснежки была собака, которую звали Зеркало, и, когда Белоснежка исчезла, собака в замке загрустила; и королева спрашивает ее: Под скамейкой Зеркало, ты поведай мне, оглянувшись в этой и другой стране: кто самая красивая в британской стороне?

*У Музеуса *
стихи немного
иные **.* <J>

Собака отвечает: «Белоснежка, живущая у семи цвергов, прекрасней, чем госпожа королева с ее тремя дочерьми». Королева понимает, что девочка еще жива, и заказывает ядовитую шнуровку. Идет к пещере и просит Белоснежку ей открыть. Цверги строго-настрого наказали Белоснежке не впускать ни одного человека, даже мачеху. Но та говорит Белоснежке, что нет у нее больше дочерей, их похитил какой-то рыцарь, и она хочет теперь жить у нее и ухаживать за ней. Белоснежка сжалилась над ней и впустила. Зашнуровала ее мачеха ядовитыми ремешками, Белоснежка упала замертво, а мачеха ушла. Цверги вернулись домой, разрезали шнуровку, и Белоснежка ожила. Королева опять спрашивает Зеркало под скамейкой, и собака дает ей тот же ответ. Тогда королева берет ядовитую ленту для волос, приходит к пещере и обращается к Белоснежке так трогательно, что та впускает ее и на этот раз. Королева подвязывает ей волосы, и Белоснежка падает замертво. Увидев, что произошло, цверги разрезают ленту, и Белоснежка

* В его «Народных сказках немцев» [106; Bd. 1/ «Рихильда»].

** Зеркало, а зеркало, покажи ты мне,

золотое зеркало на моей стене,
девку, что всех краше в брабантской
стороне!

опять жива. В третий раз спрашивает королева собаку и опять слышит то же. Королева идет к пещере с отравленным яблоком, и, как ни предупреждали цверги Белоснежку, она, тронутая мольбой мачехи, вновь открывает ей и, надкусив яблоко, умирает; вернулись домой цверги и не смогли ничего сделать, и Зеркало под скамейкой ответило, что королева самая красивая. Семь цвергов делают для Белоснежки серебряный гроб и кладут его на дерево перед пещерой. Мимо проезжает принц и просит цвергов отдать ему гроб, привозит Белоснежку домой, кладет ее на кровать и ласкает, будто она живая, и сильно-сильно любит ее, а слуга при этом должен стоять на страже. И тут слуга рассердился: «да можно ли делать такое с мертвой девушкой, будто она живая!» — и хлопает ее по спине, и тут кусок яблока выпадает у нее изо рта, и Белоснежка вновь оживает.

Мари 13 окт. 1812 <W>

Странное созвучие со скандинавским, почти историческим сказанием. Когда Снайфрид*, прекраснейшая супруга (qvenna fridutz) Харальда Прекрасноволосого**, умирает, «ein litr hennar skigadiz á engan veg, har hunp a jameriod, semp a er hun var kvik, Konungr sat á yfir henni, oc hugdi at hun mundi lifna» <ее лицо нисколько не изменилось, оно было столь розовым, как если бы она жила. Король все время сидел над нею и думал, что вновь вернет ее к жизни — др. исл.> (*in vitam redire* <вернуть к жизни — лат.>). Так, скорбя, просидел он над трупом три года. Как гномы

* Snäfridr (др. исл.) — прекрасная как Норвегии (ок. 860—933 гг.), объединивший Норвегию в борьбе с феодалами.

** Harald Harfagre (850—933) — король

над мертво-живой Белоснежкой. <"> Харальд
Прекрасноволосый <">. С<норри Стурлусон> *
гл. 25 **.

<Примечание к концовке> проще: гномы несут гроб и хотят его зарыть в землю, спотыкаются о куст, и от сотрясения кусоч яблока выпадает у нее из рта. (<по позднему рассказу одного из гриммовских информантов> Штайна <Генриха Леопольда (1782—1836)>). Этот кусоч яблока, или скус, очевидно, тождествен снотворному наросту ***, снотворному яблочку **** <J>.

Различные зачины сказки Якоб Гримм опубликовал с некоторыми отклонениями в январе 1813 г. в «Древнегерманских лесах» [6, I, 10—11]. Печатный вариант сказки возник из объединения хассенпфлюговского варианта с другим, рассказанным также в 1812 г. богословом, занимавшимся германской филологией, Фердинандом Зибертом (1791—1847), у которого Гриммы взяли прежде всего концовку. Со 2-го издания концовка печатается по рассказу Г. Л. Штайна. Помимо текста ОН, существует несколько отличающийся автограф Якоба, посланный им в апреле 1808 г. для детей Савиньи [4, 381—383, хран. в Университетской

* Исл. прозаик и поэт (1179?—1241), автор «Младшей Эдды» и «Хеймскрингль» — истории Норвегии с древнейших времен до 1177 г.

** Snorri Sturluson. Heimskringla, edr Noregs konunge-söðör... Havníae, 1777—1826. V. 6 (с пер. на латынь и дат.). V. 1, 102.

*** Schlafkuzn — нарост на диких розах, rosarium spongiola, имеющий форму райского яблочка [108, 2, 1170; 114, 1,

1267; 122, 233].

**** Похожему на райское яблочко наросту на дикой розе, если положить его под подушку, то, по народному поверью, оно помогает уснуть, особенно детям; в «Немецкой мифологии» Я. Гримм сближает снотворный скус (вырост) и снотворное яблочко со снотворным шипом *Одина* (svefnþorn) и веретеном в сказке о Терновой розочке [7, 1155—1156].

б-ке Марбурга: Ms. 784/202, 1—8]. В письме Арниму от 31.12.1812 Якоб Гримм указал на вариативность этой сказки (к 1812 г. Гриммам было известно 5 вариантов): «Как можно варьировать устные рассказы <...>, бессознательно и непреднамеренно играя элементами сюжета, показывает сказка о Белоснежке, ибо она устроена так, что собака Зеркало под скамейкой (см. Примечания, с. XXXIII) тождественна зеркалу на стене, семь цвергов (Dverge) семи горам и т. д., но при этом я все же не хотел бы определять, что здесь правильно, а что нет» [60, 255—256].

Слагаемые мотивы этой сказки Я. Гримм ищет в скандинавских сказаниях и в эпосах Эльзаса-Лотарингии*, но как сюжет «Белоснежка» относится к группе сюжетов, сложившихся вокруг мотива «девочка-безручка» (КНМ № 31) и восходящих к итальянскому сборнику легенд о Деве Марии, который с 1475 г. до середины XVI в. выдержал 31 издание [67, 73]. Кодекс этой книги датируется концом XIII—началом XIV в. Здесь соприкасаются мотивы сказок «Дитя Марии», «Братец и сестрица» (ОН: «Золотой олень») и «Три птички» (КНМ № 96). Книга о чудесах Марии в какой-то мере повлияла и на драму Шекспира «Цимбелин» (1610), в которой история главного персонажа построена по типу Белоснежки, и на Базиле [78, 2, 8: «Кухарка»]. Упоминание сюжета «Белоснежки» содержится в книге немецкого поэта времен 30-летней войны Иоханна Риста (1607—1667) «Благороднейшее увеселение всех душ, любящих искусство и добродетель».

* См. 12, 458: «Парцифаль» Вольфрама, ст. 282; Кретьен де Труа «Сказание о Граале», ст. 5550.

тель»*, где наряду с другими комедиями учитель собирается поставить и комедию «о прекрасных женщинах в горах с их семью гномами».

В значительной мере зависит от сказки Базиле сюжет, рассказанный Музеусом (см. выше). Однако своими устными вариантами Гриммы, видимо, более всего обязаны подробному драматизированному повествованию Альберта Гримма [90, 1—76: «Белоснежка»]. Известна эта сказка и в России (см. у Афанасьева, № 210—211: «Волшебное зеркальце»). По Азадовскому, гриммовская сказка, наряду с 1-й русской публикацией сказки этого типа [128, II, № 2, с. 87—96], послужила источником пушкинской «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» [73, 75—84].

44 *Два трубочиста-подмастерья*

КНМ — вариант № 60: «Два брата» и 1812 № 60: «Золотое яичко».

Автограф В. Гримма (помета к заглавию — Я. Гримма). Источник устный: Дортхен Вильд, в Касселе. Примеч. 1822, с. 106: «Тоже в Гессене нам рассказали в виде фрагмента зачин сказки, но с некоторыми отклонениями от данного варианта». Обработка для печати В. Гримма.

<Содержится> в Эрфуртском сборнике** с. 1—58 «Птичка с золотым яйцом», но рассказана плохо: птица, откладывающая каждое утро по золотому яйцу, ускользает от принца Гунильда, ее ловит крестьянин,

* Rist J. Die Aller Edelste Belustigung, Kunst und Tugendliebender Gemüter / Vermittelst eines anmuthigen und erbaulichen Gespraches ... Hamburg, 1666. S. 104.

** «Детские сказки, собранные по устным рассказам», вышедшие анонимно и принадлежащие перу немецкого писателя Кристофа Вильгельма Гюнтера (1755—1826) [92].

от которого она попадает к золотых дел мастеру, и тот, прочтя у нее на крылышках: «Кто съест мою голову, тот ежедневно будет находить под подушкой тысячу дукатов; а кто съест мое сердце, тот станет королем в Акиндилии», — отдает птичку Инкасу, своему племяннику, чтобы он ее изжарил; Инкас же по неведению съедает и то и другое и спасается бегством от разъяренного мастера, которому кажется, что его обманули. Между тем все сбывается; включается родственное «Фортунату» сказание о двух яблоках, одно из которых делает человека старым и безобразным, а другое — молодым и здоровым и с помощью которых наказывается и затем прощается неверная жена.

[Доп. с. LXVI] В связи с сердцем, которое по неведению съедают оба трубочиста-подмастерья, следует вспомнить Локи, съевшего полусгоревшее сердце («Песнь о Хюндле»)**, и лису из эзоповской басни (Фурия [88] 350, Кораис [83] 358), съевшую выпавшее сердце собаки. Как и золотых дел мастер, лев спрашивает, где сердце, а лиса дает ему остроумный, но не мотивированный ответ. Вероятно, сюда можно отнести и басню о поваре и собаке (Фурия [88] 227).

Злой золотых дел мастер, говорящая птица и поедание сердца птицы (дракона) в этом сюжете — совсем, как в сказании о Сигурде * <J>

* В «Старшей Эдде», 84; 168: «Найдя на костре / полусгоревшее / женщины сердце, / съел его Локи; так ... (он) зачал / от женщины злой; / отсюда пошли / все ведьмы на свете».

** «Речи Фафнира» в «Старшей Эдде», где Сигурд убивает змея Фафнира и,

отведав крови из его сердца, начинает понимать язык птиц и, съев само сердце, находит в логове Фафнира много золота; с золотых дел мастером сопоставляется искусный и злой Регин, выковавший чудесный меч Гран для Сигурда, своего воспитанника, и, как и

Эта неоконченная сказка Дортхен Вильд, опубликованная под другим заглавием в 1812 г., тоже как фрагмент, и содержательно связанная со сказкой «Об Иоханнесе-Водяном и Каспаре-Водяном» (КНМ 1812 г. № 74), около 1819 г. была заменена контаминированным падеборнским вариантом «Два брата», рассказанным Хакстхаузенами, и в дальнейшем печаталась только в примечаниях.

Центральный мотив этого обильно контаминированного на протяжении истории сюжета — птица счастья — документируется еще в V в. до н. э. в древнеиндийских «Джатаках» [95, № 284 и 445], откуда он перешел в «Океан сказаний (Катхасаритсагара)» Сомадевы и в «Книгу попугая» Нахшаби и в монгольский «Шидди-Кур» [97], ставший одним из важнейших каналов его распространения в Азии и Европе. Ссылка Якоба на сказание о Сигурде ошибочна и была опровергнута позднее им же (ВР, 1, с. 555). В XVIII в. этот мотив представлен в волшебной сказке «Желтая птица», включенной в историю о феях «Турлу и Риретта» французского писателя и археолога графа Анна Клода Филиппа Келюса (1692—1765), опублик. в «Кабинете фей» [82, 24, 267], где у птицы под правым крылом написано: «Кто съест мою голову, будет королем, а кто съест мое сердце, по утрам будет находить под подушкой сто дукатов». И немецкая сказка К. В. Гюнтера восходит именно к Келюсу, от которого, в свою очередь, зависит контаминированная версия Грехтен Вильд.

Сигурд, стремившийся овладеть золотом Фафнира; когда Фафнир был убит, Сигурд, узнав от птиц, что Регин за-

мыслил его погубить, отрубил ему голову.

В России этот сюжет был впервые опубликован в сборнике «Повествователь русских сказок» (М., 1787. С. 27—47), перепечатан «Погудкой» [128, 3, № 8] и из одного из многочисленных лубочных изданий XIX в. вошел в сборник Афанасьева (№ 195—196: «Сказка про утку с золотыми яйцами»).

45 *Принц-лебедь*

КНМ — не вошло; вариант № 127: «Железная печь» и 1812 № 59: «Принц-лебедь»; против заглавия карандашная помета Якоба: Ø.

Автограф В. Гримма. Источник устный: Дортхен Вильд, в Касселе, 1807; Примеч. 1822, с. 218: «Рассказ из Касселя». Вторая часть записи Вильгельма для КНМ использована не была (хотя имеются параллельные мотивы в КНМ № 88: «Певчий попрыгун-жаворонок»; в ОН — «Дракон»); источник этой части не определен; возможно, что это вариант рассказа Гретхен Вильд. Обработка для печати В. Гримма. Эта сказка похожа на сказку о трех поясах в Брауншвейгском сборнике [86] с. 122—150. Королева, помогавшая одной старой злой ведьме, принявшей образ феи, получила от нее в награду три пояса: пока эти пояса не порвутся, королева могла быть уверена в любви и верности ее отсутствующего супруга. Когда первые два пояса лопнули, королева переоделась странницей и отправилась разыскивать мужа. В большом лесу, через который она проходила, под

ноги ей упали один за другим три золотых ореха; она подняла их и взяла с собой. Она пришла к мельнику, который представил ее как свою куму и дал ей другое имя. У мельника ее встретил король и, не узнав жены, влюбился в нее. Королева дала ему понять, что он ей тоже нравится, но когда король попытался обнять ее, лопнул третий пояс; королева испугалась и попросила его закрыть дверь, сославшись на то, что дверь хлопает, и это ей неприятно. Но когда король закрывал одну дверь, распахивалась другая, и так, закрывая двери, он провел всю ночь. Расстроенный король уехал и больше не вернулся, решив обвенчаться с принцессой, которая уже была его невестой. Королева открыла первый орех, в котором оказалась прекрасная шкатулка с принадлежностями для шитья; она взяла их и, придя во дворец, уселась напротив окна принцессы и стала шить. Принцесса увидела шкатулку с шитьем, и она ей так понравилась, что согласилась на предложение королевы поменять шкатулку на право провести первую ночь с королем. На другой день королева открыла другой орех, нашла в нем великолепное веретено и стала прясть на нем и обменяла его у принцессы на право провести с королем вторую ночь, и, наконец, она выменяла право на третью ночь кованым украшением, которое было в третьем орехе. И когда день свадьбы миновал, королева подошла со свитой к королю и открылась ему; на третье утро король созвал совет и загадал загадку о ключе от

золотого всяческого замка: этот ключ, сказал король, я потерял и нашел, и что мне теперь делать — пользоваться новым или старым ключом. Принцесса сказала, что старым, и таким образом сама решила свою отставку.

Сказка «Принц-лебедь», видимо, потому и не вошла в дальнейшие издания, что явно контаминирована чисто литературной сказкой брауншвейгского анонима, отдельные мотивы которого, однако, довольно стары. О мотиве жениха в облике животного ср. коммент. к «Дракону». Мотив обретения супруга посредством выкупа ночей с ним у новой жены (невесты) восходит к «Пентамерону» Базиле [78, 3], где девушка изготовила живую куклу, прекрасного юношу, назвала его своим женихом и, когда его похитили, отправилась на его поиски; в пути получила от старой женщины драгоценные вещи в скорлупках и отдала их соблазнительнице за право трех ночей со своим женихом. Мотив подношений Базиле заимствовал у Антонфранческо Дони в его «Небесных мирах», а мотив выкупа жениха — у Страпаролы [119, 3. 4], где в заключительной части Дораличе, дочь короля Польши, вновь обретает своего супруга Фортунью, отдавая укравшей его сирене одно за другим три яблока — железное, серебряное и золотое. Из материала Базиле и Страпаролы сочинена сказка «Фортунью», опубликованная во французском анониме популярного в свое время французского писателя, автора галантных историй и анекдотов Жана де Мелли (?—1724) «Знаменитые феи» *.

* Les illustres Féés. A La Haye, 1698 *,
№ 75; см.: 82, 5, 55, авторство уст.
Э. Шторером в 1928 г.

От Страпаролы и Базиле зависит и сказка французского новеллиста, сказочника, драматурга и издателя Томаса Симона Гёлета (1683—1766) «Султаны Гузерата»*, которая была переведена на немецкий под заглавием «Сновидения бодрствующих, или Индустанские рассказы» (1768). К этим текстам восходит и брауншвейгский сборник и, видимо, в значительной мере — рассказ Гретхен Вильд. «Принц-лебедь» был заменен на сказку «Железная печь» (7 июля 1813 Г. из уст Доротеи Фиманн).

46 *Немая девочка*

КНМ — не вошло; вариант № 3: «Дитя Марии» и 1812 — примечание к № 3.

Автограф Ф. Маннель. Подзаголовок и обе пометы слева внесены Якобом Гриммом; он же трижды перечеркнул чернилами фрагмент «Другая <сказка>». Источник: запись Ф. Маннель в Аллендорфе 6.4.1809 г. Примеч. 1822, с. 7: «Другой рассказ из Гессена». Обработка для печати В. и Я. Гриммов.

См. коммент. к ОН № 34: «Дитя Марии».

Помета о дровосеке и Мерлине напротив заглавия касается старофранцузского рассказа XIII в. о неблагодарности дровосека и мести легендарного волшебника Мерлина в сборнике французских фаблю Барбаса-на и Меона [77, 2, 236].

<после № 46> *Другая <сказка>*

КНМ — не вошло. Ср. коммент. к ОН № 15 и № 46.

* Gueulette T. S. Sultanes de Gouzerate: 82; 23, 404.

Запись обеих сказок была приложена к письму Фридерики Маннелль к Якобу Гримму от 11.6.1809: «Эту сказку Вы, наверное, положите в ш<катулку?>, иначе бы я не писала Вам на толстой бумаге. — Потому что я думаю, что он <Вильгельм, находившийся в отъезде>, не воспользуется этими сказками, ибо они приходятся на наше время и несут на себе явственные следы его, так что одну сказку я записала не до конца, для письма у меня сейчас мало времени; пусть он мне напомнит, если ему нужны еще такие же, и тогда я опять найду время для рассказов» [SBPK NG № 643; Пер. по Рёллеке в: 4, 393]. Можно заключить, что Ф. Маннелль не дописала сказку, потому что она показалась ей неподходящей. А внешним поводом послужило то, что кончилась бумага [4, 386].

47 *Русалка*

КНМ № 79: «Ундица (=русалка)» и 1812: «Русалка».

Автограф Я. Гримма. Источник устный: Мария Хассенпфлюг, в Касселе. Примеч. 1822, с. 132: «Из окрестностей Ханау». Обработка для печати В. Гримма.

Сюжет французского происхождения. См. о нем подробно в: Nitschke A. Soziale Ordnungen im Spiegel der Märchen. Bde 1—2. Stuttgart-Bad Cannstatt, 1976—1977, Bd. 1, 81—96, 210, 216. Я. Гримм считал русалку родственной с госпожой Холле, и, видимо, поэтому при обработке сказки была изменена задача, данная девочке русалкой: не наполнять бездонную бочку, а

прясть льняную пряжу [ср. 7, 465; там же: о функции русалки—существа, которое топит людей]. Бегство детей, составляющее собственно сказку, — вариант чрезвычайно широко распространенного мотива «магическое бегство» (ср. у Гриммов: КНМ № 51 и ОН № 26: «Найденыш», № 56; «Милый Роланд», № 113: «Королевские дети»).

<перед 48> *О короле английском*

КНМ — не вошла.

Автограф неизвестного человека: три листа 201x166/8 светло-бежевого цвета, верже; вод. знак: III. Текст перечеркнут, вероятно, Якобом; им же приписана и помета к заглавию. Сорт бумаги указывает на то, что все три текста (I, II, III) записаны или переписаны по просьбе братьев Grimm, Источник не определен; судя по помете Вильгельма в авторском экземпляре к № 74 (ОН № 48, см. ниже), вероятно, от Ф. Маннеля.

Сказка перечеркнута, по-видимому, из-за чрезмерной близости к рассказу о трех сестрах в «1001 ночи» А. Галлана. Эта сказка произвольно включена Галланом в «1001 ночь» и не имеет параллелей ни в одной из известных арабских рукописей этого сборника; после первой публикации в 1708 г. [89] она в дальнейшем многократно издавалась, переводилась на другие языки и обрабатывалась: см., например, пьесу Карло Гоцци (1720—1806) «Зеленая птичка» (1765); «Сказку о царе Салтане» А. С. Пушкина (1832). Большую роль в

распространении этого сюжетного типа сыграла сказка Страпаролы «Анчилотто, король Провино...» [119, 4.3]. Мотивы сюжета Страпаролы были разработаны и мадам д'Онуа в сказке о принцессе Прекрасная Звезда в ее сборнике «Сказки о феях» [1688, см.: 82, V. 2], который многократно издавался и в Германии. Второй причиной исключения сказки было ее стилистическое родство со сказанием. Так как следующая история (№ 48) начинается на том же листе, Якоб не вынул текста, а лишь обошел его при нумерации.

В письме к Вильгельму от 1.11.1814 г. Якоб писал: «В сказке *prince Chery and Princesse Fair Star* <«О принце Милом и принцессе Прекрасная Звезда» — англ. пер. сказки д'Онуа> такой же зачин о трех сестрах, которые желают себе мужей (у сестер странные имена: рыжая, чернявая и русая — *rosette, brinette and blondine*), и первая говорит: я хочу замуж за адмирала, если б я за него вышла, то я бы напярла столько ниток, что из них можно было бы сшить паруса для целого флота! Вторая хочет замуж за брата короля и готова нашить столько, чтобы обвешать весь дворец (?to hang his palace). Младшая хочет замуж за самого короля, чтобы родить ему двух мальчиков и одну девочку со звездой во лбу, золотым ожерельем на шее и драгоценными камнями в волосах и т. д.» [4, 367].

Ср. сказку у Афанасьева «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» (№ 283—387).

48 *Об Иоханнесе-Водяном и Каспаре-Водяном*

КНМ — не вошло; контаминированный вариант № 60: «Два брата» и 1812 № 74: «Об Иоханнесе-Водяном и Каспаре-Водяном».

Автограф № II — продолжение предыдущего, напротив заглавия в авторском экземпляре стоит знак Ø. Источник: В авторском экземпляре 1812 под текстом сказки, № 74, рукой Вильгельма написано: «От Фрид. Маннелъ, 1808». Примеч. 1822, с. 107: «Гессенский рассказ». Обработка для печати В. Гримма.

*Ном. 74. См. примеча<ние> (к ном. 63, с которым эта сказка связана *; и у нее имеется принципиальное родство с араб<ской> сказкой о 3 сестрах (1001 ночь VII 277 и сл.) ** оба принца там тоже превращаются в камень. <J>*

Эта чрезвычайно распространенная сказка, вводящая чаще всего историей о чудесном сердце птицы (см. коммент. к ОН № 44) и образованная мотивом рождения двух близнецов, сложилась в Западной Европе ***, хотя ее прототип зарегистрирован в египетском «папирусе д'Орбине» времен 19-й династии, т. е. около 1250 г. до н. э. — сказка о Сату и Анепу ****. Гриммы доказывали германское происхождение этой сказки попыткой установить ее генетическую связь с эддическим сказанием о Сигурде [29, 3, 114]. Первый полноценный литературный вариант ее содержится у Базиле в сказке «Заколдованная олениха» [78, 1, 9] в 1643 г.

* КНМ 1812: «Золотые дети» — тоже в дальнейшем больше не печаталась. Studie zur Vergleichender Märchenforschung // Folklore Fellows Communications. № 114. Helsinki, 1934.

** В первом фр. издании; см. также предыд. коммент.

*** Ranke K. Die zwei Brader. Eine

**** Brunner-Traut E. Altägyptische Märchen. Düsseldorf-Köln; 1963, № 5.

Сюжет строился на комбинациях различных мотивов. Наиболее существенный из них — мотив чудесного зачатия от воды, пищи (чаще всего рыбы) или запаха пищи, документированный греческими мифами: об Ифимедее, сполоснувшейся в море и ставшей матерью двух близнецов (Аполлодор, I, 7, 4, 2); о Данае, зачавшей от дождя и родившей Персея (Софокл, «Антигона», 944—954, Аполлодор, 2, 34; Пиндар, «Пифия», 12, 9—18). Этот мотив проник в Европу из Азии: через «Панчатантру», «Шидди-Кур» [97 Jülg 1, 73]. Мотив знака предостережения и оповещения распространен еще более широко, чем предыдущий; в связи с двумя братьями укажем только на «Шидди-Кур» [97 Jülg 1, № 1], сказание об Амикусе и Амелиусе в «Бедном Генрихе» Гартмана фон Ауэ, где вместо вонзенного в дерево ножа выступает золотой кубок, который заржавеет в случае гибели одного из братьев [94, 183—197], и в «Трех сестрах» из «1001 ночи» в изд. А. Галлана [89, 7, 277]. Одним из несущих элементов сказки является популярнейший мотив змеборчества, зародившийся на Древнем Востоке ок. 3000 г. до н. э. Как и когда он вошел в сказку о двух братьях, неизвестно. Возможный первоисточник этого мотива в связи с вырезанием языков — миф о Персее и Андромеде [127, 4.604—5.241], где содержатся и другие мотивы нашей сказки, а также о Геракле. В IV в. н. э. мотив проник в Европу, где, объединившись с кельтскими мотивами и христианской легендой о св. Георге, породил большое количество сюжетов. И,

наконец, заключительный сюжетобразующий момент — мотив благодарных животных и животных-спутников, зародившийся в древнеиндийской традиции притч о превращениях Будды и широко распространенный в Европе через перевод «Калилы и Димны» [96, Крачковский] в XIII в. см. у Страпаролы [119, 10, 3], у Базиле [78, 1, 7: «Купец» и 1, 9: «Заколдованная олениха»]. Очень вероятно, что сказка распространилась в Германии, контаминировавшись соответственными немецкими мотивами, именно от Страпаролы и Базиле.

Во втором издании этого сюжета рассказ Фридерики Маннель был заменен вариантом из семьи Хакстхаузен, который и вошел в КНМ под № 60.

49 *О плотнике и столяре*

КНМ— и 1812 № 77: «О плотнике и столяре».

Автограф III у Ф. Маннель. В авторском экземпляре напротив заглавия стоит знак Ø. Источник не определен; прислано Ф. Маннель. Обработка для печати В. Гримма.

<Эта сказка> сохранилась не полностью; нехорошо уже то, что сказка рассказывает только о столяре, к которому все происходящее далее могло бы иметь и независимое отношение. Впрочем же, сказка содержится в старых сказаниях о деревянных лошадях, похищениях и т. п.

Ядро сюжета этого фрагмента документировано «Панчатантрой», которую можно считать первоисточ-

ником: тележник (столяр) изготавливает для своего приятеля, ткача, деревянное подобие птицы Гаруды — мифического царя птиц, на котором передвигается бог Вишну, чтобы тот мог проникнуть к царской дочери, спящей на крыше дворца, и насладиться ее любовью, подобно тому, как обычно поступает бог Вишну; после многих ночей ткача обнаруживают; верхом на Гаруде он вступает в бой с войсками царя и, подобно Вишну, убивает царя диском и женится на царевне [96 Сыркин, 65—70]. С перестройками и расширениями сюжет составил ядро «Рассказа о коне из черного дерева» в «1001 ночи» [ночи 357—371, 89; т. 12], где есть и полет, и царевна, и битва, и пр. Сюжет попал в Испанию и через Марию Бланш (1252—1320), дочь короля Святого Людовика, к знаменитому брабантскому трубадуру и крестоносцу Адене ле Руа (ок. 1240—1261), состоявшему на службе у правителя Фландрии Ги де Дампье, сестре которого Мария Бланш приходилась свояченицей. Из сказки о деревянном коне с переработанными элементами из рыцарского романа Кретьена де Труа «Ивейна» (XII в.) Адене ле Руа создал оригинальный эпос «Клеомад» (между 1275 и 1282): на деревянном летающем коне, подарке одной из своих сестер, испанский принц Клеомад летает в Тоскану к своей возлюбленной Клармондине, которую похищает злой волшебник Кромпарт; с помощью того же коня Клеомад находит Клармондину и похищает ее *. Около 1280 г. сюжет перешел в анонимный прозаический рыцарский роман «История двух

* Li Roumans de Cléomadés par Adenét li Rois / Publ. pour la premier fois, d'après un manuscrit de la bibliothèque de

l'Arsenal, a Paris; par A. van Hasselt. Bruxelles: V. Devaux et C^{ie}, 1865—1866.

благородных и мужественных рыцарей Валентина и Орсона, сыновей императора Греции», впервые изданный в 1489 г. Жаком Мелле, переведенный на все большие языки Европы (в 1520 г. на немецкий под заглавием «Оливье и Артур» в Базеле у Адама Петри). В 1593 г. он опубликован еще раз в новом переводе на немецкий у Мартина Лехлера во Франкфурте под заглавием «Валентин и Орсон». Этот перевод многократно переиздавался и стал в Германии народной книгой*. Еще ближе к арабской сказке стихотворный рыцарский эпос французского трубадура Жирара Амьенского (?—1350?) «Мелиасин, роман о Карле Великом», написанный по заданию Карла де Валуа, брата Филиппа Красивого Французского между 1284-м и 1292 г., где рассказывается о приключениях Мелиасина и красавицы Селинды.

От указанных книг и зависит фрагмент «О плотнике и столяре». Но Гриммы отказались от сказки, видимо, из-за того, что на поверку сюжет оказался вообще не немецким.

50 *Золушка*

КНМ № 21 и 1812: «Золушка».

Источник устный; запись рассказа т. н. «марбургской сказочницы», полученная Вильгельмом через марбургского математика Мюллера в 1810 г. Автограф утерян либо Брентано, либо после его смерти. Примеч. 1822, с. 36: «По трем рассказам из Гессена». Обработка для печати В. Гримма.

* Valentin und Namelos / Hg. von Deelmann. Norden und Leipzig, 1884.

Печатный вариант является контаминацией нескольких рассказов и двух литературных текстов [110 Андреев; 50—59] и из «Ласкопал и Миливка». Последняя является старейшей немецкой полной литературной записью сказки.

Первая литературная фиксация этого чрезвычайно распространенного сюжета содержится в «Географии» древнегреческого географа и историка Страбона (ок. 63 г. до н. э. — ок. 19 г. н. э.), основанная, в свою очередь, на утерянном египетском источнике: <Неподалеку от пирамиды Хеопса>, «на большой высоте горного плато стоит третья пирамида, гораздо меньше первых двух, хотя для ее сооружения потребовалось гораздо больше средств, ибо от самого основания и почти до ее середины она построена из черного камня, из которого делают ступки <...> Пирамида эта называется «Гробницей гетеры»; она построена любовниками гетеры, которую Сапфо, мелическая поэтесса, называет Дорихой, возлюбленной ее брата Харакса, привозившего в Навкратис на продажу лесбосское вино; другие же называют ее Родопис *. Они рассказывают мифическую историю о том, что во время купания орел похитил одну из сандалий Родопис у служанки и принес ее в Мемфис; в то время, когда царь производил там суд на открытом воздухе, орел, паря над его головой, бросил сандалию ему на колени. Царь же, изумленный как прекрасной формой сандалии, так и странным происшествием, послал людей во

* О том, что она была рабыней вместе с баснописцем Эзопом, что была выкуплена, приобрела состояние, что славилась своей красотой на всю Элладу, что много раз была воспета, писал за четыре века до Страбона и Геродот (История, 2, 134—135).

все стороны на поиски женщины, которая носила эту сандалию. Когда ее нашли в городе Невкратисе и привезли в Мемфис, она стала женой царя; после кончины царица была удостоена погребения в вышеупомянутой гробнице» (Страбон. География в 17 кн. / Пер. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1964, кн. 17, гл. 1, 33, с. 745). Интересно, что уже здесь представлен главный смысл сюжетной группы «Золушка» — космогонический смысл: возвышение женского начала из унижения через символически трактованный брак (см. ниже) и увековеченный в образе обращенного в небо человека-огня («пи-ромис», от которого происходит слово «пирамида», по-египетски значит «достойный, обладающий всеми добродетелями человек»; а сама форма — древнее традиционное изображение одной из четырех космических стихий, порождающей жизнь и знание, — огня).

Попав в Европу через Италию и Испанию, сюжет распался на отдельные мотивы, которые контаминировались другими мотивами, ядром которых неизменно оставался «потерянный и случайно найденный предмет (туфля, башмачок и т. п.)», с древних времен служивший мифопоэтическим выражением обрядности при выборе пары (маленькая ножка — идеал красоты; примерка обуви — метафорический перенос эротического). О древнегерманских обрядах помолвки — примерке обуви — рассказывает с привлечением исторических документов Якоб Гримм в «Немецких правовых древностях». По одному из них, жених заказывает два

башмачка, золотой и серебряный, и, положив ножку невесты себе на колени, сам примеряет ей эти башмачки [8, 1, 213—215]. Европейские имена героини опять-таки связаны с огнем, восходят к греческим словам **αχυλία** (пепел, зола) и **πούττος** (женское место) и означают либо женщину, постоянно находящуюся у очага, либо кошку, сидящую у очага, от чего зад ее постоянно вымазан золой.

Так и называется шестая сказка первого дня у Базиле: «Золозадая кошка» [78, I, 6]. Сюжет Базиле перешел к Перро и далее — к д'Онуа: «Замарашка» [82, 2]. Итало-французские варианты взаимодействовали в XVIII в. с бытовавшими от позднего средневековья немецкими контаминированными вариантами, полными или только упомянутыми. См. в лат. анониме «Тевтонский словник»*; у выдающегося немецкого проповедника и писателя из Страсбурга Гайлера фон Кайзерберга (1445—1510), многократно использовавшего сказку о Золушке в своих народных проповедях как пример смирения и твердой веры в провидение в «Рае душ»**, и других, где в качестве примера Золушки он приводит старинную легенду о монахине Исидоре и ее возвышении св. Петром, из которой выросла история о мельничихе и служанке. Последнюю подхватил и сделал из нее популярный шванк крупный страсбургский поэт Иоханнес Паули в своей известнейшей книге шванков «В шутку и всерьез»***. Сказку о Золушке

* *Vocabularius theutonicus, sive Rusticanus terminorum*. Nuremberg: Conrad Zeninger, 1482: Aschenprudel.

** Geiler von Keiserberg. *Die schön Buch genät, der seelen Paediess von*

waren un volkümen tugenden sagend... Straszburg, 1510. Bl. 187a.

*** Pauli J. *Schimpf und Ernst* <...>. Straßburg, 1522, cap. 690.

приводит Мартин Лютер в 1521 г. в «Толковании величия Господнего»*. Золушку упоминает и Ролленхаген в «Войне лягушек и мышей» [111, 1608, VI. Ib]. Вариант сказки под заглавием «Прекрасная история о женщине с двумя детьми» содержится в популярнейшем сборнике шванков Монтануса «Садовое общество» [104, 260—266]; этот вариант примыкает к сказке «Гензель и Гретель». «Золушке» родственны сказки «Зверушка» (КНМ № 65), «Одноглазка, Двуглазка и Трехглазка» (КНМ № 130) и «Гусятница у колодца» (КНМ № 179). О вариантах «Золушки» см. фундаментальную работу: Cox V. R. Cinderella, 345 variants of Cinderella, Catskin and Cap o'rushes abstracted and talulated, with a discussion of mediaevel analogues and notes. London, 1893.

Русские варианты см. у Афанасьева [№ 292: «Золотой башмачок», № 293: «Чернушка»], у Худякова [129; 1, 51, № 15: «Замарашка»].

<51?> *О золотой птице*

КНМ № 57: «Золотая птица» и 1812: «О золотой птице».

Источник тот же, что и № 50. Примеч. 1822, с. 101: «Из Гессена». Обработка для печати В. Гримма.

На опубликованный в 1812 г. вариант сильное влияние оказала сказка Кристофа Вильгельма Гюнтера (1755—1826) «Верный лис». См. коммент. к ОН № 16 «Белый голубь».

* Auslegung des Magnificat // Luther: 1826—1856, 1—67; 45, 230. Упоминания: 9, 43; 33, 366; 34, 71, 43, 41.

<после № 51> *Господин Корбес*
КНМ № 41 и 1812: «Господин Корбес».

Автограф Жанетты Хассенпфлюг. Заглавие написано рукой Якоба Гримма. Источник: запись Жанетты Хассенпфлюг, ноябрь 1810. Примеч. 1822, с. 71: «Из окрестностей Майна». Обработка для печати В. Гримма.

К Господину Корбесу ном. 41. Есть и стихотворение, звучащее как рассказ:

*Повозка скрипит,
Мышка свистит,
Петух сережками трясет,
Дело хорошо идет.*

(Лизетта <Вильд, рассказавшая вариант этой сказки>) <W>

Сказка восходит к сюжетам о мести общими усилиями маленьких и слабых (чаще животных, а также неодушевленных предметов) большим и сильным (животным, людям или — редко — чудовищам); ср., напр., притчу о лягушке, дятле и комаре в «Панчатантре» [96 Сыркин; 103—105]. В этом она примыкает к «Бременским музыкантам» (КНМ № 27) и «Всякому сброду» (КНМ № 10). Старейший литературный прототип см. в «Романе о Ренаре» и в немецком латиноязычном эпосе «Изенгрим» женевского магистра Ниварда (ок. 1148 г.), сокр. текст которого см. в «Райнхарте Лисе» Гриммов [91; 19], где лань Бертимана со своими семью товарищами-животными

совершает паломничество в Рим и в пути они на ночлеге вступают в бой с волком Изенгримом, который хотел им помешать. В 1571 г. этот сюжет рассказан Ролленхагеном в «Войне лягушек и мышей» [111, кн. 3, ч. 1, гл. 9], где бык, осел, собака, кошка, петух и гусь во время грозы спасаются бегством в ближайший лес; в доме дровосеков они сражаются с грозными дикими животными. Сюжет был, видимо, заимствован у Ганса Сакса, который в 1551 г. в стихотворении «Смельчаки среди двенадцати волков» рассказывает, как бык, кошка, лошадь и петух заночевали в лесном домике, где жили 12 волков, которых они победили. Во всевозможных вариациях к началу XIX в. сюжет чрезвычайно распространился по всей Европе. «Господин Корбес» — детская притча о победе над злом, воплощенным в страшном Корбесе, имя которого происходит, вероятно, от немецкого *Korb* (корзинка, короб, — в них этот страшный человек уносит маленьких детей).

25 июня 1823 г. в письме к своему первому английскому переводчику Эдгару Тэйлору Гриммы объясняли, что Корбес по-немецки то же, что и «Кнехт Рупрехт» или «Бутцеманн» (страшило, пугало) (*Centralblatt für Bibliothekswesen* 15, 7). Имя Корбес было, видимо, непонятно и немцам — современникам Гриммов, из-за чего в изданиях после 1819 г. появилась заключительная, «разъясняющая», строчка: «Этот господин Корбес был, наверное, очень злым человеком».

Русский аналог Корбеса — Верлиока, см. одноименную сказку у Афанасьева (№ 301).

<приложение> Граф Изанг

«Немецкие сказания» № 132: «Зеебургское озеро» [12, № 132].

Автограф Я. Гримма: сложенный вдвое лист, на 4-й странице которого имеется другой текст: «Мысли повешенного солдата, которого вынули из петли и тем спасли от смерти. — Мне послышалось, что кто-то громко крикнул, повешен ли я уже, но я не понял, кто. — Item *: мне почудилось, будто я в глубокой могиле и стараюсь из нее выкарабкаться, барахтаюсь, лезу изо всех сил, но не получается, край нависает надо мной, словно высокая стена, и я подумал, — а может, остаться здесь, в глубокой долине, и чему быть, того не миновать» [2, примеч.]. Источник указан Гриммами в подзаголовке опубликованного в 1816 г. текста — «Новый ганноверский журнал, собрание небольших статей, отдельных мыслей, известий, предложений и опытов, касающихся улучшения питания, сельского и городского хозяйства, торговли, мануфактур и искусств, физики, этики и приятных наук. 1807, Ганновер, в тип. Г. К. Шлютера, земского книгопечатника. 1808», статья № 13, пятн. 13 февраля 1807 («Физические и исторические достопримечательности окрестностей Гёттингена») и статья № 40, понед. 18 мая 1807 («Зеебургское озеро»). Этот номер «Ганноверского журнала» — большой раритет; тексты см. у

* А также (лат.).

К. Шмидта [53, 357—365]. Текст автографа является, видимо, записью устного рассказа неизвестного лица, предположительно — жителя Касселя. О приписке на с. 4, связанной не с текстом «Граф Изанг» и со сказаниями, а со сборником Арнима и Brentano «Волшебный рог мальчика», см. в: Rölleke H. Ein bisher anonym überliefertes Gedicht C. Brentanos und seine mutmaßlichen Quellen // Jb. FDH, 1971. S. 132—142.

Долгое время считалось, что «Граф Изанг» был послан Brentano осенью 1810 г. вместе с другими текстами Эленбергской рукописи и для публикации 1812 г. был забракован как сказание, подобно «Королю английскому». Однако последний Якоб перечеркнул, а «Граф Изанг» не перечеркнут, как и «Мысли повешенного солдата», которые явно не имеют отношения к сказочному собранию. Йозеф Леффц заметил это обстоятельство, но не сумел объяснить его. Только в 1974 г., спустя почти полвека, Рёллеке исправил ошибку Леффца и последующих поколений филологов, указав на опубликованное еще в 1904 г. письмо Я. Гримма Арниму от 6.5.1808: «Дорогой господин фон Арним. С этим письмом я посылаю Вам: 1. Две прекрасные истории о колоколах, выписанные из источника почти дословно. Но Вы их, наверное, уже знаете*. 2. Сказание о графе Изанге. 3. Мысли повешенного солдата, чрезвычайно правдоподобные... Воспользуйтесь всем этим, по Вашему усмотрению,

* 7.6.1808 Арним их опубликовал в «Занях» это № 126: «Отливка колокола № 20 своей «Газеты для отшельников» в Бреслау» и № 127: «Отливка колокола под заглавием «Сказания о колоколах»; в Атендорне»;
в 1816 г. в гриммовских «Немецких ска-

для „Отшельника" <...>» [60, 11]. Получение посланного подтвердил Брентано 12.5.1808 [60, 13]. и лист с текстами 2 и 3 взял себе, пометив буквой W, т. е. предназначив эти тексты для «Волшебного рога мальчика» [50], а позже присоединил их к гриммовской посылке 1810 г. Поэтому мы публикуем этот текст только как приложение.

Гриммы начали собирать сказания одновременно со сказками и, подобно своим современникам, строго не различали их. Разделение произошло в 1810 г., и следы его мы видим в Эленбергской рукописи. В 1816 г. в предисловии к «Немецким сказаниям» принцип этого разделения сформулирован: «Сказка поэтичней, сказание историчней; первая покоится в себе самой, в своей прирожденной красочности и законченности; сказание же, которому разнообразие красок свойственно лишь в незначительной мере, обладает той особенностью, что оно связано с чем-то знакомым и осознанным — с определенным местом или именем, закрепившимся в истории» [12, 1, V—VI].

«Граф Изанг», многократно публиковавшийся и после Гриммов, принадлежит к т. н. локальным сказаниям и связан с реально существующим озером вблизи Гёттингена, монастырем Линдау под Дудерштадтом, неподалеку от Гёттингена. Его содержание, как показали исследования В.-Э. Пойкерта, сравнившего текст первоисточника с гриммовской печатной обработкой и с рукописным текстом, крайне неоднородно и плохо мотивировано, на основании чего, вопреки Грим-

мам, можно сделать вывод о его фольклорной неподлинности, т. е. о том, что это — деформированная новеллистическая история, прямо или косвенно взятая неизвестным автором статей в «Ганноверском журнале» из одного из многочисленных рыцарских романов XVIII в., для которых характерна связь между замком и монастырем, наличие слуги, искушающего главного героя соблазнами распутной жизни и за это несущего наказание, обязательная кровосмесительная связь и мистическое разрушение замка. Не немецким, а выдуманым, типичным для бульварных рыцарских романов является и имя Изанг. Безусловно старыми, но в конце XVIII — начале XIX в. очень расхожими являются лишь мотивы разрушения и погребения замка и овладения языком животных с помощью особого лакомства, см., напр., КНМ № 17: «Белая змея»; о погребенных замках в связи с пониманием языка животных см. [7, 934]. Подробный анализ сказания см.: Peuckert W.-E. Graf Isang // Beiträge zur sprachlichen Volksüberlieferung. Berlin; Akademie-Verlag, 1953. S. 89—105.

А. Науменко

*Информанты Гриммов в первоначальной рукописи сказок **

В указаниях на информантов до сих пор существует некоторая неопределенность, обусловленная тем, что в своих опубликованных примечаниях Гриммы сознательно завуалировали источники ряда сюжетов. Под многими текстами рукописи неопределенно значится «изустно» или «послано», а в «Примечаниях» напечатано «со слов» или «из Гессена». В то же время в авторском экземпляре рукой Якоба или Вильгельма записаны имя рассказчика и точная дата записи. Причина в том, что никто из первых информантов не отвечал гриммовскому идеалу сказочника: не был крестьянского происхождения, не был необразован. Впрочем, не отвечала этому идеалу и появившаяся позднее и в дальнейшем превознесенная Гриммами как подлинная сказительница Доротея Фиманн (1755—1815) из села Нидерцверен, портрет которой известен всему миру по гравюре Людвига Эмиля Гримма: была она вовсе не крестьянкой, а женой городского портного, происходила из гугенотской семьи, воспитывалась во французском языковом окружении, и ее сказочный репертуар восходил скорее к сказкам Перро и д'Онуа, чем к истинно гессенским традициям. Выбор ее в качестве сказочницы подтверждает то, о чем мы

* По Рёллеке [4, 390—397]; прочие сведения содержатся в авторских экземплярах 1-го изд. КНМ 1812, приводимых здесь в коммент.

говорили в предисловии — равнение на литературную традицию подхода к фольклору, которая во Франции сложилась раньше, чем в Германии, и романтически-литературное представление о народности вообще. И первые информанты Гриммов были образованные люди, преимущественно молодые, выходцы из материально обеспеченных бюргерских семей, происходивших из швейцарско-немецкого или швейцарско-французского языкового ареала. Круг первых гриммовских информантов сводится в основном к двум осевшим в Касселе семьям, Хассенпфлюгам и Вильдам (последняя впоследствии породнилась с Гриммами). Узостью этого круга отчасти объясняется и относительное стилистическое единство гриммовских записей в Эленбергской рукописи.

Семья Хассенпфлюг

Кургессенский чиновник и позднее премьер-министр гессенского правительства Йоханнес Хассенпфлюг (1775—1834) из Дорхайма был женат на Марии Магдалене Дрезен (1767—1840), происходившей из французской (гугенотской) семьи Дром из Дофине и воспитанной во французском духе. У них было четверо детей: Людвиг, Мария, Жанетта и Амалия. Позднее Людвиг в своих воспоминаниях писал, что после знакомства с Гриммами, которое завязала Мария, в прежних воззрениях семьи произошел настоящий переворот — предметом постоянного домашнего общения стали романтические идеи, сказки и старая немецкая поэзия. Хассенпфлюги начали часто встречаться с Гриммами. Можно предположить, замечает Рёллеке, что помета «от Хассенпфлюгов» в авторском экземпляре первого издания означает, что данный сюжет



Мария Хассенфлюг.
Рисунок Л. Э. Гримма

был рассказан несколькими членами этой семьи, а пометы «из майнской области», «из Ханау» и «из Гессена» являются не научно обоснованной локализацией сюжетов, а фиксируют предположения Хассенпфлюгов, припомиравших, где они могли их слышать [4, 391]. Судя по высказыванию Вильгельма в письме к брату Фердинанду от 22.9.1812, Хассенпфлюги нравились Гриммам как информанты потому, что знали много сюжетов и умели их хорошо рассказывать (SBPK, NG. N 368, В1. 540).

Хассенпфлюги: № 21, под вопросом № 6, 12, 15, 27, 29, 32, 39, 40 (все в записи Якоба).

Амалия Хассенпфлюг (1800—1871): под вопросом № 9 (в записи Якоба).

Жанетта Хассенпфлюг (Йоханна Изабелла) (1791—1860): после № 51 (в собственной записи в ноябре 1810).

Мария Хассенпфлюг (1788—1856), с 1814 г. — фон Дальвик: № 14, 19, 41, 47; Под вопросом № 43 (в записи Якоба).

Семья Маннель

Йоханн Адам Маннель из Версхаузена в Гессене (1758—1834), поначалу священник в Хильмесе, был женат на Анне Мари Розенкранц из Оберзуля (1755—1830). С 1788 г. служил священником в Аллендорфе, содержал в своем доме частную школу. С этой семьей прежде познакомился Клеменс Брентано. Песни для «Волшебного рога мальчика», посланные Брентано дочерью священника Фридерикой Маннель, датированы 22.10.1807. В сентябре 1808 г. Брентано пригласил Вильгельма Гримма в Аллендорф, чтобы познакомить его с Фридерикой Маннель, знающей много сказок.

Фридерика Маннель из Хильмеса (1783—1833), с 1809 — по мужу — Теобальд: № 26 (со слов), № 46 (в ее записи 6.4.1809), № 48 (переписано неизвестной рукой). Под вопросом: перед № 48, № 49 (переписано неизвестной рукой). Сохранились ее письма к Вильгельму и Якобу (SBPKB, NG, 643; содержание писем относительно сказок см. в 4, 393—394).



Жанетта Хассенпflug.
Холст, масло. Й.Ф. (Й.Э.)

«Марбургская сказочница»: № 50, 51.

Неизвестная по имени пожилая женщина, жившая при госпитале св. Елизаветы в Марбурге. Летом 1809 г. она рассказала Брентано 6—8 сюжетов. Брентано записал лишь отдельные слова, надеясь на свою память. Якоб и Вильгельм напрасно просили у него эти сказки. Брентано их, конечно же, забыл. И только в сентябре 1810 г. при посредничестве марбургского математика Мюллера им удалось заполучить две записи ее рассказов. Вильгельм привез их в Кассель, и они были присоединены к посылке для Брентано.

Сестры Рамю: Юлия (1792—1862) и Шарлотта (1793—1858), дочери французского священника в Касселе Шарля Франсуа Рамю, близкие знакомые Хассенпflugов (именно они познакомили Гриммов с Доротеей Фиманн): под вопросом № 10 (в записи Якоба).

Филипп Отто Рунге (1777—1810), выдающийся живописец немецкого романтизма: № 24 (при посредничестве Арнима, переписано Вильгельмом. Рунге—единственный, кто назван по имени в «Примечаниях» к изданиям 1812 и 1847 гг. Две сказки, записанные им на нижненемецком диалекте (кроме «О рыбаке и его жене», «Сказка о можжевельнике», КНМ № 47) в начале 1806 г. в Гамбурге, через гейдельбергского издателя Циммера и Ахима фон Арнима были переданы Вильгельму. Пропавшие оригиналы получил затем Брентано.

Семья Вильд

Происходивший из швейцарской бернской семьи кассельский аптекарь Рудольф Вильд (1747—1814) женился в Касселе на Доротее Катарине Хубер (1752—1813), отец которой происходил из Базеля, а мать была дочерью профессора филологии Геттингенского университета Иоханна Маттиаса Геснера. Рудольф Вильд содержал аптеку на Марктгассе, где с 1805 г. проживала по соседству семья Гриммов. Семья Вильдов дала для первого издания по меньшей мере 28 сказок, которые в напечатанных «Примечаниях» все без исключения значатся как «гессенские» без указания имен. Все записи в этой семье



Фридерика Маннель.
Силуэт неизвестного художника.
Находится во владении Луизы Штайн,
правнучки Ф. Маннель (Зап. Берлин).
Публикуется впервые



Филипп Отто Рунге.
Автопортрет в коричневом камзоле.
Дерево, масло. 1810



Доротея Вильд (позднее жена В. Гримма).
Рисунок Л. Э. Гримма. 1814



Фердинанд Гримм.
Рисунок Л. Э. Гримма. 1808

сделаны Вильгельмом Гриммом, который в 1825 г. женился на одной из дочерей Вильдов, Доротее (Дортхен). Есть основания считать, что аптечная экономка Мария Мюллер (1747—1826) тождественна т. н. «старой Марии», на которую ссылаются Гриммы, что именно она рассказывала сказки дочерям Вильдов. Но этот вопрос остается пока нерешенным.

Г-жа Вильд. № 3, 5 (1808) (в записи Вильгельма).

Дортхен Вильд (1793—1867): № 44, под вопросом № 35 (обе — в записи Вильгельма).

Маргарита (Гретхен). Марианна Вильд (1787—1819), с 1810 г. — фон Шмерфельд: № 2 (1808), 4 (1808), 16 (1808), 30 (1808), 4 (1807), 45 (1807) (в записи Вильгельма).

В авторском экземпляре 1812 г. ее имя нигде не упомянуто — свидетельство того, что после замужества она не дала для сборника ни одного сюжета: «С Гретхен ничего больше не возьмешь, она полностью занята своим женихом и, как большинство женщин, боится письменных ошибок» (Якоб к Вильгельму: 24.9.1809; 10, 161).

Две других дочери Вильдов: *Лизетта (Йоханна Элизабет) Вильд (1782—1858), с 1809 г. — фон Эшевеге, и Ми (Мари Элизабет) Вильд (1794—1867), с 1812 г. — Роберт,* рассказывали для сборника только после 1810 г.

Сказки, лишь предположительно рассказанные семьей Вильд: № 11, 13, 17, 25 (в записи Вильгельма).

Прочие сюжеты взяты Гриммами непосредственно из литературных источников (см. комментарий).

Библиография

Приведенная здесь библиография примыкает к комментариям, привлекая источники и дополняя литературно-исторический смысл первоначальных текстов гриммовских сказок, но вместе с тем дает обзор основных книг, документирующих сказочные сюжеты и мотивы, которые пришли в Германию в конце XVIII — начале XIX в.

Наш краткий литературно-исторический обзор, включающий как источники, использованные и объявленные Гриммами, так и установленные исследованиями, призван в конечном счете к тому, чтобы включить гриммовский сказочный сборник на его первоначальном этапе в контекст немецкой повествовательной традиции. Он является обобщением источников, указанных в комментариях.

Помимо всем известных и сравнительно хорошо изученных европейских античных мифографических источников, среди которых следует, пожалуй, особо выделить «Метаморфозы» Овидия, «Мифологическую библиотеку» Аполлодора, «Золотой осел» Апулея, одним из крупнейших таких источников для европейской литературы, и сказки в том числе, является сборник «Панчатантра», который возник в Индии в первой половине I тыс. н. э. и уходит своими корнями в сборник джатак буддийского канона и в «Махабхарату» (400 до н. э.). В VI в. «Панчатантра» была переведена на пехлеви и с пехлеви — на арабский под заглавием «Калила и Димна» и в этой новой форме пошла на запад. С арабского она была переведена на греческий (откуда — на языки Средней Европы, в том числе и на русский: «Стефанит и Ихнилат»), итальянский и испанский (Петром Альфонсой под заглавием «Наставление учащемуся»). В XII в. некий раввин по имени Иоиль переложил ее на иврит, а в XIII в. с иврита на латынь

ее перевел Иоанн Капуанский под заглавием «Руководство человеческой жизни, или Притчи древних мудрецов». Именно на этот текст опираются в последующие четыре века все западноевропейские рукописи и собрания рассказов. От начала книгопечатания текст Капуанского многократно издавался вплоть до конца XV в. В XV в. немецкий гуманист Антон фон Пфорт (ум. 1483) создал перевод-обработку текста Иоанна из Капуи под заглавием «Книга притчей древних мудрецов». Перевод Пфорта только в Германии издавался более 20 раз. Мало того, многие сюжеты из этой книги вошли в бесчисленные собрания немецких шванков, басен и анекдотов. Переведенная и десятки раз изданная—всего на 60 языках в 200 редакциях, — древнеиндийская «Панчатантра» к началу XIX в. стала всеевропейским достоянием.

Значительную роль в пополнении европейской повествовательной традиции средневековья сыграл также памятник древнеиндийской литературы «Веталпанчавинсати» (Двадцать пять рассказов Веталы), входивший в состав сказочного эпоса «Брихаткатка», созданного около V—VI вв. н. э. В Европу он проник через Россию в монгольской обработке «Шидди-Кур», и мотивы его встречаются в европейской традиции уже в XI—XII вв. «Шидди-Кур» мы цитируем по изданию немецкого востоковеда Бернарда Юльга в двух частях: 1 (Лейпциг, 1866) и 2 (Иннсбрук, 1868), из-за труднодоступности русского перевода.

Не меньшей популярностью пользовались в Европе и собрания т. н. эзоповских басен, основной сборник которых датируется I—II вв. н. э., когда Федр и Бабрий переложили их на стихи. В IV в. тексты Бабрия обработал римский поэт Авиан; именно его басни имели большой успех и много раз переводились и пересказывались в течение всего средневековья и Возрождения. Одновременно с авиановским возник анонимный сборник прозаических басен под названием «Ромул» [112], в основу которого легли басни Федра и в предисловии к которому говорилось, будто эти басни написаны самим Эзопом. Через этот сборник имя Эзопа стало известно на средневековом латинском Западе. «Ромул» много

раз переводился, пересказывался и пополнялся сказками о животных, христианскими притчами, притчами из переработок «Панчатантры», фавлио и другими материалами. В XIII в., как и «Руководство человеческой жизни», эзоповские басни привлекаются для иллюстрации христианских проповедей и входят в популярные книги немецких поэтов. В XV в. возникло знаменитое и одно из самых полных эзоповских собраний [400 сюжетов Буркарта Вальдиса (1490—1556), «Эзоп» (1548)], которое было хорошо известно Гриммам [123], так же как и собрание шванков эльзасского францисканца Иоганна Паули (1450/1454—ок. 1530) «В шутку и всерьез», выдержавшее только в XVI—XVII вв. около 60 изданий [109]. В XVII в. эзопика утвердилась во Франции [99] в обработке Жана Лафонтена (1621—1695). Выверяя подлинность басенных сюжетов и формирование стиля обработки эзоповских сказок, Гриммы широко пользовались всей немецкой и частично французской эзопикой, определяя и локализуя сюжеты по одновременно вышедшим в 1810 г. первым критическим изданиям эзопических текстов французского филолога Адамантиоса Кораиса (1748—1833) в Париже [83] и итальянского филолога-издателя Франциска де Фурии (1777—1856) во Флоренции и Лейпциге [88]. Наряду с эзопикой одно из центральных мест в интересах Гриммов занимал европейский животный эпос, в котором они видели подлинные, т. е. наиболее старые, а следовательно, наиболее первоначальные отражения первоисточников народной поэзии—прамифа. Около 1811 г. Якоб переписал 12 532 стиха парижского кодекса «Романа о Ренаре» [100], старофранцузского эпоса XIII в., связи которого братья искали в средневековом латинском анонимном эпосе «Поимка беглеца» (ок. 1043—1046), эпосе «Изенгрин» фламандского поэта Нивардуса (ок. 1174—1250), средневерхненемецком «Райнхарде Лисе» [91], средненидерландском «О лисе Ренаре» (XIII в.) и нижненемецком «Рейнеке Лисе» [1478]. Изучение сказочных сюжетов в этих эпосах и установление параллелей к новейшим памятникам сыграли большую роль в подготовке Гриммами издания «Райнхарда Лиса» в 1834 г.

Гриммы были одними из первых, кто понял огромную роль в распространении сказочных сюжетов XIII—XVII вв. и немецких эпико-сатирических сочинений, черпавших свой материал в собраниях шванков. Братья постоянно пользовались изданием популярнейших стихотворных шванков доминиканского монаха Ульриха Бонера (XIV в.) «Драгоценный камень» [79]; почти энциклопедическим собранием сюжетов из античного, итальянского, французского и немецкого повествовательного наследия «Средство от плохого настроения» (1563, 98) выдающегося немецкого писателя Ханса Вильгельма Кирххофа (ок. 1525 — ок. 1605). К настольным книгам Гриммов принадлежали неоднократно использованные ими как источники текстов, а также сюжетных и мотивных параллелей: пародия-обработка псевдогомерического эпоса «Война лягушек и мышей» [111] Георга Ролленхагена (1542—1609), сатирическая обработка романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» замечательного немецкого писателя Иоганна Фишарта (1546/1547—1590) и вольная сатирическая обработка «Сновидений» Франсиско де Кеведо—Ханса Михаэля Мошероша (1601—1669) [105].

Наряду со светской литературой значительное место в передаче сказочных сюжетов занимали в Германии христианские проповеди как в форме собраний назидательных примеров, предназначенных для нижнего клира, так и в форме изданий знаменитых проповедников, среди которых и Иоганн Балтазар Шупп (1610—1661) с его прославленным «Сказочником Гансом» [115]; после изобретения книгопечатания эти сборники стали предпочтительным чтением в кругах набожных мирян, особенно женщин, которым, как известно, принадлежит особая роль в культивировании сказительства. Якоб Гримм тщательно изучал эту литературу, фактически открыл ее для немецкого XIX в.

На пути к реконструкции немецкой мифологии Гриммы пристально занимались немецким и французским куртуазным эпосом, поэзией миннезанга и майстерзанга и, прежде всего, родственной и в большей мере, по убеждению Гриммов, сохранившей мифологическую целостность древнеисландской поэзией, представленной «Младшей Эддой» великого исланд-

ского поэта и историка Снорри Стурлусона (1178—1241), которая была доступна Гриммам в трехязычном (исландско-датско-латинском) издании Петруса Резениуса [84], и безымянной «Старшей Эддой», изданной в 1812 г. немецким историком Кристианом Фридрихом Рюсом [85] и в 1815 г. — самими Гриммами (не полностью). Против Ф. Рюса, считавшего содержание «Эдды» позднейшими выдумками, «побасенками», Гриммы отстаивали реальность событий исландского героического эпоса как реальность особого рода — мифологически зашифрованную. С такой же оценкой они подходили и ко всевозможным средневековым и ренессансным хроникам.

Однако всех этих элементов сказочной традиции было бы мало для возникновения немецкой книжной сказки, если бы не итальянская новеллистика Возрождения, с которой Германия познакомилась в XV в. в переводах Генриха Шлюссельфельдера из «Декамерона» Боккаччо, Никласа фон Виле (1410—1480) из Энея Сильвио, Пикколомини и Поджо. Но усвоение итальянской, а с ней и всей средиземноморской сказочно-повествовательной традиции пошло по другому пути. Фактическим создателем книжной сказки на европейской культурной почве стал Джованфранческо Страпарола (1480—ок. 1557) в своей книге «Приятные ночи» [119]; в XVI в. только в Италии она выдержала свыше 30 изданий, распространившись в многочисленных переводах по Европе. В 1791 г. вышел в Вене и немецкий перевод Страпаролы. Еще более выдающуюся роль, чем Страпарола, сыграл в европейской сказочной традиции Джамбаттиста Базиле (1575—1632) своим «Рассказом рассказов. Развлечением для детей» [78], написанным на неаполитанском диалекте и вышедшим посмертно в 1634 и переиздававшимся 14 раз. С последнего издания (1788; Ф. Галиани) был сделан немецкий перевод, вышедший в 1808 г. в Цюрихе. Большая часть сказок Базиле вошла во все последующие европейские сказочные сборники: в «Сказках» Гриммов насчитывается свыше 30 сюжетов, прямо или косвенно зависящих от Базиле.

В 1699 г. во Франции вышел сборник Шарля Перро (1628—1703) «Сказки матушки Гусыни» [110]. Перро, обрабо-

тавший сюжеты Страпаролы и Базиле во вкусе своего времени, вызвал настоящий потоп сказочных сборников. С этого момента средоточием европейских сказочных традиций средневековья и Возрождения становится Франция, где из объединения итальянской сказочной новеллы, острофабульного средневекового рыцарского романа, средневековых сказочных сюжетов и мотивов, разбросанных по житиям святых, хроникам, куртуазным и народным фэблио родился новый литературный жанр салонных волшебных сказок или сказок о феях, который, возможно бы, не состоялся, если бы не первый европейский перевод «1001 ночи» [89] французского востоковеда Антуана Галлана (1646—1725). Книга вышла в 12 т. и была переведена на большинство языков Европы. По меньшей мере 15 гриммовских сказок прямо восходят к этому сборнику, а по отдельным мотивам куда больше. Гриммы одними из первых распознали важность этой книги для европейской сказочной традиции XVIII в., хотя влияние ее на Европу датируется еще средними веками и Возрождением, и много работали с нею. Переводы, обработки и подражания возымели огромный успех, и из сказок о феях французские мотивы стали вытесняться восточными. Один за другим выходят сборники галантных «феерических» сказок, среди которых по популярности и влиятельности пальма первенства принадлежит Марии Катрин д'Онуа, баронессе де Бервиль (1650/1651—1705) с ее четырехтомным собранием «Сказки о феях» (1-е изд. 1697 г. бесследно утеряно) и «Новыми сказками о феях» (1698). Среди знаменитых авторов этого жанра следует упомянуть также Марию Жанну Леритье (1664?—1734), Генриетту Жюлию де Мюрат (1676—1716), Жака Прешака (1647—1693), Жана де Мелли (?—1724) и Антуана Гамильтона (1646—1720).

Все эти авторы, включая и Перро, вошли в начавшее издаваться в 1717 г. знаменитое на всю Европу собрание «Кабинет фей», и в 1785—1789 гг. в Амстердаме и Париже в издании тогда почти неизвестного французского печатника Шарля Жозефа де Майера (1751—1825) оно вышло в 41-м томе! [82].

В 1781 г. немецкий поэт и писатель Иоганн Генрих Фосс (1751—1826) переводит на немецкий французское издание А. Галлана «1001 ночи» и публикует ее во второй раз в знаменитой тогда крупнотиражной и многотомной бульварной серии Ф. И. Бертуха «Синяя библиотека всех наций». В многочисленных переводах XVIII в. становится практически достоянием немецких бюргерских масс и вся французская сказочная литература. В 1782—1787 гг. немецкий писатель и переводчик Иоганн Карл Август Музеус (1735—1787) под воздействием французской сказочной традиции создает пятитомное собрание «Народных сказок немцев» [106]. Эта книга, в которой было больше литературно обработанных сказаний, чем сказок, имела необыкновенный успех. Чуть позже Музеуса плодovitая бульварная писательница и переводчик Кристина Бенедикта Евгения Науберт (1756—1819) публикует пятитомные «Новые народные сказки немцев» [107], содержащие переработанные легенды и сказания в духе французских сказок о феях. В это же время выходит еще несколько немецких сказочных собраний, среди которых следует отметить эрфуртский аноним Вильгельма Кристофа Гюнтера (1755—1826) [92], «Народные сказания», пересказанные Отмаром Иоганном Карлом Кристофом Нахтигелем (1753—1819), брауншвейгский аноним 1801 г. «Сказки о феях» [86], анонимные «Сказания богемской старины» [113], «Детские сказки» Альберта Людвига Гримма (1786—1872) [90].

Уже на ранних этапах работы Гриммы, следуя примеру Брентано и Арнима, привлекали и такие солидные справочные издания, как «Всеобщая мифологическая энциклопедия» Ф. Майера (1803—1804, 1—2) и И. Г. Грубера (1810—1814, 1—3), «Еврейские истории» Христофора Хельвикуса (1611—1612, 1—2), «Новый мифологический словарь» Пауля Фридриха Ахата Нича (1793), «Гольштейнский толковый словарь» Иоганна Фридриха Шютце (1801, 1—4), «Всеобщая полиглотическая энциклопедия естественной истории» Филиппа Андреаса Немниха (1793—1798, 1—8), «Опыт швейцарского толкового словаря с этимологическими заметками» Франца Йозефа Штальдера (1813, 1—2). В отдельных словах, выражениях,

именах, названиях Гриммы усматривали обозначения мифопоэтических представлений и даже осколки сюжетов.

Франко-немецкая традиция книжной сказки XVIII в. оказала определяющее влияние на бытование сказки в немецкой устной среде. Тем более, если учесть своего рода книжный бум в Германии последней четверти XVIII в., когда в ряду бытовых бюргерских ценностей книги заняли особо почетное место, когда начитанность стала одним из мерил социальной значимости человека, а пересказ прочитанного — важной формой человеческого общения. По законам контаминации, хронологического сдвига и сохранности сюжета в зависимости от его удаленности от письменного источника, — законам, которые первыми начали нащупывать Гриммы, информанты Эленбергской рукописи сообщали Гриммам сюжеты разной сохранности и, как правило, в количестве большем (при относительно большем разнообразии), чем было текстов, породивших эти сюжеты. Важно отметить — именно в контексте особой, книжной, ситуации немецкой повествовательной традиции, которая А. Вессельского побудила к утверждению, будто «в немецких странах именно книга определяет распространение сказки, книга наполняет жизнью устную традицию, книга помогает устной традиции стать чем-то новым» [69, 180], — что среди гриммовских информантов не было, в сущности, ни одного профессионального сказителя, т. е. такого человека, у которого, помимо незаурядной, специально ориентированной памяти, грамотность и начитанность не убивают устную традицию, а укрепляют ее (ср. Азадовский: 74). Репертуар гриммовского круга непрофессиональных информантов сравнительно быстро иссякал, бывшие у Гриммов под руками литературные обработки сказок подавали более убедительные примеры «народности» сюжетного построения и стиля, и к 1819 г. пополнение сборника опять пошло преимущественно за счет литературы.

За пределами этого обзора осталась масса источников, процитированных в тексте комментариев, а также ряд книг, привлеченных Гриммами для работы не только над сказками, но и для издания и комментирования немецких средневековых текстов, написания «Немецкой грамматики», «Немецкой мифо-

логии», а позднее — и «Словаря немецкого языка». Заметим, что при сравнении списка источников, приводимого в 1 т. «Словаря» (13, 1, I XVIII—XCI), источников «Немецкой мифологии» с источниками КНМ и «Немецких сказаний» [12] видно, что гриммовская рабочая библиография начала складываться в период первоначальной редакции КНМ, и в этом, помимо динамики и фактуры первоначальных сказочных текстов, мы усматриваем источниковедческое значение литературоведческой по преимуществу, фольклористической деятельности Гриммов. И заложенное ими эвристическое здание европейской повествовательной традиции продолжает строиться.

Избранные работы Гриммов

Издания Эленбергской рукописи

1. Märchen der Brüder Grimm in der Urform / Nach der Handschrift herausgegeben von Franz Schultz. Offenbach am Main, 1924.
2. Märchen der Brüder Grimm. Urfassung nach der Original-handschrift der Abtei Ölenberg im Elsaß / Hg. von J. Lefftz. Heidelberg: Schriften der Elsaß-Lotringischen Wissen-schaftlichen Gesellschaft zu Straßburg, 1927.
3. Grimms Märchen in ursprünglicher Gestalt nach der Oelenberger Handschrift von 1810 / Hg. und Nachwort von M. Lemmer. Leipzig: Inselverlag, 1963.
4. Die älteste Märchensammlung der Brüder Grimm: Synopse der Handschriftlichen Urfassung von 1810 und der Erstdrucke von 1812 / Hg. und erl. von H. Rölleke. Cologny-Genève: Fondation Martin Bodmer (Bibliotheca Bodmeriana. Texte I), 1975.

Прочие книги Гриммов

5. [Grimm W. Übers.] Altdänische Heldenlieder. Balladen und Märchen. Heidelberg: bey Mohr und Zimmer, 1811. Авторский экземпляр, подаренный «Моему дорогому брату Луи [Людвигу Эмилю] на память. В день Нового 1813 года», хранится в Музее братьев Гримм в Касселе: Skand. Lit. 402^a.

6. [Grimm J., W.] Altdeutsche Wälder / Hg. durch die Brüder Grimm. Bd. 1. Cassel: Thurneisse, 1813; Bde 2—3. Frankfurt: Bernhard Körner, 1815—1816.
7. Grimm J. Deutsche Mythologie. Göttingen: Dieterichsche Buchhandlung, 1835. Авторский экземпляр Якоба с многочисленными рукописными добавлениями хранится в SBPK Berlin-West: Nachlaß Grimm 50.
8. Grimm J. Deutsche Rechtsalterthümer. 4. Ausg. Leipzig: Mayer & Müller, G.M.B.H., 1922. Bde 1—2.
9. [Grimm J., W.] Briefe der Brüder Grimm an Savigny / Hg. in Verb. mit Ingeborg Schack von W. Schoof. Berlin, 1953.
10. [Grimm J., W.] Briefwechsel zwischen Jacob und Wilhelm Grimm aus der Jugendzeit, 2. Aufl. / Hg. von W. Schoof. Weimar, 1963.
11. Grimm W. Die Deutsche Heldensage. Göttingen: Dieterichsche Buchhandlung, 1829. Авторский экземпляр Вильгельма с многочисленными рукописными пометами, маргиналиями и закладками хранится в SBPK Berlin-West: Nachlaß Grimm 13.
12. [Grimm J., W.] Deutsche Sagen: Herausgegeben von den Brüder Grimm. Erster und Zweiter Theil, Berlin: in der Nicolaischen Buchhandlung, 1816—1818. Авторский экземпляр с пометами, маргиналиями и закладками хранится в SBPK Berlin-West: Nachlaß Grimm. 84 u. 86.
13. Grimm J., W. Deutsches Wörterbuch. Bde 1—16. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1854—1914.

14. Grimm J., W. Kinder-und Hausmärchen. Bde 1—3. Göttingen: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1856.
15. Grimm J., W. Kinder-und Hausmärchen. Ausgabe letzter Hand mit den Originalanmerkungen der Brüder Grimm. Mit einem Anhang sämtlicher, nicht in allen Auflagen veröffentlichter Märchen und Herkunftsnachweisen. Bde 1—3 / Hg. von H. Rölleke. Stuttgart: Reclam, 1984.
16. Grimm J. Kleinere Schriften. Bde 1—5 / Hg. von K. Müllenhoff. Berlin: Ferd. Dümmlers Verlagsbuchhandlung, 1864—1871; Bd. 6—7 / Hg. von E. Ippel. Berlin: Dümmler, 1882—1884; Bd. 8 / Hg. von E. Ippel. Gütersloh: Bertelsmann, 1890.
17. Grimm W. Kleinere Schriften: Bde 1—3 / Hg. von G. Hinrichs. Berlin: Dümmler, 1881—1883. Bd. 4. Gütersloh: Bertelsmann, 1887.
18. Grimm. Kinder-und Hausmärchen / Gesammelt durch die Brüder Grimm. Berlin: Realschulbuchhandlung (G. Reimer), 1812. B ГБЛ: МК $\frac{VII68}{8}$. Kinder-und Hausmärchen gesammelt durch die Brüder Grimm: Vergrößter Nachdruck der zweibändigen Ausgabe von 1812 und 1815 nach dem Handexemplar des Brüder Grimm-Museums in Kassel mit sämtlichen handschriftlichen Korrekturen und Nachträgen der Brüder Grimm sowie einem Ergänzungsheft / In Verb. mit U. Marquardt von H. Rölleke. Göttingen; Zürich: Vandenhoeck und Ruprecht, 1986.
19. [Grimm J., W.] Märchen aus dem Nachlaß der Brüder Grimm / Hg. von H. Rölleke. Bonn, 1983.

20. Grimm J., W. Sagenverzeichnis (рукопись). SBPK, Berlin-West: Nachlaß Grimm 1756. Konv. 1.
21. [Grimm J., W.] Unbekannte Briefe der Brüder Grimm / Hg. von W. Schoof und J. Göres. Bonn, 1960.
22. Grimm J., W. Volkslieder, Bde 1—2 / Trans. von K. Bredehorn; Hg. von Ch. Oberfeld, P. Assion, L. Denecke, L. Röhrich, H. Rölleke. Marburg: N. G. Elwert, 1985—1986.
23. Братья Гримм. Сказки / Пер. с нем. Г. Петникова. М.: Худож. лит., 1978.

***Работы о Гриммах,
книги прочих авторов,
справочные издания***

24. [A. von Arnim C. Brentano] Des Knaben Wunderhorn. Alte deutsche Lieder gesammelt von L. A. von Arnim und C. Brentano. Bde 1-3. Heidelberg: Mohr und Zimmer; Frankfurt: J. C. B. Mohr, 1806 [Bd. 1 eigentl.: 1805]—1808.
25. Achim von Arnim, L. Sämtliche Werke, Bde 1 — 22/Hg. von Wilhelm Grimm. Berlin, 1839—1856.
26. [Adenet le Roi] Les Oeuvres d'Adenet le Roi. V. 1—5/Ed. A. Henry. Brugge; Bruxelles; 1951 — 1971.
27. Benz R. Märchendichtung der Romantiker. 2. Ausg. Jena, 1926.
28. Berendsohn W. A. Grundformen volkstümlicher Erzählkunst in den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Hamburg: Verlag W. Gente, 1922.
29. Bolte J., Polívka J. Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Bde 1—3. Leipzig, 1913—1918.
30. Brentano C. Wunderbare Erzählungen und Märchen. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1965.

31. Creuzer F. Symbolik und Mythologie der Alten Völker besonders der Griechen. Bde. 1—3. Darmstadt, 1810—1812.
32. Daffis H. [Bearb.]. Inventar der Grimm-Schränke in der Preußischen Staatsbibliothek. Leipzig: K. W. Hiersemann, 1923.
33. Denecke L. Jacob Grimm und sein Bruder Wilhelm. Stuttgart: Metzler, 1971.
34. Deulin C. Les contes de ma mère l'oye avant Perrault. Paris, 1879; Genève, 1969.
35. Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung, Bde 1—4 (не закончено)/Hg. von Kurt Ranke. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1975—1984.
36. Freitag E. Die Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm im ersten Stadium ihrer stilgeschichtlichen Entwicklung. Vergleich der Urform (Oelenberger Handschrift) mit dem Erstdruck (1. Band) von 1812. Frankfurt am Main, 1929.
37. Gass K. E. Die Idee der Volksdichtung und die Geschichtsphilosophie der Romantiker <zur Interpretation des Briefwechsels zwischen den Brüder Grimm und Achim von Arnim>. Wien, 1940.
38. Ginschel G. Der junge Jacob Grimm. Berlin: Akademie-Verlag, 1967.
39. Hagen R. Perraults Märchen und die Brüder Grimm // Zeitschrift für deutsche Philologie. 74, 1955. S. 392—410.
40. Hamann H. Die literarischen Vorlagen der Kinder- und Hausmärchen und ihre Bearbeitung durch die Brüder Grimm. Berlin (Palaestra XLVII), 1906.
41. Handwörterbuch des deutsche Märchens/Hg. von L. Mac-kensen, Bde 1—2. Berlin; Leipzig, 1931—1940.
42. Jolles A. Einfache Formen. Legende. Sage. Mythe, Rätsei. Spruch. Kasus. Memorabile. Märchen. Witz. 2. Aufl. Halle (Saale) 1956.
43. Kanne J. A. Erste Urkunden der Geschichte oder allgemeine Mythologie. Bde 1—2. Bayreuth 1808.
44. Leyen Fr. Das deutsche Märchen und die Brüder Grimm. Düsseldorf; Köln: Eugen Diederichs Verlag, 1964.

45. Liungmann W. Das schwedische Märchen. Berlin, 1961.
46. Lüthi M. Das europäische Volksmärchen. Form und Wesen. Bern: A. Francke AG. Verlag, 1947.
47. Röhrich L. Erzählungen des späten Mittelalters und ihr Weiterleben in Literatur und Volksdichtung bis zur Gegenwart. Bde 1—2. Bern; München, 1962, 1967.
48. Röhrich L. Sage und Märchen. Erzählforschung heute. Freiburg; Basel; Wien, 1976. S. 272—291.
49. Romain A. Zur Gestaltung der Grimmschen Dornröschenmärchens // Zeitschrift für Volkskunde. Jg. N 42. 1933. S. 84—116.
50. Rölleke H. Die Urfassung der Grimmschen Märchensammlung // Euphorion 68, 1974. S. 331—336.
51. Scherer J. Jacob Grimm. Berlin: Druck und Verlag von G. Reimer, 1865.
52. Scherf W. Lexikon der Zaubermärchen. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1982.
53. Schmidt K. Die Entwicklung der Grimmschen Kinder und Hausmärchen seit der Urhandschrift nebst einem kritischen Texte der in die Drucke übergegangenen Stücke. Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag (Hermea XXX), 1932.
54. Schoof W. Die Grimmschen Märchen // Börsenblatt für den deutschen Buchhandel, Frankfurter Ausgabe. N 100, 1962.
55. Schoof W. Der Froschkönig oder der eiserne Heinrich // Wirkendes Wort, N 7, 1956/57, S. 45—49.
56. Schoof W. Neue Beiträge zur Entstehungsgeschichte der Grimmschen Märchen // Zeitschrift für Volkskunde. N 51, 1954. S. 209—214.
57. Schoof W. Zur Entstehungsgeschichte der Grimmschen Märchen. Bearbeitet unter Benutzung des Nachlasses der Brüder Grimm. Hamburg: Dr. E. Hanswedell & Co, 1959.
58. Seitz, Gabriele. Die Brüder Grimm. Leben—Werk—Zeit. II. Aufl. München: Winkler, 1985.
59. Spies O. Orientalische Stoffe in den Kinder—und Hausmärchen der Brüder Grimm. Walldorf; Hessen, 1952.
60. Steig R. Achim von Arnim und Jacob und Wilhelm Grimm.

- Stuttgart; Berlin: Verlag der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1904.
61. Steig R. Clemens Brentano und die Brüder Grimm. Stuttgart: Berlin, 1914.
 62. Steig R. Goethe und die Brüder Grimm. Berlin: Verlag von W. Hertz, 1892.
 63. Tonnelat E. Les Contes des frères Grimm. Etude sur la composition et le style du recueil des Kunder-und Hausmärchen. Paris, 1912.
 64. Volkserzählung und Reformation. Ein Handbuch zur Tradierung und Funktion von Erzählstoffen und Erzählliteratur im Protestantismus /Hg. von W. Brückner. Berlin, 1974.
 65. Vries J. Betrachtungen zum Märchen, besonders in seinem Verhältnis zu Heldensage und Mythos // FF Communicati-
ons. Vol. 63. 2, N 150. Helsinki, 1954.
 66. Vries J. Dornröschen // Fabula 2, 1958. S. 110—121.
 67. Wesselski A. Deutsche Märchen vor Grimm. Brünn; München; Wien: R.M. Rohrer Verlag, 1942.
 68. Wesselski A. Märchen des Mittelalters. Berlin, 1925.
 69. Wesselski A. Versuch einer Theorie des Märchens. Reichenberg in Breslau, 1931.
 70. Wyss U. Die wilde Philologie: Jacob Grimm und der Historismus. München: Beck, 1979.
 71. 200 Jahre Brüder Grimm: Dokumente ihres Lebens und Wirkens / Hg. von D. Hennig und B. Lauer. Kassel: Berlag Weber & Weidemeyer, 1985.
 72. Азадовский М. К. Беседы собирателя. О собирании и записывании памятников устного народного творчества. Иркутск, 1924.
 73. Азадовский М. К. Литература и фольклор. Ленинград, 1938.
 74. Азадовский М. К. Сказительство и книга // Язык и литература. Ленинград, 1932. Т. VIII. С. 5—28.
 75. Герстнер Г. Братья Гриммы / Пер. с нем. М.: Мол. гвардия, 1980.
 76. Мифы народов мира. Т. 1—2. М.: Сов. энциклопедия, 1980—1982.

*Книги — источники сюжетов
Эленбергской рукописи*

77. [Barbazan E. et D. Meon] Fabliaux et contes des poètes français des XI, XII, XIII et XV s. V. 1—4. Paris, 1808.
78. [Basile] Il Pentamerone Del Cavalier Giovan Battista Basile, Ouero Lo Cvnto de li Cvnte, Tratteneniento de li Peccerille... Napoli: Ad istanza di A. B. Libarrio all'Insegna della Sirena. MDCLXXIV (1674).
79. Boner U. Der Edelstein. Bamberg: A. Pfister, 1461.
80. Brueyre L. Contes populaires de la Grande-Bretagne. Paris: Hachette, 1875.
81. [Büsching G. J.] Volks-sagen und Legenden/Gesammelt von J. G. Büsching. Abt. 1—2. Leipzig: C. H. Reclam, 1812.
82. Cabinet des fées, ou la collection choisie des contes de fées et autres contes merveilleux. V. 1—41/Ed. Charl-Joseph de Mayer. Amsterdam; Paris, 1785—1789.
83. [Corai s. Adamantios] *μύθων αἰσωπεύων συναγωγή*/Ed. Ad. Corai s. Parisiis, 1810.
84. Edda Islandorum an. Chr. MCCXV Islandice Conscripta per Snorrem Sturlae Islandiae Nomophylacem nunc Primun Islandice. Danice. Et. Latine Ex Antiquis Codicibus. M. SS Bibliothecae. Regis. Et. Aliorum/In Lucem Prodit Opera Et Studio Petri Johannis Resenii J. V. D. Juris Ac. Athices. Prof. publ. Et Consulis... Havniae: Typis Henrici Gōdiani Reg. Et Acad. Typo MDCLXV (1665). Этот экземпляр, которым пользовались Гриммы, хранится в Кассельской б-ке: F 1144. Рус. пер.: Младшая Эдда/Изд. под. О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. Л.: Наука, 1970.
85. Die Edda: Nebst einer Einleitung über die nordische Poesie und Mythologie und einem Anhang über die historische Literatur der Isländer/Hg. von Ch. F. Rühls. Berlin: Reimer, 1812. Этот рецензированный В. Гриммом экземпляр (см. 17, 2, 80—99) хранится в Музее Гриммов в Касселе: Ass. Grimm 1983.237. Рус. пер.: Старшая Эдда/Пер.

- А. И. Корсуна; Ред., вступ. ст. и коммент. М. И. Стеблин-Каменского. М.; Л.: Наука, 1963.
86. Feen-Mährchen. Braunschweig. 1801.
 87. Fischart J. Affentheuerlich Naupengeheuerliche Geschichtsklitterung Von Thaten vnd Rhaten der vor kurtzen langen vnnnd je weilen Vollenwolbeschreiten Helden vnd Herren Grandgöschier Gorgellantua [...] Etwan von M. Frantz Rabelais Frantzosisch entworffen: Nun aber vnbeschrecklich lustig in einen Teutschen Model vergossen [...] Im Fischen Giltz Mischen. Gedruckt zur Grensing im Gansserich, 1590 [переизд.: Halle (Saale), 1969, Bde 1—2]. Гриммы владели изданием 1594 г.
 88. [Furia, Franciscus de]. Aesopus/fura et studio Francisci de Furia. Florentiae; Lipsiae, 1810.
 89. [Galland A.] Les Mille & Une Nuit. Contes Arabes, v. 1—12/Traduits en François par Mr Galland. A Paris: Chez la Veuve de Claud Barbin, au Palais, sur le second Perron de Sainte Chapelle, MDCCIV-MDCCXVII (1704—1712). Рус. пер.: Книга тысячи и одной ночи в 8 т./Пер. М. А. Салье. 1958—1960.
 90. [Grimm A. L.] Kindermährchen von Albert Ludwig Grimm. Heidelberg: zu finden bei Mohr und Zimmer. o.J <1808>.
 91. [Grimm J.] Reinhart Fuchs/Hg. von Jacob Grimm. Berlin: Bei Reimer, 1834.
 92. <Günther, Chr. Wilhelm> Kindermährchen aus mündlicher Erzählung gesammelt. Erfurt: Keyser, 1787.
 93. [Hagen F. H. von der. Hg.] Gesamtabenteuer. Bde 1—3. Stuttgart—Tübingen, 1850.
 94. [Hartmann von der Aue] Der arme Heinrich von Hartmann von der Aue / Aus der Straßburgischen und Vatikanischen Handschrift herausgegeben und erklärt durch die Brüder Grimm. Berlin: Realschulbuchhandlung (Reimer), 1815.
 95. Jātākam. Das Buch der Erzählungen aus früheren Existenz Buddhas. Bde 1—7 / Aus dem Pāli zum ersten Male vollst. ins Dt. übers. von J. Dutoit. Leipzig. 1908—1921. Неполный рус. пер.: Джатаки. Из первой книги «Джатак» / Пер. с пали Б. Захарьина. М., 1979.

96. Johann von Kapua. Beispiele der alten Weisen. Übersetzung der hebräischen Bearbeitung des indischen Panatantra ins Lateinische / Hg. u. übers. von F. Geissler. Berlin: Aufbau-Verlag, 1960. Рус. пер. греч. обработки «Панчатантры»: Стефанит и Ихнилат. Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII вв. Л., 1969. Калила и Димна / Пер. с араб. И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина. М.; Л.: Academia, 1934. Панчатантра / Пер. с санскрита и примеч. А. Я. Сыркина; ст. В. В. Иванова. М.: Наука, 1958.
97. Jülg B. Die Märchen des Schiddhi-Kür. Leipzig, 1866. Mongolische Märchen / Hg. von B. Jülg. Innsbruck, 1968. Шидди-Кур: Собрание монгольских сказок / Пер. на рус. Ламы Галсана Гомбаева // Этнографический сб. рос. географического о-ва. СПб., 1865. (Полная монгольская рукопись, с которой сделаны рус. и нем. пер., хранится в Ленинграде).
98. Kirchhof H. W. Wendunmuth. Bde 1—4; 7 B. / Hg. von H. Österley. Tübingen: Bibliothek des litterarischen Vereins, XCV—XCVIII, 1869.
99. La Fontaine, Jean de. Fables choisies, v. 1—4 / Chez Desaint & Saillant... Durand: De l'imprimiri de Ch.-A. Jombert, 1755—1759.
100. Le Roman du Renart. V. 1—4 / Publié d'après les Manuscrits de la Bibliothèque du Roi des XIII, XIV, XV Siècles par M. D. M. Méon, Paris: Chez Treuttel et Würtz, MDCCCXXVI (1826). Гриммы работали с собственной рукописной копией, сделанной ими с оригинала (см. введ. в библиогр.).
101. Marie de France. Die Fabeln / Hg. von K. Warncke. Halle. 1898.
102. Marie de France. Die Lais... / Hg. von K. Warncke. Halle: M. Niemeyer, 1895.
103. Minnesinger / Hg. von F. H. von der Hagen. Leipzig, 1838. Bde 1—3.
104. Montanus M. Schwankbücher / Hg. von Johannes Bolte.

- Tubingen: Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgart. CCXVII, 1899.
105. Moscherosch H. M. Les visions de Don Quevedo: Satyrische Gesichte Philanders von Sittenwald. Lëyden: Gedruckt... bey Adrian Wyngarten, 1646—1647.
 106. Musäus J. C. A. Volksmährehen der Deutschen... Gotha: C W. Ettinger, 1782—1787. Th. 1—5.
 107. Naubert Ch. B. E. Neue Volksmährchen der Deutschen. Leipzig: Weygandsche Buchhandlung, 1789—1793. Bde 1—5.
 108. Nemnich Ph. A. Allgemeines Polyglotten Lexikon der Naturgeschichte: In 4 v. Hamburg und Halle, 1793—1795. 8 pts.
 109. Pauli J. S. Ernst / Hg. von H. Österley. Stuttgart, 1866.
 110. [Perrault Ch.]. Histoires ou Contes du Temps Passé. Avec des Moralez / Par les Fils de Monsieur Perrault de l'Académie François. Suivant la Copie. Paris, MDCXCVII (1697).
Перро Ш. Сказки / Пер., вступ. ст., коммент. Андреева. М.; Л.: Academia, 1936.
 111. Rollenhagen G. Froschmeuseler / Hg. von Karl Goedecke. Leipzig, 1876.
 112. Romulus, die Nachahmungen des Phaedrus und die äsopische Fabel im Mittelalter / Hg. von H. Österley. Tübingen, 1870.
 113. Sagen der Böhmischen Vorzeit aus einigen Gegenden alter Schlößer und Dörfer. Prag und Wien: in den Schönfeldischen Niederlagen, 1798. — Гриммы владели экземплярю 1808 г.
 114. Schmeller J. A. Bayerisches Wörterbuch mit urkundlicher Belegen. Stuttgart, 1827. Th. 1.
 115. [Schupp J. B.] Joh: Balth: Schuppii Schriften. o.O, o.J.
 116. Schütze, J. F. Holsteinisches Idiotikon. Hamburg, 1801. Bde 1—4.
 117. Stalder F. J. Versuch eines schweizerischen Idiotikons mit etym. Bemerkungen. Aarau: Sauerländer, 1813. Bde 1—2.
 118. [Steinhövel H.] Aesopus. Der wahre und erneuerte Esopus, das ist Das ganze Leben und Fabeln Esopi / aus dem Lateinischen übersetzt von Heinrich Steinhövel / Hg. von H. Österley. Tübingen, 1873.

119. [Straparola] Le Piacevoli notti di M. Giovanfrancesco Straparola da Carauaggio. Nelle quali si contengono le fauole con i loro enimmi da dieci donne, e duo giouani raccontate, cosa diletтуole, ne piu data in luce... Vinegia: Comin da Trino di Monferrato. MDLI (1551). Нем. пер. Die Nächte des Straparola von Caravagozin. Wien, 1791. Bde 1—2. Рус. пер.: Джованфранческо Страпарола да Караваджо. Приятные ночи / Изд. подг. А. С. Бобович, А. А. Касаткин, Н. Я. Рыкова. М.: Наука, 1978.
120. Tabart B. Collection of popular stories for the nursery: Newly translated and revised from the french, italian and oldenglish writers. London, 1809. V. 1—4.
121. <Villeneuve G.-S. B.> Die junge Amerikanerin, oder Verkürzung müßiger Stunden auf dem Meere: Aus verschiedenen Sprachen übersetzt. Bde 1—4. Ulm, 1765.
122. Vilmar A. F. Ch. Idiotikon von Kurhessen. Marburg; Leipzig, 1867.
123. Waldis B. Esopus Gantz neuw gemacht, vnd in Reimen gefaßt. Mit sampt Hundert neuwer Fabeln, vormals im Druck nicht gesehen, noch außgegangen. Frankfurt am Mayn: Bey G. Raben, vnd W. Hanen Erben, MDLXV (1565). Экз. Я. Гримма с пометами, подчеркиваниями и закладками хранится в Гессенском гос. архиве (HSA) в Марбурге: 340 Grimm L268. Цит.: Waldis B. Esopus / Hg. von. J. Tittmann. Leipzig, 1882.
124. Апулей. Золотой осел / Пер. с лат. М. Кузьмина. М., МСМЛVI (1956).
125. Деперье Бонавентюр. Кимвал мира: Новые забавы и веселые развлечения. М.; Л.: Academia, 1936.
126. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева / Изд. подг. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М.: Наука, 1984—1985. Т. 1—3.
127. Овидий Назон, Публий. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии / Пер. С. В. Шервинского. М., 1903.
128. Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок/Изд. для любителей

- оных иждивением мос. купца Ивана Иванова. М.: Тип. А. Решетникова, 1795. Ч. 1—3.
129. [Худяков И. А.] Великорусские сказки/В записи И. А. Худякова. М., 1860—1861 (Т. 1—2); Т. 3. СПб., 1862. 2-е изд. М.; Л., 1964.
130. Эзоп / Пер., вступ. ст. и коммент. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1968.

**Якоб Гримм,
Вильгельм Гримм.**

Сказки
Эленбергская рукопись

Зав. редакцией
В. А. Широков
Редактор
И. П. Глазырина
Художественный редактор
Т. Н. Руденко
Технический редактор
Е. И. Полякова
Корректор
Н. И. Скворцова
Ретушер
Е. А. Стогова

ИБ № 1209. Сдано в набор 10.07.87. Подписано в печать 3.05.88.
Формат 84x108^{1/64}. Бум. мелованная 115 гр. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр.-отг. 29,19. Уч.-изд.
л. 14,93. Тираж 10.000 экз. Изд. № 3724. Заказ № 4336. Цена бр.

Издательство «Книга», 125047, Москва, ул. Горького, 50.

Фотонабор выполнен ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного знамени МПО «Первая Образцовая типография» им. А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Госкомиздате СССР. 113054, Москва, ул. Валовая, 28.

Отпечатано в московской типографии № 5 Союзполиграфпрома при Госкомиздате СССР. 129243, Москва, ул. Мало-Московская, 21.